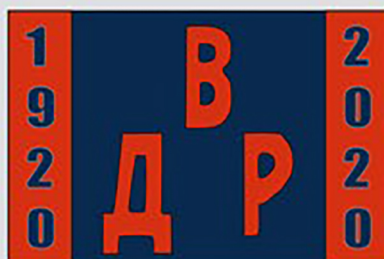

Всероссийская
научно-практическая
конференция

ДВР И ЗАВЕРШАЮЩИЙ ЭТАП ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В СИБИРИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Чита, 2020

Забайкальский государственный университет
Правительство Забайкальского края
Министерство культуры Забайкальского края
Институт истории, археологии и этнографии Дальнего Востока ДВО РАН
Забайкальский краевой краеведческий музей им. А. К. Кузнецова
Забайкальское региональное отделение Российского общества политологов
Отделение Российского исторического общества в г. Чите
Российское военно-историческое общество в Забайкальском крае
Байкальское региональное отделение Академии военных наук

*Посвящается
100-летию образования
Дальневосточной республики*

ДВР и завершающий этап гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке

Всероссийская научно-практическая конференция

3 ноября 2020 г.

г. Чита

Чита
ЗабГУ
2020

УДК 93/94(082)
ББК 63.3(2)612-9я43
ББК ТЗ(2)612-9я43
Д 155

Рекомендовано к изданию организационным комитетом
научно-практического мероприятия
Забайкальского государственного университета

Рецензенты

Т. Е. Санжиева, д-р ист. наук, профессор,
профессор кафедры истории Бурятии,
Бурятский государственный университет,
г. Улан-Удэ

Н. В. Гордеев, д-р ист. наук, профессор, г. Чита

Редакционная коллегия

Е. В. Дроботушенко (отв. редактор), *А. В. Дроботушенко*, *Н. Г. Дятчина*,
В. В. Кузнецов, *Ю. Н. Ланцова*, *Г. В. Мясникова*, *М. В. Пряженникова*, *О. А. Яремчук*

Д 155 **ДВР и завершающий этап гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке** : материалы Всероссийской научно-практической конференции / Забайкальский государственный университет ; ответственный редактор Е. В. Дроботушенко [и др.]. – Чита : ЗабГУ, 2020. – 143 с.
ISBN 978-5-9293-2686-8

В сборнике представлены материалы докладов и выступлений участников Всероссийской научно-практической конференции «ДВР и завершающий этап гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке», состоявшейся в г. Чите в начале ноября 2020 г., посвящённой 100-летию образования Дальневосточной республики и 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Учёные, преподаватели высших учебных заведений, музейные работники, краеведы России, в частности Забайкальского края, обсуждали вопросы, связанные с историей ДВР, Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока в преддверии создания ДВР в целом.

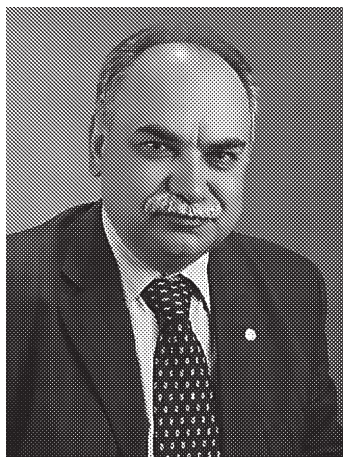
Издание адресовано специалистам, занимающимся изучением различных аспектов истории Сибири, Дальнего Востока, Забайкалья первой четверти XX в., а также всем, кто интересуется отечественной историей.

УДК 93/94(082)
ББК 63.3(2)612-9я43
ББК ТЗ(2)612-9я43

Содержание

Предисловие	6
Раздел 1. Вопросы государственного устройства в Сибири, на Дальнем Востоке и в Забайкалье в преддверии и в период Дальневосточной республики	
<i>Актямова Н. Н.</i> Деятельность министерства земледелия ДВР в 1920–1922 гг.	7
<i>Баринев А. О.</i> Попытка строительства государственности в «российской восточной окраине» и её крах	12
<i>Беляева Н. А.</i> Документы фонда управления таможенных сборов в РГИА ДВ: новые источники по истории Дальневосточной республики	16
<i>Землянский В. Л.</i> Социалистический блок во Временном Народном собрании Дальнего Востока	19
<i>Кириллов З. Д.</i> Формирование Народно-революционной армии Дальневосточной республики и ликвидация «Читинской пробки»	23
<i>Крушевская О. П.</i> Управление коменданта города Читы в период Дальневосточной республики (1918–1920 гг.)	27
<i>Кузнецов О. В.</i> Этнонациональная политика Дальневосточной республики	30
<i>Кургузов П. В.</i> Из истории американской интервенции в Забайкалье (1919–1920 гг.)	34
<i>Ляхов Д. А.</i> К проблеме создания Приамурского учредительного собрания в 1921–1922 гг.	37
<i>Орнацкая Т. А.</i> Органы юстиции Дальневосточной республики: проблемы комплектования	41
<i>Шабельникова Н. А.</i> От народной к рабоче-крестьянской: организация и деятельность органов милиции Дальневосточной республики	45
Раздел 2. Аспекты социально-экономического развития Сибири, Дальнего Востока и Забайкалья накануне и во время существования Дальневосточной республики. Участие населения региона в боевых действиях	
<i>Арефьева М. И.</i> Боевые походы Чикойских партизан (по воспоминаниям красных партизан)	49
<i>Беспалько Д. Н.</i> Проект Н. А. Михайловского по реорганизации охотничье-промыслового хозяйства в ДВР	53
<i>Волочаева А. В.</i> Преступность в ДВР и борьба с ней в современной историографии	56
<i>Дроботушенко Е. В.</i> Особенности эвакуации из Читы в преддверии создания Дальневосточной республики	61
<i>Косых В. И.</i> Чита – Харбин: контакты между Забайкальским епархиальным советом и епископом Мелетием (1920–1922 гг.)	66
<i>Ланцова Ю. Н.</i> Национальная политика Дальневосточной республики по отношению к китайским и корейским рабочим	69
<i>Радченко Н. Н.</i> Большевики и левые эсеры в Якутской области в 1919–1920 гг.	72
<i>Сергеев О. И.</i> Дальневосточная республика и казаки региона в 1920 г.	76
<i>Серебрянникова Л. Д.</i> Неисследованные факты биографии Дмитрия Самойловича Шилова	80
<i>Скажутин Д. В.</i> Роль торговой делегации ДВР во время Вашингтонской конференции в свете англоязычных источников	84
<i>Стрельников В. Г., Летяева И. В.</i> Память народа о партизанах	87

Черепанова М. О. Денежные знаки в Забайкалье периода революции и ДВР. Фонды ЗККМ им. А. К. Кузнецова	91
Шемякина Н. А. Ингодинское восстание – яркая страница летописи гражданской войны в Улётовском районе	94
Раздел 3. Культура, искусство, образование и наука в преддверии и в период Дальневосточной республики	
Баранова Е. А. Культура Читы в годы ДВР	97
Бухоголова И. В. Художник-футурист В. Пальмов: творчество в период ДВР	100
Дубинина А. А. Коллекция фотографий ДВР из фондов ГУК «Забайкальский краевой краеведческий музей имени А. К. Кузнецова»	103
Коваленок Ю. Е. Деятельность учреждений образования в г. Чите в период Дальневосточной республики (1920–1922 гг.)	106
Константинов А. В. «Альбом открытых песен» А. К. Кузнецова	109
Куренная И. Г. Историческое наследие Дальневосточной республики на территории города Читы	114
Малявина Л. С. Читинский институт народного образования (1921–1923 гг.): уточненные страницы истории первого вуза Забайкалья	118
Морозова Е. В. Культурные ландшафты г. Читы в начале XX в. и в период ДВР	122
Мясникова Г. В. Пропаганда и культурно-просветительская работа в народно-революционной армии ДВР	126
Перфильева А. И. Деятельность А. В. Харчевникова в Читинском музее в годы ДВР и Гражданской войны	130
Хисамутдинов А. А., Чи Юйчао. Начало юридического образования на Дальнем Востоке (1919–1922 гг.)	133
Камедина Л. В. «Буфер» как семиотический знак забайкальского текста в русской культуре	136
Сведения об авторах	141

Уважаемые организаторы, участники и гости Всероссийской научно-практической конференции «ДВР и завершающий этап гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке»!

Разрешите приветствовать Вас от лица одного из организаторов научного форума – крупнейшего высшего учебного заведения Забайкальского края – Забайкальского государственного университета.

2020 г. стал годом серьезных потрясений для мирового и российского сообщества, связанных с распространением коронавируса. Однако, несмотря на возникшие трудности, наш университет стремится сохранить складывавшиеся десятилетиями традиции, продолжать активно развивать науку. Сегодняшняя конференция является тому примером.

Инициатором проведения научного форума выступил член-корреспондент РАН, директор института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН Николай Николаевич Крадин. Идея была поддержана, помимо Забайкальского государственного университета, властями Забайкальского края. Соорганизатором конференции стали Правительство и министерство культуры региона, Забайкальский краевой краеведческий музей им. А. К. Кузнецова, ряд общественных организаций Забайкальского края.

Участие в конференции принимают ученые, краеведы, преподаватели высших учебных заведений ряда городов Российской Федерации, что показывает, какой интерес вызывает заявленная в названии форума тема.

Хочу сказать отдельное, особое спасибо преподавателям и сотрудникам историко-филологического факультета нашего университета, которые работали над конференцией и изданием сборника материалов по итогам ее работы в сложных условиях карантинов и удаленной работы.

Желаю участникам конференции, прежде всего, здоровья, благополучия, успехов во всех начинаниях, серьезного научного поиска, установления новых и укрепления имеющихся научных контактов.

A handwritten signature in black ink, consisting of a stylized 'S' followed by 'A.' and 'Ivanov'.

С. А. Иванов,
ректор Забайкальского государственного университета

Предисловие

Основной темой научных и научно-практических форумов в 2020 г. стало 75-летие Победы в Великой Отечественной войне. В то же время на этот год приходится и иные, достаточно важные даты отечественной истории. Одной из них является 100-летие создания Дальневосточной Республики.

По инициативе директора института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, член-корреспондента РАН Н. Н. Крадина, историко-филологическим факультетом Забайкальского государственного университета организована и проведена Всероссийская научно-практическая конференция «ДВР и завершающий этап гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке».

Соорганизаторами конференции выступили: Правительство Забайкальского края; Министерство культуры Забайкальского края; ФГБУН «Институт истории, археологии и этнографии Дальнего Востока ДВО РАН»; ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»; ГУК «Забайкальский краевой краеведческий музей им. А. К. Кузнецова»; Забайкальское региональное отделение Российского общества политологов; Отделение Российского исторического общества в г. Чите; Региональное отделение общероссийской общественной организации «Российской военно-историческое общество» в Забайкальском крае; Байкальское региональное отделение Академии военных наук.

Организационным комитетом мероприятия были предложены следующие направления работы:

- Актуальные вопросы Всеобщей и Отечественной истории;
- Сибирь, Забайкалье и Дальний Восток в исторической ретроспективе;
- Источники и перспективы изучения истории ДВР и гражданской войны в России;
- История государственных образований в период гражданской войны в Забайкалье и на Дальнем Востоке: организация государственной власти, деятельность политических партий и общественных организаций;
- Гражданская война в Забайкалье и на Дальнем Востоке: вооруженные силы, боевые действия, интервенция и борьба с интервентами;
- Экономика и социально-экономическое положение населения Забайкалья и Дальнего Востока в условиях гражданской войны;
- Национальная политика и межэтнические отношения в Дальневосточной республике;
- Информационное и идеологическое пространство Забайкалья и Дальнего Востока в период гражданской войны;
- Повседневная жизнь населения Забайкалья и Дальнего Востока в условиях гражданской войны;
- История Дальневосточной республики: причины создания, государственное устройство, идеология, политика, экономика, общественно-политическая жизнь, культура;
- Состояние системы образования в Забайкалье и на Дальнем Востоке в годы гражданской войны.

Участие в конференции приняли ученые, преподаватели высших учебных заведений, краеведы из разных городов России.

Материалы сборника адресованы специалистам, занимающимся изучением различных аспектов истории Сибири, Дальнего Востока, Забайкалья первой четверти XX в., а также всем, кто интересуется отечественной историей.

Редакционная коллегия

Раздел 1. Вопросы государственного устройства в Сибири, на Дальнем Востоке и в Забайкалье в преддверии и в период Дальневосточной республики

УДК 323:93/94
ББК 63.3(2)61:66.3

*Надежда Николаевна Актямова,
Забайкальский краевой краеведческий музей
имени А. К. Кузнецова,
г. Чита, Россия*

Деятельность министерства земледелия ДВР в 1920–1922 гг.

В статье характеризуется работа одного из институтов власти Дальневосточной республики – Министерства земледелия. В основу исследования легли источники – документы Государственного архива Забайкальского края. Автор анализирует структуру и функционал органа власти. Отмечает, что в республике сложилась достаточно сложная ситуация в народном хозяйстве, что предопределено событиями предыдущего времени, Первой мировой войной, Революцией 1917 г. и Гражданской войной.

Ключевые слова: Дальневосточная республика, Министерство земледелия, министр земледелия, декларация, народное хозяйство

«Великая Западно-Европейская империалистическая война и последовавшая за ней гражданская война, а в особенности последние два года царствования на Дальнем Востоке мрачной реакции, в корне разрушили весь государственный аппарат нашей окраины, в частности, ведомства Министерства Земледелия и лишили его возможности успешно выполнять возложенную на него тяжелую и ответственную задачу. Чтобы наладить дело и поднять его на должную высоту, Министерству Земледелия необходимо напрочь невероятные усилия. Недостаток опытных работников – специалистов ставит перед небольшим сравнительно составом сотрудников Министерства неизбежность наибольшей затраты сил и энергии для выполнения лежащей на них благороднейшей задачи и большой ответственности перед всем трудовым населением молодой Дальневосточной Республики, а спешность проведения в жизнь ряда неотложных мероприятий, особенно в период организации Министерства, требует от всех его сотрудников самого максимального повышения

производительности труда» [1, л. 22]. Так начинался приказ Министра Земледелия Дальневосточной республики Иванова.

К началу 1921 г. положение в народном хозяйстве Дальневосточной республики сложилось крайне тяжелое. Были разрушены сотни предприятий, населенных пунктов, транспорт. Прекратилась добыча олова, вольфрама, серебра и свинца. До осени 1921 г. бездействовала доменная печь на Петровск-Забайкальском чугунолитейном заводе. Во много раз сократилась добыча угля и золота. В таком же тяжелом положении оказалось и сельское хозяйство. Посевные площади Забайкалья уменьшились наполовину. В несколько раз сократилось поголовье скота.

Из проекта декларации Министерства Земледелия: «За время шестилетней войны земледелие пришло в упадок. Повсеместно наблюдается огромный недосев. Земледельческие угодья и машины нуждаются в ремонте или в замене новыми. Поля засорились травами и хлеба страдают от различных вредителей. Стремление предприимчивых хозяев заняться возделыва-

ванием волокнистых и масляничных растений встречает непреодолимые препятствия, вследствие невозможности приобрести семена, количество скота сократилось, и деятельность маслодельных заводов замерла» [4, л. 101–102].

После Гражданской войны Забайкалье стало переходить на рельсы мирного хозяйственного строительства. Необходимо было восстановить разрушенное народное хозяйство.

Заведующий сельско-хозяйственного отдела Министерства Земледелия ДВР Крюков писал к проекту декларации Министерства Земледелия: «Сельское хозяйство, как основа широкой промышленной деятельности трудящихся масс, приобретает в настоящее время исключительно важное значение. После всех пережитых потрясений экономическое возрождение и развитие хозяйственной жизни ДВР. немислимы вне культурного подъема сельского хозяйства. Только в увеличении производительности сельского хозяйства Министерство Земледелия усматривает выходы из целого ряда кризисов, порожденных мировой и гражданской войной. Только рассчитывая на развитие населением необычайной трудовой энергии, и полагаясь на проявление им выдающейся самодеятельности Министерство, при посредстве местных органов самоуправления намечает для своей работы в области сельского хозяйства следующий путь, учитывая при этом современные нужды» [Там же, л. 101].

Центральным органом управления земельным делом и государственным имуществом республики было Министерство земледелия ДВР. В круг деятельности входило землеустройство и переселенческое дело, колонизация, развитие сельскохозяйственного производства, система мелиорации, управление лесами, рыболовством и охотой, организация гидрометеорологических наблюдений, статистика отраслей, относящихся к ведению Министерства.

Во временном положении о Министерстве Земледелия Дальне-Восточной Республики была четко прописана структура кадров, в состав входили: Министр, Товарищ Министра, Сопредседатель при Министерстве, Управление делами Министра, Земельный

отдел, Отдел сельского хозяйства, Отдел Государственной и Общественной обработки земли, Отдел Земельных Улучшений, Лесной отдел, Статистический отдел, Учебный отдел, Управление сельско-хозяйственных складов [1, л. 12].

К правам и обязанностям Министра относилось: общее руководство работами, распоряжение кредитами, назначение личного состава, разработка законодательных предположений по предметам ведения Министерства Земледелия, издание обязательных постановлений и инструкций.

Товарищ Министра, как прописано в этом же временном положении о Министерстве Земледелия, «управляет Министерством во время отсутствия или болезни Министра, заменяет Министра в тех же случаях в Сопредседании при Министерстве, а в остальное время заведывает под руководством Министра текущими делами Министерства» [Там же, л. 13].

Земельный отдел, в свою очередь, состоял из Подотделов: Землеустроительного, Межевого и Переселенческого. Отдел занимался землеустроительными и межевыми делами, переселением, колонизацией, учетом земельного фонда, разработкой законодательных документов.

Отдел сельского хозяйства имел два Подотдела – Агрономический и Кустарной промышленности. В обязанности отдела входило заведывание делами по усовершенствованию, распространению и поощрению разных отраслей сельского хозяйства: земледелию, животноводству; управление метеорологическими станциями; оказание агрономической помощи; устройство сельско-хозяйственных музеев, выставок.

Отдел Государственной и Общественной обработки земли не делился на Подотделы и во главе него стоял «Заведывающий отделом с соответствующей подготовкой, его помощник, штат канцелярских служащих, ряд специалистов-инструкторов и техников» [Там же, л. 14].

Во временном положении о Министерстве Земледелия очень подробно прописан круг обязанностей Отдела Государственной и Общественной обработки земли: «Организация Государственных

хозяйств в целях наибольшего увеличения продуктов путем поднятия производительности сельского хозяйства и расширения посевной площади, создания и развития культурно-агрономических центров и руководство их деятельностью» или «руководство и всемирное содействие Товариществам по общественной обработке земли...»; «оказание всемирной помощи товарищеским сельско-хозяйственным объединениям машинами и орудиями, широкой агрономической помощью по улучшению породы скота, выдачей пособий, снабжением соответствующими руководствами и дачей практических указаний, посредством посылки специалистов...» [2, л. 14]. И это еще далеко не весь перечень обязанностей.

В своей работе эти органы столкнулись с большими трудностями. Не было опыта, не было материальных средств, старые чиновники, меньшевики и эсеры враждебно относились к отделу государственной и общественной обработки земли и саботировали его мероприятия. Тем не менее, Государственный отдел по общественной обработке земли, несмотря на тяжелое финансово-экономическое положение республики, оказывал значительную материально-производственную и финансовую помощь коллективным хозяйствам. Например, фабрично-заводской отдел Забайкальского народно-революционного комитета приступил к созданию ремонтных мастерских путем приспособления для этих целей неработающих заводов. Так, Борщевский завод на станции Бянкино был превращен в крупную мастерскую по ремонту сельхозинвентаря. Наделил сельхозинвентарем Чиронскую и Размахнинскую коммуны Забайкальской области и коммуны «Терпение» и «Экономия» Прибайкальской области [8, с. 355–357].

Отделом Земельных улучшений управлял Заведующий (в архивных документах должность звучит как «Заведывающий»), который имел Помощника. При отделе был «...необходимый кадр специалистов для направления деятельности гидротехнических партий на местах и обработки материалов по техническим вопросам в самом Отделе...». Отдел осуществлял общее руко-

водство проведением обследований и работ по обводнению и орошению земель, осушению болот, мелиорации земель [1, л. 14].

Лесной отдел также делился на Подотделы: Административный, Лесоустроительный, Лесокультурный, Лесоэксплуатационный. Были еще Статистический, Учебный отделы и Управление сельско-хозяйственных складов, состоящее из Административно-хозяйственного, Бухгалтерского, Технического Подотделов.

Лесной отдел ведал всеми государственными лесами и их устройством, осуществлял надзор за сбережением лесов, занимался облеснением безлесых пространств и борьбой с распространением сыпучих песков и оврагов отпуском леса и отводом участков под вырубку и надзором за вырубкой леса.

ДВР представляла собой народно-демократическую республику с сохранением ряда элементов парламентаризма и была создана для борьбы с интервенцией на Дальнем Востоке. В решении этой задачи первостепенное значение имело налаживание хозяйственно-экономической жизни республики. В области сельского хозяйства III Дальневосточная партийная конференция (июнь 1921 г.) признала необходимым: «Поддерживать в первую очередь хозяйства на коллективных началах. Помощь сельскому хозяйству производить путем обновления и ремонта сельхозорудий, обеспечения земледельцев семенами и сельхозинвентарем, оказания агрономической помощи, устройства государственных показательных хозяйств, обработка земли в которых должна производиться при участии окружающего хозяйства» [8, с. 355].

27 апреля 1921 г. был принят Основной закон или Конституция Дальневосточной Республики, который закреплял основы общественного и государственного строя, основные права и обязанности граждан, материальные и юридические гарантии этих прав.

В статье 126 Конституции сказано: «Всякая собственность на землю, ее недра, леса, воды и их богатства в пределах Дальне Восточной Республики отменяется навсегда» [7, с. 28].

Широкое движение по коллективизации сельского хозяйства началось среди трудового крестьянства Дальнего Востока в 1920 г. в связи с образованием ДВР. Организовывались сельскохозяйственные коммуны. В постановлении крестьян забайкальского посёлка Кондуевского говорится: «Обсудив нашу крестьянскую жизнь и найдя ее безотрадней, угнетающей каждого хозяина в отдельности и при той общей хозяйственной разрухе, нашли необходимым организовать сельскохозяйственную коммуну и что только общими дружными усилиями этих коммун можно поправить разрушенное хозяйство. Не для того мы получили свободу ценой жизни десятков тысяч наших товарищей, отцов, братьев, сыновей, чтобы жить старой жизнью, которая ведет к разъединению трудящихся на пользу кулакам и капиталистам, а для того, чтобы жить по-человечески в равенстве и братстве. Долой единоличное хозяйство! Да здравствует коммунальное хозяйство!» [8, с. 356].

В работе Министерства Земледелия не все было безупречно. В отчете о деятельности Забайкальского Земельного Отдела за сентябрь 1922 г. прописано следующее: «Недород хлебов дал себя почувствовать нашему земледельцу, благодаря чему ощущалась большая потребность в посевном материале, выполнить предложения Посевкомпании в полном масштабе из-за отсутствия семян и средств, не представлялось возможным и в результате на лицо недосев хлебов в этом году по сравнению с прошлым 1921 г. Сокращение посевной площади объясняется исключительно недостатком семенного материала у населения и невозможностью его приобрести из-за отсутствия покупательной способности» [2, л. 29].

Агрономические пункты находились в селе Доронинском Читинского уезда, в Нерчинске, Нерчинском заводе, Сретенске. Агропункт в Сретенске на сентября 1922 года только организовывался и из Читы были отправлены сельскохозяйственные машины и орудия: сеялки, бороны, кочкорез, молотилки, конные грабли, маслобойки, улья и другое оборудование. Так отчитывались служащие Земельного Отдела [Там же, л. 29–30].

О состоянии землеустроительных работ также есть интересные факты: «Землемер Вандакуров 16 сентября закончил землеустроительные работы по проектированию в натуре земельного отдела г. г. сел Шебартуйского Татауровской волости». «27 сентября землемер Золотухин выбыл в командировку в село Ивановское Богомягковской волости для отвода из их землепользования участка под золотоносную площадь» [Там же].

В разделе VIII. «По переселению» Отчета о деятельности Забайкальского Областного Земельного Отдела сказано лишь о зачислении переселенцев в количестве 5 семей [Там же, л. 30].

Очень интересна деловая переписка между отделами, подотделами Министерства Земледелия. Обращение к завхозу Нарревкома из Подотдела Государственной и Общественной обработки земли: «Прошу дать лошадь с телегой не более как на 2 часа привезти стол и шкаф из облземотдела» [3, л. 31].

Интересно обращение к Управляющему делами Министерства Земледелия Уполномоченного снабжения и Продовольствия от Начальника Хлебо-Фуражного Отделения Уполснабпрод: «Настоящим предлагаю сделать соответствующее распоряжение и выяснить количество людей в подведомственных Вам учреждениях, желающих получать обеды и чай из столовых Союза пищевиков г. Читы (бывшая столовая Ялта) и вторая вновь организованная по Николаевской улице в доме Файнгольда добавлю что, служащие пожелавшие получать обеды и чай из столовых, получение месячного пайка лишаются. ... Количество столоующихся пока не должно превышать тысячи человек» [1, л. 29–31].

Переписка велась и с внешними Земотделами. Из выписки из телеграммы заведывающего Приамурским Земотделом: «Подотделу Гидротехническому сверх представленной съезду сметы безусловно необходимо начать работу борьбе с наводнениями притоков Уссури раззоривших целые деревни и массу крестьянских и казачьих хозяйств» [Там же, л. 74].

В сложной международной обстановке Дальневосточная Республика устанавливала международные отношения. Так в рубрике «Жизнь нашей республики» в газете «Забайкальский крестьянин» сообщалось: «...Германия намерена снабжать ДВР земледельческими и горными машинами, дать горных техников и инженеров и вообще специалистов и предоставить займы в обмен на экономические привилегии» [5].

В периодических изданиях печатались рекомендации, советы события о ведении сельского хозяйства. Например, в газете «Забайкальский крестьянин» давались рекомендации по выращиванию свеклы, репы, картофеля. В рубрике «Суд над коровой. Над простой забайкальской коровой» читатели рассказывали о методах содержания коров, делились опытом, давали советы. Специалисты давали научные рекомендации по выращиванию и содержанию животных в суровых климатических условиях. В рубрике «Конкурс на лучшего хозяина Забайкалья» рассказывалось о новых методах хозяйственной деятельности, о достижениях сельскохозяйственных артелей и коммун. Велась активная пропаганда

по ведению коллективного хозяйства, например, как получить кредит на сельскохозяйственные машины, где можно приобрести плуги, сепараторы, мельницы [6, с. 143–144].

В работе Министерства Земледелия Дальневосточной республики были как успехи, так и большие проблемы. Особенностью восстановительного периода первоочередное внимание уделялось аграрному сектору. Чтобы достичь хороших результатов требовались следующие преобразования: упорядочение земельных отношений, увеличение финансовых вложений, снабжение техникой, семенами, развитие кредитной, снабженческо-сбытовой, производственной сфер. Государство по мере возможности обеспечивало крестьян, семенами, техникой и скотом. Эти потребности Министерство Земледелия ДВР удовлетворяло настолько, насколько было возможным. Энтузиазм, стремление к миру, вера в будущее и самоотверженный труд людей, на долю которых выпало много тягот и бед, было одним из главных факторов установления мирной жизни и восстановления разрушенного хозяйства всех сфер деятельности.

Источники и литература

1. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). – Ф. 585. – Оп. 1. – Д. 1.
2. ГАЗК. – Ф. 414. – Оп. 1. – Д. 6.
3. ГАЗК. – Ф. Р-3. – Оп. 1. – Д. 4.
4. ГАЗК. – Ф. Р-3. – Оп. 1. – Д. 5.
5. Забайкальский крестьянин. – 1922. – № 17.
6. Календарь знаменательных и памятных дат Читинской области. – Чита, 2001. – С. 143–144.
7. Основной закон (Конституция) Дальневосточной Республики: утвержден Учредительным Собранием Дальнего Востока 27 апреля 1921 г. – Чита: Гос. типография, 1921. – 72 с.
8. Шерешевский В. Первые шаги по социалистическому переустройству сельского хозяйства Дальневосточной республики (1920–1922) // Сборник рефератов докладов научной конференции. – Чита: Чит. гос. пед. ин-т, 1958. – С. 335–361.

Попытка строительства государственности в «российской восточной окраине» и её крах

Статья посвящена анализу причин назначения Верховным Правителем адмиралом А. В. Колчаком атамана Г. М. Семёнова главой «Российской Восточной Окраины», а также попыткам Г. М. Семёнова выстроить новую, отличную как от той, что была при А. В. Колчаке, и от той, что была у него самого в Забайкалье, белую государственность. В статье дан анализ ряда причин краха этой попытки, произошедшего буквально через несколько месяцев.

Ключевые слова: атаман Г. М. Семёнов, адмирал А. В. Колчак, «Российская Восточная Окраина», белая государственность

4 января 1920 г. Верховный Правитель России адмирал А. В. Колчак в Нижнеудинске подписал свой последний Указ, скрепленный подписью председателя Совета министров В. Н. Пепеляева. Он состоял из вводной части и всего двух пунктов. В водной части он сообщал, что верховную власть в стране он передает Главнокомандующему вооруженными силами Юга России генерал-лейтенанту А. И. Деникину. А в двух пунктах сообщалось, что до получения указаний от Деникина, вся полнота военной и гражданской власти в Байкальском регионе и на Дальнем Востоке, которые в этом документе названы «Российской восточной окраиной», передается «Главнокомандующему вооруженными силами Дальнего Востока и Иркутского военного округа», генерал-лейтенанту атаману Г. М. Семёнову [2].

Во втором пункте он указывал: «Поручаю Генерал-Лейтенанту Атаману Семенову образовать органы Государственного управления в пределах распространения его полноты власти» [Там же].

21 января 1920 г. в газете «Забайкальская новь» были опубликованы и два приказа атамана Г. М. Семёнова. В первом он сообщал: «В силу сего указа я принял 20 января предоставленную мне Верховным Правителем, Адмиралом Колчаком всю полноту военной и гражданской власти на всей территории Российской Восточной Окраины, объединенной Российской Верховной Властью, объединенной Российской Верховной Властью» [Там же].

А во втором приказе атаман определял важнейшие, как ему и скрепившему этот документ его помощнику по гражданской части С. А. Таскин виделось, принципы новой белой государственности. «Подтверждаю, – говорилось в этом приказе, – к неуклонному исполнению мои неоднократные распоряжения о невмешательстве военных начальников в гражданские отношения. Право и закон должны быть обязательны для всех без исключения. Виновных буду привлекать к ответственности» [Там же].

Почему Верховный Правитель А. В. Колчак избрал для роли своего приемника человека, с которым у него после прихода к власти в ноябре 1918 г. был достаточно долгий конфликт, тянувшийся почти всю первую половину 1919 г.?

Причин для такого решения было достаточно много. Остановимся лишь на некоторых из них. Во-первых, не зря было упомянуто то, что Г. М. Семёнов являлся командующим войсками Иркутского военного округа. Адмирал тем самым надеялся, что атаман со своими войсками и при поддержке японских войск (с предательством остальных союзников он уже столкнулся) смогут выбить «Иркутскую пробку» (27 декабря 1919 г. в восставшем против адмирала Иркутске власть взял Политцентр, в котором в тот момент лидерами были эсеры).

Во-вторых, выбирать ему было особо не из кого. Председатель Совета министров В. Н. Пепеляев находился вместе с ним и что-либо предпринять был не в силах. Министры его правительства либо попали

в плен в Иркутске, либо предали его. Судьба командующих войсками (колоннами, которые прорывались на Дальний Восток вдоль Транссибирской магистрали) была туманна. Из тех же, кто являлся реальными политическими фигурами от Байкала до Тихого океана, только трое (Г. М. Семёнов, С. Н. Розанов и Д. Л. Хорват) в тот момент располагали каким-то объемом власти. Самой большой из них располагал атаман Г. М. Семёнов, которому подчинялись все казачьи войска Дальнего Востока, который по сути дела контролировал кроме Забайкальской области, Амурскую и отчасти Приморскую области. Генерал Д. Л. Хорват был хозяином в полосе отчуждения КВЖД, но так как эта дорога проходила по территории Китая, был достаточно уязвим. Генерал С. Н. Розанов был «хозяином» Владивостока, в котором на самом деле большей властью располагали интервенты. И, наконец, из всех троих именно атаман Г. М. Семёнов был тем, кто первым принимал потоки беженцев из Сибири и те войска, что туда пробивались.

Как показали последующие события, данный Указ Верховного Правителя был ошибочным, хотя другого в тот момент быть не могло. Казавшийся в начале января 1920 г. единым под властью структур адмирала Дальний Восток начал распадаться на глазах.

Атаман долгое время являлся не просто диктатором, а своего рода «князьком» в Забайкалье, где сложилась достаточно порочная система власти, которая, с одной стороны, держалась на страхе, вызванном карательными акциями и экспедициями, жертвами которых становились не только большевики, но и представители других партий и даже купечества, а в массовом порядке сельские жители. С другой стороны, эта власть снизу доверху была пронизана коррупцией. Неслучайно, многие впервые оказавшиеся в то время в Забайкалье люди отмечали позже в своих мемуарах, что сам Семёнов, был, не так уж и плох, ужасной была «семёновщина».

Перед атаманом в плане строительства новой белой государственности стояла непростая двоякая задача. Во-первых, требо-

валось учесть ошибки, допущенные властью адмирала А. В. Колчака. Во-вторых, требовалось либерализовать собственный режим. С этой целью требовалось резко расширить как политическую, так и социальную основу его режима.

Время в тот момент работало против атамана, который это явно не понимал, а потому не очень торопился с проведением необходимых мероприятий. Во-первых, он не понял, что и для населения «Российской Восточной Окраины», и для союзников, важно было увидеть, что он действительно стал полноценным приемником. Требовалось соответствующим образом оформить как высшую исполнительную, так и создать высшую законодательную власть.

31 января атаман обнародовал программный материал «Задачи краевой власти». В нём было много правильных слов и мало конкретики. О будущей исполнительной власти было сказано, что атаман будет занят «созданием органа Государственного Управления эластичного, чуждого рутины, канцелярской волокиты и требующего небольших средств...» [4].

Ещё более туманные формулировки были названы в отношении высшего представительного органа. «Я верю также, – сообщал Г. М. Семёнов, – что... мне поможет тот представительный орган, основные положения коего я поручил представить мне, по тщательным ознакомлением на местах с этим вопросом и обсуждения его моими помощниками и теми лицами, коих они сочтут необходимым пригласить.

До созыва же этого органа я преподам указания всем административным лицам бережно относиться к гражданским свободам населения, строго руководствуясь законом и правом, в развитие чего мною уже издан приказ о невмешательстве военных властей в гражданские правоотношения» [Там же].

Он и его ближайшие соратники попытались принять какую-то «срединную» схему (ни министерства, ни комиссариаты). 30 января были обнародованы принципы и схема этой новой исполнительной власти.

Схема организации власти по типу Министров признана не желательной, как слишком громоздкая и малоподвиж-

ная, – заявлялось в статье «Основы организации краевой власти». Вместо министерств, учреждены краевые управления, возглавляемые отдельными Начальниками, находящимися в подчинении помощника Главнокомандующего. Некоторые Управления объединяют по несколько отраслей государственной жизни.

Помощнику Главнокомандующего по гражданской части подчинены следующие управления: 1) внутренних дел, 2) объединенное управление торговли, промышленности, продовольствия и труда, 3) финансы и государственное имущество, 4) юстиция, 5) объединенное управление народного просвещения и вероисповедания. Выделен так же Государственный Контроль [5].

При этом помощником по гражданской части оставался хорошо знакомый в Забайкалье соратник атамана С. А. Таскин [Там же].

Ни одного из выживших и добравшихся до Читы министров правительства адмирала А. В. Колчака в свое правительство атаман не взял, либо они не захотели в него войти. Так, о своей отставке с поста министров иностранных дел прибыв в Читу, заявил С. Н. Третьяков [3], не приняты были министр финансов И. А. Михайлов [7] бывший член III и IV Государственных Дум от Забайкальской области Н. К. Волков [8].

Это было явной ошибкой. Созданное им «правительство» осталось исключительно забайкальским и поддержки на остальной территории Дальнего Востока и КВЖД не получило. Вторую ошибку атаман совершил при попытке сформировать собственный представительско-законодательный орган, которого у его власти прежде не было.

15 февраля в Чите было проведено так называемое «Совещание представителей обществ и союзов», на котором атаман Г. М. Семёнов попытался довести до общественности свое видение высшего органа представительско-законодательного органа власти «Российской Восточной Краины».

В частности он заявил, что государственность должна строиться вне политической партийности. Законность и поряд-

док – на благо всех народностей России. Главная цель власти дать – возможность всему русскому народу вздохнуть. Орган законодательной власти должен быть построен на этом же принципе. Представители партий думают не о государстве, а о своей партии, поэтому конструкция законодательного органа власти не должна опираться на партийные организации. Надо сплотиться всем воедино [5].

Таким образом, атаман уже в начале строительства своей государственности оттолкнул представителей партий левого фланга, боровшихся одновременно с большевиками, а именно эсеров и меньшевиков. Не сложились у него отношения с земством и профсоюзами.

Тем временем «Российская Восточная Краина» разваливалась. В Амурской и Приморской областях к власти пришли органы земства, заявившие о непризнании власти атамана Г. М. Семенова. Приход же в Забайкалье остатков армий А. С. Колчака, которые стали называться не «колчаковцами», а в честь своего последнего командующего В. О. Каппеля «каппелевцами», стал дополнительным фактором, требующей незамедлительной либерализации режима. Большинство высших офицеров, командовавшие этими войсками стали выступать против атамана и устанавливать связи с земскими организациями, эсерами и меньшевиками.

Как отмечал первый исследователь «Забайкальской белой государственности» В. И. Василевский, что с образованием 6 апреля 1920 г. Дальневосточной Республики у Забайкальской белой государственности появилась альтернатива полукрасная или, как тогда говорили, розовая государственность, заявившая о своей готовности установить парламентский режим. Время для перехода семеновского режима от тоталитаризма к парламентаризму резко сократилось [1, с. 152–153].

Процесс создания Краевого Народного Совещания, органа представительного, но поначалу не законодательного, а совещательного, затянулся и, кроме того, этот орган власти оказался весьма малочисленным и ущербным. Последующая попытка пре-

вратить его в Краевое Народное Собрание. Достаточно подробно об этом рассказано в главе «По пути к буржуазному парламентаризму» [1, с. 152–162] в монографии В. И. Василевского «Забайкальская белая государственность».

Одновременно атаман Г. М. Семенов терял личный авторитет. Во время весенних боев за Читу (1-я и 2-я Читинские операции НРА ДВР) он не стал руководителем обороны своей столицы, ожидая в штабе, около которого стоял автомобиль, готовый увезти его к самолёту, на котором он был готов покинуть Читу (это он сделает в октябре 1920 г.). В тот момент был растерян его авторитет среди «капелевцев» и японцев. Именно после этих боев командование японского экспедиционного корпуса вступило в переговоры с руководством ДВР, завершившиеся в июле подписанием мирных соглашений на станциях Алеур и Гонгота,

в которых были определены сроки ухода японских войск из Забайкалья. К тому времени под контролем главы «Российской Восточной Окraiны» оставалась только малая часть восточной части Забайкальской области (от Читы по железной дороге мимо Карымской до станции Маньчжурия на китайской стороне).

21 октября 1920 г. последние части атамана Г. М. Семенова оставили Читу и с боями стали пробиваться к границе. Атаман и их бросил в этой ситуации. Не возглавил он остатки своей армии и во время последних боев у границы, растеряв, таким образом, остатки авторитета у «капелевцев». 21 ноября остатки его армии покинули пределы Забайкалья. Так бесславно завершилась история «Российской Восточной Окraiны». И хотя на Дальнем Востоке бои продолжались до ноября 1922 г., там об этой «Окraiне» никто уже не вспоминал.

Источники и литература

1. Василевский В. И. Забайкальская белая государственность: краткие очерки истории. – Чита: Поиск, 2000. – 180 с.
2. Забайкальская новь. – 1920. – № 3365. – 21 января.
3. Забайкальская новь. – 1920. – № 3373. – 30 января.
4. Забайкальская новь. – 1920. – № 3374. – 31 января.
5. Забайкальская новь. – 1920. – № 3377. – 04 февраля.
6. Забайкальская новь. – 1920. – № 3389. – 19 февраля.
7. Забайкальская новь. – 1920. – № 3393. – 26 февраля.
8. Забайкальская новь. – 1920. – № 3398. – 03 марта.

Документы фонда управления таможенных сборов в РГИА ДВ: новые источники по истории Дальневосточной республики

В статье показаны возможности расширения источниковой базы исследований по истории Дальневосточной республики за счет введения в научный оборот документов таможенных учреждений, составляющих фонд Управления таможенных сборов в Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока. Показан состав фонда, дана характеристика основных групп документов, которые могут быть использованы при изучении экономической жизни Дальневосточной республики. Выделены проблемы, разработка которых возможна на основе документов фонда.

Ключевые слова: Дальневосточная республика, источники, архивные документы, управление таможенных сборов

История Дальневосточной республики давно превратилась в классическое направление историографии Гражданской войны на Дальнем Востоке. В последнее время все больше внимания привлекают экономические аспекты истории ДВР [4; 6; 8]. Дальнейшее их изучение напрямую связано с открытием для исследователей фондов ДВР в Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока (далее РГИА ДВ). Сегодня лишь малая часть из них введена в научный оборот. В основном известны документы, позволяющие показать политические процессы, становление государства и развитие правовой системы. В меньшей степени изучен комплекс документов, отражающих развитие основных сфер ее экономической жизни, в том числе регулирование внешней торговли [1; 3].

Важную роль в изучении всех этих проблем могут сыграть документы фонда Управления таможенных сборов (Р-1639) РГИА ДВ. Доклад посвящен оценке их информационных возможностей для изучения экономической жизни Дальневосточной республики. Фонд 1639 «Управление таможенных сборов. Чита» включает 191 архивное дело. Машинописная опись фонда создана в период пребывания архива в Томске в 1981 г. и пока не переработана. Тогда же была составлена, к сожалению, далеко не полная историческая справка к фонду. В ней не нашли отражения особенности функционирования Управления

таможенных сборов, в частности, неоднократные изменения его ведомственной принадлежности. Этим можно объяснить, что историю учреждения-фондообразователя составители справки начинают с января 1921 г. – с момента принятия Положения о таможенных учреждениях ДВР. Однако Управление таможенных сборов ДВР было создано еще в ноябре 1920 г. первоначально как отдел Министерства финансов и менее чем через месяц (в декабре 1920 г.) переведено состав Министерства продовольствия и торговли. Лишь в мае 1921 г. оно вновь стало структурным подразделением Министерства финансов. Эти переходы были вызваны новыми акцентами в таможенной политике ДВР и самым непосредственным образом отразились на характере сложившегося в таможенном ведомстве делопроизводства.

Первые четыре дела в описи фонда не относятся непосредственно к деятельности таможенного ведомства ДВР и отражают малоизученный аспект «таможенной истории» Дальнего Востока – деятельность созданного в 1918 г. при Деловом кабинете генерала Д. Л. Хорвата аналогичного Управления под руководством Владивостокского таможенного инспектора С. Н. Латкина. Несмотря на фрагментарность материалов, они дают представление о ситуации во Владивостоке летом-осенью 1918 г. – политизации таможенного ведомства, разногласиях «правительств»

и «правителей», их стремлении поставить таможенную под свой контроль вплоть до вмешательства в таможенные дела. Последние 2 дела описи также выходят за хронологические рамки существования ДВР и датированы 1923 и 1929 гг. Листы использования практически всех изученных нами дел говорят о том, что документы пока не известны историкам.

Делопроизводство Управления таможенных сборов нельзя назвать идеально отлаженным – сказывался небольшой период существования ведомства, отсутствие кадров, необходимость быстро реагировать на многочисленные проблемы и постоянно возникающие чрезвычайные ситуации. Однако комплекс распорядительных документов сохранился достаточно полно. Прежде всего, он представлен циркулярами по таможенному ведомству и отдельным таможням, конкретизирующие положения законодательных актов. Часто рядом с ними подшиты сами копии законов ДВР, постановлений правительства и распоряжений министров финансов или продовольствия и торговли «по таможенному ведомству», а также проекты (подлинники) законодательных актов, в разработке которых непосредственно участвовало таможенное ведомство. Сюда относятся законодательные акты, регулирующие таможенное обложение, вносящие изменения в отдельные статьи действовавшего на всей территории республики российского таможенного тарифа 1906 г. (с изменениями в условиях Первой мировой войны) и Устава Таможенного 1910 г.

Сброшюрованные в отдельную книгу приказы Управления за 1921–1922 гг. дают возможность проследить весь процесс реанимирования таможенных учреждений – от оценки катастрофической ситуации, постановки проблемы перед правительством и поиска средств для финансирования; до подбора и назначения руководителей таможенных учреждений, проведения проверок и обобщения их итогов. Приказы Управления по личному составу за январь–декабрь 1921 г. сохранились также в машинописном виде и практически дублируют рукописную книгу приказов.

Процесс становления таможенных учреждений – как восстановления прекративших свое существование в условиях непрерывных военных действий, так и устройства вновь открываемых – можно проследить по переписке начальника Управления с министрами финансов и продовольствия и торговли, нарконтролем, таможенными инспекторами. Ряд документов проливает свет на тяжелые условия службы чиновников и досмотрщиков – хаос на границе, погромы таможенных учреждений, избияния и убийства таможенников, расхищение хранящихся на складах товаров, в том числе и конфискованных. В некоторых случаях переписка дает возможность проследить сам процесс создания нового таможенного учреждения – такого, как Читинская таможня, учрежденная законом ДВР от 26 декабря 1922 г. Из сохранившейся деловой переписки узнаем об инициативе Харбинского торгово-промышленного класса об оплате пошлиной ввозимых на территорию ДВР товаров не на ст. Маньчжурия, а в Чите, т. е. на станции назначения. Ходатайство предпринимателей было направлено в Управление 5 октября 1921 г. А уже 8 октября на согласование в министерства и ведомства направлен проект закона об учреждении таможни в г. Чите [7, л. 4]. В деле сохранилась подготовленная Управлением объяснительная записка с экономическим обоснованием целесообразности открытия внутренней таможни в административном центре Дальневосточной республики [Там же, л. 9–10 об.]. Безусловно, по содержанию эти документы близки к тем, которые отложились в фонде Читинской таможни в Государственном архиве Забайкальского края [5].

Как и в Департаменте таможенных сборов правительства адм. Колчака в таможенном ведомстве ДВР сохранилась практика регулярного составления отчетов о состоянии дел, как в таможенных учреждениях, так и в ведомстве в целом. Отчеты о положении дел в таможенных учреждениях обобщались таможенными инспекторами и направлялись в управление. Начальник Управления регулярно составлял доклады о положении дел уже в таможенном ведомстве в целом на имя

министра, в подчинении которого в данный момент оно находилось. Такие доклады представляли собой машинописные тексты, иногда подшитые в архивное дело в нескольких копиях. Они интересны, прежде всего, тем, что дают реальную, без прикрас, картину деятельности таможенных учреждений, сохранивших свою дееспособность, как Владивостокская таможня, или практически создававшихся заново, как таможенные посты по границе с Китаем. В отчетах таможенных инспекторов дана характеристика «текущего момента» – показаны сложные отношения с населением приграничной полосы, тяжелое материальное положение чиновников, вынужденных иногда прибегать к невиданным прежде мерам – забастовкам для того, чтобы привлечь внимание властей к своему катастрофически тяжелому материальному положению.

Какие же проблемы, нуждающиеся в дальнейшем изучении, можно выявить по документам фонда Управления таможенных сборов Дальневосточной республики?

Первая из них – преемственность в деятельности Департаментов таможенных сборов дореволюционной России, правительства адм. А. В. Колчака и Управления таможенных сборов Дальневосточной республики. Эта преемственность прослеживается в системе таможенного делопроизводства, что во многом объясняется преемственностью кадров. Известно, что с момента создания до января 1922 г. Управление возглавлял А. В. Волинцевич-Сидорович, в свое время занимавший пост директора департамента таможенных сборов колчаковского правительства [2].

Вторая проблема – таможенная политика республики. Насколько она была самостоятельной? Отметим, что, несмотря на договор об экономическом союзе ДВР с Советской Россией, таможенный союз республик так и не был создан, хотя еще в августе 1922 г. появился проект таможенного

соглашения. В известной мере, этот факт можно объяснить трудностями согласования протекционистской таможенной политики ДВР и окончательно утвердившейся в РСФСР политики государственной монополии внешней торговли. Судьба проекта таможенного соглашения, его прохождение по инстанциям, возможное обсуждение – все эти вопросы требуют дальнейшего поиска в архивах, в том числе сохранившихся в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ) фонде Министерства (Наркомата) внешней торговли.

К проблемам, которые прослеживаются по документам фонда Управления таможенных сборов и нуждаются в изучении, относится демонтаж сложившейся в годы Первой мировой войны и сохранявшийся в течение гражданской войны системы запретов и ограничений и совершенствование пошлинного обложения в интересах производителя. Отдельная тема – российско-китайские торговые отношения и попытка преодолеть сложившуюся практику работы по китайскому таможенному тарифу; судьба российских таможенных учреждений в полосе отчуждения КВЖД и прежде всего Маньчжурской таможни, вопрос о переносе которой на территорию ДВР в это время так и не был решен.

В качестве самостоятельной научной проблемы, возможности для разработки которой предоставляются документами из фонда Управления таможенных сборов ДВР, можно назвать особые отношения Управления и Владивостокской таможни, сохранявшей известную самостоятельность в решении оперативных задач.

Наконец, документы фонда Управления таможенных сборов ДВР (прежде всего личные дела сотрудников) открывают возможности для проведения историко-биографических исследований – создания социального портрета таможенного чиновника в условиях социальной катастрофы.

Источники и литература

1. Беляева Н. А. Таможенно-тарифное регулирование в Дальневосточной республике // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. О. А. Шеломихин. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2019. – Вып. 9, Ч. 1. – С. 18–23.
2. Беляева Н. А. Управление таможенных сборов Дальневосточной республики // Россия и АТР. – 2020. – № 2. – С. 80–91.

3. Беляева Н. А., Ляпустин С. Н., Лаврик Л. А. Таможенное дело в Дальневосточной республике. – Владивосток: Владивостокский филиал Российской таможенной академии, 2018. – 116 с.
4. Беспалько Д. Н. Особенности развития пушно-сырьевого сектора экономики на территории Забайкалья в период существования Дальневосточной Республики 1920–1922 гг. // Историко-экономические исследования. – 2019. – Т. 20, № 4. – С. 640–664.
5. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). – Ф. Р-79. – Оп. 1. – Д. 7.
6. Орнацкая Т. А., Ципкин Ю. Н. Концессионная политика Дальневосточной республики (1920–1922 гг.) // Россия и АТР. – 2007. – № 1. – С. 5–20.
7. РГИА ДВ (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока). – Ф. Р-1639. – Оп. 1. – Д. 14.
8. Федотов В. И. Торгово-промышленные палаты Дальневосточной республики (1921–1923 годы) // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2008. – № 5. – С. 150–153.

УДК 323:93/94

ББК 63.3(2)61:66.3:66.63

Вадим Леонидович Землянский,
*Информационный историко-научный центр –
Военная историческая библиотека Генерального штаба
Вооруженных Сил Российской Федерации,
г. Санкт-Петербург, Россия*

Социалистический блок во Временном Народном собрании Дальнего Востока

В статье рассматривается деятельность социалистического блока в дальневосточном парламенте в 1920 г. Объединение левых партий перед выборами в Народное собрание имело целью продемонстрировать единство целей и задач социалистических партий и коммунистов перед иностранными государствами. «Единый социалистический фронт» благодаря поддержке крестьянских депутатов обладал в парламенте большинством голосов. Кризис социалистического блока проявился в вопросах об условиях вхождении Приморья в состав Дальневосточной республики и самороспуска парламента.

***Ключевые слова:** Временное Народное собрание Дальнего Востока, социалистический блок, парламентаризм, Приморская область, Временное правительство Дальнего Востока*

Сложившаяся в начале 1920 г. военно-политическая ситуация в Приморской области, не позволившая провести немедленную советизацию края, обусловила создание Временного правительства Приморской областной земской управы (с конца марта 1920 г. – Временное правительство Дальнего Востока) во главе с эсером А. С. Медведевым. Ведущую роль в органах управления на территории, подконтрольной земскому правительству, играли представители коммунистов и социалистических партий. Опасность потери дальневосточного региона после японского вооруженного выступления в апреле 1920 г. привела политические силы к консенсусу в вопросе о создании высшего представительного органа власти, способного отстаивать интересы жителей восточной окраины, в том числе способствовать объединению

областей Дальнего Востока с Советской Россией.

Принятое правительством в мае 1920 г. Положение о выборах во Временное Народное собрание Дальнего Востока – дальневосточный парламент, предусматривало, что кроме депутатов, избранных в городах и сельской местности, в него войдут по одному представителю от большевиков, меньшевиков, эсеров, левых эсеров, сибирских эсеров, народных социалистов, кадетов и максималистов. Кроме этого, в Народное собрание избирали своих представителей профессиональные союзы и торгово-промышленные организации [15, с. 73–76; 18, с. 21–22]. Профсоюзы делегировали социалистов, а торгово-промышленники – сторонников правой идеологии. Максималисты отказались от предоставленного им места.

В течение мая 1920 г. происходили заседания межпартийного совещания левых партий. На заседании 29 мая 1920 г. коммунисты предложили из заявленных 25 кандидатских мест по Владивостоку выдвинуть 15 большевиков. Меншевики поддержали идею единого списка, но под вывеской центрального бюро профессиональных союзов. Также за блок выступили народные социалисты, эсеры и левые эсеры [12, л. 1 об. – 2].

Перед выборами в парламент представители социалистических партий, кроме эсеров, смогли договориться о выставлении единого списка межпартийного совещания социалистических партий на выборах во Владивостоке. Отдельный список выдвинула партия социалистов-революционеров. По результатам голосования, из 25 мест по Владивостоку социалистический блок (в его состав вошли коммунисты, меньшевики, левые и сибирские эсеры, а также народные социалисты) провел 20 депутатов. Правоцентристская прогрессивно-демократическая группа получила 4 места, а эсеры смогли занять только одно депутатское кресло [2, с. 4]. На выборах в Никольске-Уссурийском и Хабаровске эсеры составляли единый список с большевиками и другими социалистами. Результаты голосования в Приморье показали, что ведущей силой в парламенте станут левые депутаты.

Абсолютное большинство из избранных к середине июля 1920 г. 135 депутатов входило в состав крестьянской (беспартийной) фракции [7, с. 4]. При этом необходимо учитывать, что в «беспартийную крестьянскую фракцию» входили коммунисты, не раскрывавшие своей партийной принадлежности. Они практически полностью составили президиум фракции [1, с. 69–71]. С. П. Руднев отмечает, что «крестьяне, попавшие в члены Народного собрания, в громадном большинстве уже были распропагандированы левыми, а потом и вовсе попали им в руки, так как для всех них было организовано общежитие при Народном собрании, где целыми днями агитировали коммунисты и социалисты» [16, с. 309].

Решение о создании социалистического блока в Народном собрании было приня-

то 17 июня 1920 г. В социалистический блок вошли все левые фракции. 14 июля 1920 г. был избран президиум блока в составе 7 человек, в который вошли по одному представителю от каждой фракции. Председателем стал меньшевик А. И. Кабцан [1, с. 72–73]. Порядок открытия и программа первых двух заседаний Народного собрания выработывалась в социалистическом блоке [5, с. 1]. Оппозиция приняла все предложения соцблока, кроме вопроса о замещении одного места президиуме [13, с. 4].

20 июня 1920 г. состоялось первое заседание парламента. На втором своем заседании 22 июня 1920 г. Народное собрание избрало президиум и председателя – эсера Ф. С. Мансветова [3, с. 3]. Ключевым моментом в работе Народного собрания стало принятие депутатами на пленарном заседании 25 июня 1920 г. совместной декларации социалистического блока и крестьянской фракции. Основной задачей парламентариев в ней ставилось объединение дальневосточных областей в независимую республику во главе с единым правительством [18, с. 33]. Кроме этого, в документе говорилось о необходимости следования демократическим принципам, восстановления экономики и т. п.

Задачи коммунистической фракции определялись в «Положении о фракции коммунистов при Временном Народном собрании». Большевики в парламенте должны были согласовывать с высшими органами РКП(б) законодательные мероприятия, усиливать влияние на политику дальневосточного буфера, заниматься пропагандой «ленинских идей», информировать жителей края о международном положении и о работе парламента [Там же, с. 34].

После того как представители социалистического и несоциалистического блоков достигли соглашения, что Совет управляющих ведомствами возьмет за основу демократическую программу, провозглашенную в Народном собрании, началась подготовка к созданию коалиции [16, с. 347]. 10 июля 1920 г. был сформирован новый состав высшего исполнительного органа власти – Совета управляющих ведомствами. Председателем Совета стал депутат со-

циал-демократической фракции (меньшевиков) М. С. Бинасик [6, с. 1]. Несмотря на вхождение в Совет цензовиков, большая часть мест управляющих досталась социалистам.

5 августа 1920 г. эсеры приняли решение войти в Совет управляющих ведомствами, заняв посты управляющих внутренними делами, делами юстиции и земледелием [8, с. 1]. В Народном собрании, как и в Совете управляющих ведомствами, эсеры отстаивали «партийную» точку зрения по разным событиям. Так, они отказались признать вхождение «амурских войск» в Хабаровск [9, с. 1].

Несмотря на то, что большевики приняли решение считать центром объединения областей Дальнего Востока вместо Владивостока Верхнеудинск, соцблок в Народном собрании крайне осторожно отнесся к возможности признания правительства Дальневосточной республики при существовании режима Г. М. Семенова в Забайкалье. Поражения семеновцев в Забайкалье и намечавшееся после их окончательного разгрома конференция областных правительств, а также причины как экономического, так и политического характера привели к выходу цензовиков из Совета управляющих ведомствами, после чего он стал практически полностью социалистическим. Это произошло в октябре 1920 г. Формальной причиной ухода несоциалистов из коалиции стало изменение внешней политики в отношении Китая (вопрос о «миссии Юрина» и пересмотр договоров, заключенных царским правительством с Пекином).

Выход цензовиков из Совета управляющих ведомствами социалистический блок единогласно осудил. 16 октября 1920 г. Народное собрание большинством голосов приняло резолюцию социалистического блока и крестьянской фракции. В ней утверждалось, что демократическая программа проводилась Советом последовательно, как и политика в отношении Китая [17, с. 1]. Распад коалиции показал, что социалистические партии придерживались единого мнения в области внешней политики и не были намерены изменять свое отно-

шение к пересмотру неравноправных, по их мнению, договоров.

Обсуждение вопроса о признании власти временного центрального правительства Дальневосточной республики вызвал кризис в социалистическом блоке. После победы над войсками атамана Г. М. Семенова в Чите утвердилась власть ДВР. Город стал местом проведения конференции областных дальневосточных правительств. Часть Владивостокской делегации – управляющий ведомством труда и член коммунистической фракции П. М. Никифоров и глава крестьянской фракции Народного собрания Г. К. Румянцев, прибывшие в Читу раньше остальных членов делегации (в нее вошли представители эсеров, меньшевиков и крестьян), подписали в Чите акт о признании правительства Дальневосточной республики.

Признание верховной власти Читы первоначально предполагало роспуск Народного собрания. Коммунисты настаивали на немедленном самороспуске, убеждая в этом представителей крестьянской фракции. Большинство фракций социалистического блока настаивало на сохранении парламента. Всю середину ноября и начало декабря 1920 г. депутаты посвятили обсуждению вопроса о судьбе Народного собрания.

На совместном заседании социалистического блока и крестьянской фракции 28 ноября 1920 г. депутаты обсудили резолюцию крестьянской фракции о признании правительства ДВР и самороспуске Народного собрания. В результате голосования 60 депутатов признали объединение Дальнего Востока совершившимся фактом (против – 5, воздержались – 11); 79 парламентариев одобрили принятую в Чите декларацию от 29 октября 1920 г. (против – 0, воздержался – 1); 66 депутатов признали правительство Дальневосточной республики (против – 15, воздержались – 3). Несмотря на доводы сторонников сохранения Народного собрания, большинство участников заседания (за – 47, против – 35, воздержались – 0) проголосовало за роспуск парламента [10, с. 3]. Из 35 депутатов, проголосовавших против роспу-

ска, 9 чел. были эсерами, 3 – меньшевиками, 3 – сибирскими эсерами, 2 – народными социалистами и 18 – членами крестьянской фракции [4, с. 3].

Возможность роспуска Народного собрания на время объединила практически все партийные фракции (исключение составили коммунисты и левые эсеры), ставившие целью сохранить парламент. Активнее всех эту позицию в конце ноября 1920 г. отстаивала фракция партии социалистов-революционеров. За сохранение института представительства выступили и меньшевики.

29 ноября 1920 г. эсеры предложили признать правительство ДВР и распространить его власть только после признания последним автономии Приморья с сохранением органов городского и местного самоуправления, Народного собрания и ответственного перед ним Совета управляющих ведомствами, а также потребовать создания исполнительного органа Народного собрания, призванного осуществлять функ-

ции центральной власти под контролем и в контакте с центральным правительством в Чите [11, с. 2]. На следующий день на экстренном заседании Народном собрании М. С. Бинасик заявил, что фракция меньшевиков признает центральное правительство ДВР и выступает за сохранение Народного собрания [14, с. 3].

Опасность повторения японского выступления и нежелание давать повод к консолидации правых реакционных группировок повлияли на большинство депутатов соцблока в вопросе о роспуске парламента. Приморье хоть и вошло в состав ДВР, но Народное собрание сохранилось в качестве регионального парламента Приморской области. Предложения эсеров стали основой в решении вопроса о сохранении парламента. Вместе с парламентом продолжил существование и социалистический блок, вплоть до роспуска Приморского областного Народного собрания Временным Приамурским правительством в конце мая 1921 г.

Источники и литература

1. Азаренков А. А. «Демократический компромисс»: идея «буфера» на Дальнем Востоке в планах и тактике политических сил – участников гражданской войны в России (январь 1920 – январь 1921 гг.). – Комсомольск-на-Амуре: Изд-во КНАГПУ, 2001. – 152 с.
2. Вестник Временного правительства Дальнего Востока – Приморской Земской управы. – Владивосток, 1920. – 16 июня.
3. Вестник Временного Правительства Дальнего Востока – Приморской Земской управы. – Владивосток. 1920. – 27 июля.
4. Вечер. – Владивосток, 1920. – 29 ноября.
5. Воля. – Владивосток, 1920. – 19 июня.
6. Воля. – Владивосток, 1920. – 11 июля.
7. Воля. – Владивосток, 1920. – 16 июля.
8. Воля. – Владивосток, 1920. – 6 августа.
9. Воля. – Владивосток, 1920. – 27 октября.
10. Воля. – Владивосток, 1920. – 30 ноября.
11. Воля. – Владивосток, 1920. – 1 декабря.
12. ГАХК (Государственный архив Хабаровского края). – Ф. П-44. – Оп. 1. – Д. 161.
13. Дальневосточное обозрение. – Владивосток, 1920. – 20 июня.
14. Дальневосточное обозрение. – Владивосток, 1920. – 2 декабря.
15. Ляхов Д. А. Небольшевистские модели политического устройства Дальнего Востока России (конец 1919–1922 гг.). – Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова, 2015. – 188 с.
16. Руднев С. П. При вечерних огнях. – Харбин: Заря, 1928. – 467 с.
17. Слово. – 1920. – 19 октября.
18. Сонин В. В. Становление Дальневосточной республики (1920–1922). – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1990. – 347 с.

Формирование Народно-революционной армии Дальневосточной республики и ликвидация «Читинской пробки»

В статье рассматриваются формирование НРА, применение авиационных отрядов и танков НРА в боях за Читу. Автор, опираясь на опубликованные материалы и данные Государственного архива Забайкальского края, делает попытку проанализировать указанную проблему.

Ключевые слова: Гражданская война, партизаны, Забайкалье, авиация, НРА ДВР, самолет, танк

На западе бывшей Российской империи активные боевые действия Гражданской войны закончилась в 1920 г. Начинаясь советско-польская война, и в это тяжелое время, в апреле 1920 г. была создана Дальневосточная Республика. Основная цель, преследуемая этим шагом – завершение Гражданской войны, изгнание интервентов и окончательное объединение страны [7, с. 79–80, 128–129].

Уже 20 апреля 1920 г. на ст. Жидка состоялся 2-й фронтовой съезд партизан Восточного Забайкалья. На съезд приехали командующий Амурским фронтом Д. С. Шилов и начальник штаба К. Я. Лондо (Луке). На съезде обсудили военно-политическую обстановку в Забайкалье и на Дальнем Востоке, а также вопрос об организации армии восточно-забайкальского фронта. В принятой съездом резолюции говорилось, что партизаны Восточно-Забайкальского фронта считают себя частью Красной Армии и видят свою задачу в быстрейшем освобождении края и объединение его с Советской Россией. Было решено слить фронт под общим командованием. Командующим съезд избрал Шилова, начальником штаба – Лондо.

После образования ДВР и формирования Народно-революционной армии (НРА) японские экспедиционные войска отступили с занимаемых территорий Западного Забайкалья, сосредоточив свои основные боеспособные части в Восточном Забайкалье, прежде всего в г. Чите. Уже 27 марта 1920 г. главком Народно-революционной армии ДВР Г. Х. Эйхе отдал приказ о начале на-

ступления на Читу силами 1-й Иркутской стрелковой дивизии, которая в будущем будет переименована в 1-ю Читинскую [3, с. 658].

Основной состав вооружённых сил НРА ДВР был не однородным, пожалуй, единственной боевой единицей была 1-я Иркутская стрелковая дивизия, командиром которой был Василий Буров (настоящее имя Михаил Петров), бывший прапорщик царской армии и большевик. Эта дивизия состояла из трёх стрелковых бригад, и в каждой из них было по три полка. К марту в состав дивизии была включена Верхнеудинская кавалерийская бригада, также в ее подчинение были включены местные партизаны. Помимо этого большевики рассчитывали на вооруженное восстание войск в Чите, численностью около 600 бойцов, однако попытка была сорвана контрразведкой атамана Семёного. Также значительную часть бойцов дивизии и партизан составляли дезертиры семёновской армии и военнопленные разбитой колчаковской армии.

О тех боях вспоминал один их участник со стороны НРА Пётр Аносов: было решено начать генеральное наступление с 7 на 8 апреля 1920 г. в пасхальную ночь, чтобы застать семёновцев врасплох. Основной удар было решено нанести с севера. Части 1-й дивизии должны были наступать по долине реки Читинки, и от Черновских копей по реке Ингоде, помимо этого особая Верхнеудинская бригада, должна была, переправившись через Ингоду и выйдя к предместью Читы – Титово, нанести удар по вокзалу Чита II. Партизанам Восточного

Забайкалья предстояло наступать на г. Чита со стороны Андриановки-Карымской, и выйти к Песчанке, а затем к Антипихе и развивать наступление на Читу. 1-я Иркутская стрелковая дивизия повела энергичное наступление на город. На окраинах слышны залпы, идёт ружейная трескотня, ухает артиллерия. Буржуазия, уже совершившая в своё время пробег от Омска до Читы, с замиранием сердца прислушивается – приближается или удаляется стрельба – и в зависимости от этого ищет ответа: тащить ли пасхи святить в церковь или связывать узлы [1, с. 6].

Основную атаку 1-й Иркутской стрелковой дивизии шквальным огнем из вин-

товок и пулеметов остановила японская пехота при поддержке тяжелой артиллерии в районе оз. Арахлей. 10 апреля основные силы НРА перешли в новое наступление и выбили закрепившегося противника, взяли с. Беклемишево, и уже через два дня – с. Смоленку. На подходах к г. Чите (улицы Лагерная, Нагорная и Новобульварная), 13 апреля, войска наткнувшись на сильное сопротивление японской пехоты и артиллерии, отошли от города к озерам Тасей и Иван, оставив свои главные передовые части на Яблоновом хребте, похоронив убитых, заняли оборону [8, с. 165]. С этого неудачного наступления и начался ряд наступательных операций под Читой.

Рис. 1. Бойцы. Народно-революционная армия Дальневосточной республики, Верхнеудинск, 1920 г. [5, с. 88]

Понимая всю сложность по преодолению вражеских позиций, началась усиленная подготовка к следующей наступательной операции. Для этого под Читу перебрасывались авиационные соединения и трофейные танки для оказания существенной поддержки в наступлении.

Формирование первых частей Воздушного флота НРА ДВР проводилось в г. Верхнеудинске. Уже в марте 1920 г. сюда перевели 1-й и 2-й авиационные отряды, которые и стали основным костяком Воздушного флота ДВР и стала именоваться авиагруппой. Стоит отметить, что в начале формирования данные отряды, имели на вооружении всего лишь семь самолетов, но при этом на каж-

дый из самолетов авиапарка приходилось по несколько десятков штабных работников [2, л. 3]. В апреле 1920 г. сформировалось главное управление начальника авиации НРА ДВР. Начальником авиации был назначен военный летчик Л. А. Мартинсон, заместителем Н. М. Брагин, а военным комиссаром М. Н. Смирнов [7, с. 23].

Авиаторы, в большинстве были героями Первой мировой войны. В Забайкалье они совершали разведывательные полеты, проводили бомбардировку позиций белых, разбрасывали листовки, а также вели воздушные бои.

Возросшая мощь Красной армии, а также НРА заставило японское командование

приступить к переговорам с правительством ДВР. Делегацию Дальневосточной республики возглавил опытный партийный работник Ф. Н. Петров. Переговоры велись

на забайкальской станции Гонгота. Было решено прекратить военные действия, причем японское командование взяло обязательство эвакуировать свои войска.

Рис. 2. Группа летчиков Первого авиаотряда НРА ДВР.

Аэродром ст. Карымская. 1921 г. 4-й справа – начальник воздушного флота НРА ДВР Н. М. Брагин. 6-й справа – командир авиаотряда красных военных летчиков Ф. Д. Калитников [7, с. 23]

Японцы 17 июля 1920 г. на ст. Гонгота подписали соглашение о прекращении военных действий в районе Читы, установлении нейтральной зоны и начале вывода своих войск с территории Забайкалья. Все понимали, что это означает скорый конец белого режима. Дисциплина в частях упала, участились случаи дезертирства.

Читинскую пробку необходимо было ликвидировать в кратчайший срок. Вместе с тем в сложившейся обстановке ни о каких боевых действиях частей НРА не могло быть речи. Однако соглашение не касалось партизан, которые формально не подчинялись правительству Дальневосточной республики. Поэтому основная тяжесть вооружённой борьбы с белогвардейцами и интервентами ложилась на плечи партизан Восточного Забайкалья.

Для оказания им практической помощи из Верхнеудинска было направлено 50 партийных и военных работников во главе с Я. П. Жигалиным – военкомом 2-й Иркутской дивизии. Под их руководством прошло быстрое переформирование частей. Была произведена замена парти-

занских командиров на более лояльных к советской власти. Были созданы 1-я и 2-я Амурская стрелковые дивизии, 4-я отдельная Амурская бригада, 2-я отдельная кавбригада и Забайкальская кавдивизия трехбригадного состава.

Новое наступление НРА было назначено 1 октября и завершилось успехом, из-за начавшейся в конце августа 1920 г. эвакуации основных сил Дальневосточной армии по КВЖД в Приморье и на Дальний Восток, где находились важнейшие для продолжения боевых действий запасы оружия и боеприпасов.

В начале октября активные действия начали партизаны севернее и южнее г. Читы. Уже 15 октября перешли в наступление войска Амурского фронта. В данном наступлении принимали танки. Еще летом-осенью 1920 г. танки действовали против белых сил в составе войск Амурского фронта. Командир танкового дивизиона, который на тот момент состоял из 10 танков Рено FT-17 Н. Шамрай разработал «Инструкцию порядка введения танков в бой при полевой обстановке», в ней

отмечалось: самое главное обстоятельство введения танков в бой – это условие по возможности пройти им до места боя небольшое расстояние, дабы танки могли пройти самостоятельно с боем большое расстояние. Танки наносят серьезное поражение и громадное моральное впечатление на противника только в количестве несколько штук, посылать в бой одну машину не разрешается [4, с. 30].

Моральное впечатление было главным назначением действия танков, ведь

подобных бронированных машин никто в Забайкалье тогда не видел. Ярким примерам их применения является бой за ст. Урульга, 19 октября 1920 г. части 5-й Амурской бригады ДВР при поддержке танков 3-го взвода атаковали силы белых на ст. Урульга. По наступающим силам был открыт сильный артиллерийско-пулеметный огонь, однако появление танков произвело на силы противника сильное впечатление, и противник отошел. Станцию пехота НРА ДВР взяла без потерь.

Рис. 3. Танки 1-го Амурского тяжелого дивизиона в Благовещенске. 10 августа 1920 г. [4, с. 32]

19 октября 1920 г. началось общее наступление. На юго-востоке 1-я Забайкальская кавалерийская дивизия совершила налет на станции Оловянная и Борзя, 1-я бригада Амурской дивизии после ожесточённого боя овладела станцией Ага. 20 октября действующие с севера части 2-й отдельной кавбригады и отряда Старика (А. Н. Бутрина) отбросили семеновцев к Верх. Чите. Действовавшие на востоке части 2-й Амурской стрелковой дивизии захватили разъезд Китайский.

21 октября был 2-я отдельная кавбригада, при поддержке партизанских отрядов, овладела селами Смоленка и Каштак. 22 октября части НРА овладели станцией Карымская и Читой. В Читу

вошел партизанский отряд под командованием А. Н. Бутрина, затем части Народно-революционной армии [5, с. 92].

Уже 24 октября передовые части НРА взяли станции Маккавеево и Адриановка, захватив несколько эшелонов, около 10 артиллерийских орудий и 6 броневиков. 30 октября бойцы НРА взяли станции Бырка и Оловянная.

К 31 октября 1920 г. Дальневосточная армия покинула Забайкалье, после этого красные соединения взяли станцию Даурия. И к этому времени Забайкалье было присоединено к Дальневосточной республике, а столица перенесена из г. Верхнеудинска в г. Читу.

Источники и литература

1. Баринов А. О. Битва за столицу «Восточной Краины». Первое наступление красных на Читу (8–13 апреля 1920 года) // Читинское обозрение. – 2020. – № 16. – 15 апреля. – С. 6.
2. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). – Ф. Р-599. – Оп. 1. – Д. 2.
3. Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия / гл. ред. С. С. Хромов. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 703 с.
4. Коломиец М. В. Танки в Гражданской войне. – М.: Яуза: Эксмо, 2014. – 142 с.

5. Константинов А. В., Константинова Н. Н. История Забайкалья (1917–1922 годы): учеб. пособие. – Чита: ЗабГУ, 2016. – 188 с.

6. Очерки истории Читинской областной организации КПСС. – Иркутск, Чита: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1975. – 560 с.

7. Поломошнов Г. И. Первый летчик ДВР // Хронограф: забайкальский исторический журнал. – 2013. – 134 с.

8. Шерешевский Б. М. Разгром семеновщины (апрель – ноябрь 1920 г.). О роли Дальневосточной республики в борьбе за ликвидацию «Читинской пробки» и объединение Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1966. – 239 с.

УДК 93/94
ББК 63.3(2)61:66.3

*Оксана Петровна Крушевская,
Забайкальский краеведческий музей
им. А. К. Кузнецова,
г. Чита, Россия*

Управление коменданта города Читы в период Дальневосточной республики (1918–1920 гг.)

25 октября 1920 г. было учреждено Управление коменданта города Читы. Согласно приказу от 14 ноября 1920 г. Управление подчинялось военному министерству Дальневосточной республики. Комендантская служба города занималась вопросами организации караульной службы, обеспечения контроля над арестованными, командировочными, обеспечением дисциплины в воинских частях, наведением порядка среди гражданского населения.

Ключевые слова: управление коменданта, город Чита, Народно-революционная армия, Дальневосточная республика, гарнизонная, караульная служба, патрулирование, Читинский гарнизон, Чита столица ДВР

Становление Дальневосточной республики проходило в сложных условиях Гражданской войны. 22 октября 1920 г. части Народно-революционной армии освободили Читу. Бои продолжались на территории Забайкалья до 22 ноября 1920 г. 8 ноября 1920 г. войска НРА разделили на 1-ю Забайкальскую и 2-ю Амурскую армии, воинские части были переформированы и распределены в западное, восточное Забайкалье и Амурскую область.

В мае 1921 г. в Забайкалье вторглись войска Унгерна фон Штернберга, разгром которого был завершён на территории Монголии в июле–августе 1921 г. 5 февраля 1921 г. войска Народно-революционной армии под командованием В. К. Блюхера начали наступление в Приморье, освобождённое в результате успешного проведения Приморской операции 25 октября 1922 г. [7].

Передислокация, налаживание взаимодействия между формированиями Народно-революционной армии стало ещё одной

проблемой, требующей организованного решения. В условиях передвижения войск и ведения боевых действий необходимо было обеспечить порядок. Военное положение диктовало необходимость организации гарнизонной и караульной службы.

25 октября 1920 г. после того как Чита стала столицей Дальневосточной республики, было создано Управление коменданта города. В состав Управления вошли помощники коменданта, сотрудники по особым поручениям, начальник судной части, делопроизводитель хозяйственной части, писари, машинистки [2, л. 79]. Первым комендантом, назначенным начальником Читинского гарнизона, стал М. Д. Терский. Обязанности коменданта и сотрудников Управления, порядок несения комендантской службы определяло «Положение о комендантском управлении г. Читы».

Согласно приказу от 14 ноября 1920 г. Управление подчинялось военному министерству ДВР. В населённых пунктах Забайкалья обязанности коменданта вы-

полняли Начальник воинского управления, в случае необходимости при воинском управлении формировали Управление коменданта в соответствии с приказом Военного совета НРА. В городах ДВР, где не было Начальника воинского управления, формировались особые Управления коменданта по штатам указанных в приказах Военсовета [2, л. 79].

Управление коменданта стало органом власти, осуществляющим передачу войскам распоряжений начальника и командира Читинского гарнизона по вопросам комендантской службы военным частям, находившимся в Чите и близлежащих населенных пунктах. Комендант города, находившегося на военном положении, поддерживал общий порядок, обеспечивал безопасность населения [Там же].

В Управление регистрировались все прибывшие в Читку в отпуск, командировку военнослужащие, а также добровольно перешедшие на сторону Народно-революционной армии представители белых войск. Отметка о своевременной регистрации ставилась в документах, удостоверяющих личность прибывших. В условиях крайней нехватки продовольствия, обмундирования, фуража регулярно проводился сбор информации о снабжении частей НРА [Там же].

Военное положение привело к необходимости введения жесткого пропускного режима. Выдавались специальные удостоверения, прежде всего военнослужащим, меняющим место пребывания, гражданским лицам, находящимся в командировке, сотрудникам Управления коменданта, жителям ДВР, которым было необходимо покинуть место постоянного жительства. Документы подтверждали должность и место работы, увольнения и приема на работу, осуществления разных видов деятельности. Отдельные удостоверяющие документы разрешали выезд и въезд в Читку, передвижение в пределах ДВР для решения продовольственных вопросов. Выдавались удостоверения как индивидуально, так и на группу лиц, с приложением списка, представителям рабочих специальностей, сотрудникам Управления коменданта, судебной части,

военных учреждений. Пропускные документы гражданскому населению выдавались по личному заявлению. Документы написаны от руки и набраны на печатной машинке, вероятно, оформленные вручную, выписывались в спешном порядке в полевых условиях. Удостоверения заверялись подписью коменданта города и печатью [3, л. 40, 91; 5, л. 1, 2, 4–5, 20; 6, л. 1–5, 10–21, 32, 57, 79, 87, 120, 126, 131–132].

Организация караульной службы, контроль над арестованными, обеспечение дисциплины в воинских частях стали важнейшими обязанностями Управления, обеспечивающими порядок в военное время. Караульную службу в Чите осуществляли караульный батальон, комендантская команда, части Читинского гарнизона. Постепенно произошло перераспределение караулов между Управлением комендантом и Читинским гарнизоном. Гарнизонные караулы в Чите заменялись караулами комендантской команды [2, л. 25, 27, 33, 45, 98; 6, л. 79].

Комендант назначал, распределял по объектам караулы, регулировал состав караульных команд. Прежде всего, караулы назначались на стратегически важные объекты, которыми были вещевые, продуктовые, артиллерийские склады, часто подвергавшиеся нападениям и грабежу [1, л. 6–7, 12, 16, 19, 21].

Среди охраняемых объектов была химическая лаборатория на ул. Нагорной (ныне название сохраняется), склад с медикаментами, находящийся углу Софийской (ныне ул. Бутина) и Аргунской (ныне часть ул. Амурской). Постоянной охраны требовали здания кассационного суда, Читинской радиостанции. Сменными караулами охранялись железнодорожные мосты, прилегающие территории к железной дороге [1, л. 7, 41–41об., 42–45, 65, 75]. Охраняемые объекты периодически инспектировались, о чем составлялись соответствующие акты.

Для поддержания порядка в Чите, на железнодорожных станциях, осуществления контроля над дисциплиной военнослужащих назначались пешие и конные патрули, усиленные в праздничные дни.

Особенно тщательно патрулировалась территория вдоль железной дороги, по берегам реки Ингода, рядом со станциями Антипиха, Песчанка, где находились части Народно-революционной армии. Результаты патрулирования излагались в рапортах коменданту Читы [2, л. 3, 58, 64].

Сопровождение и доставка военнопленных белой армии осуществлялось Читинским караульным батальоном, командиром которого назначались команды в количестве 10–15 чел. Старшему командиру выдавалось удостоверение, где излагалось обращение об оказании содействия во время проезда до места назначения. Военнопленных доставляли в теплушках, прицепленных к общим поездом, в Иркутск. Караульная команда получала расписку о приеме под охрану военнопленных. Все сопроводительные документы по прибытию в Читку сдавались коменданту города [Там же, л. 38, 42, 45].

Крайне тяжелое экономическое положение заставляло коменданта решать вопросы обеспечения продовольствием, предметами первой необходимости, жильем. Для того чтоб иметь возможность найти продукты организовывались командировки в районы Дальневосточной республики. Запрашивали пропуска для поездки в Маньчжурию, с целью приобретения продуктов, сотрудники Забайкальской конторы Центрсоюза. На бедственное положение в Чите регулярно обращалось внимание в докладах коменданта Начальнику Читинского гарнизона, Командующему войсками НРА, Забайкальского военного округа (1922 г.) [2, л. 68; 5, л. 230–234, л. 273].

Комендант по специальным обращениям организовывала как общие, так и отдельные «номера бань» в Чите для бойцов Народно-революционной армии, военно-политической школы НРА, Главного полевого контролера НРА, заезжих артистов военно-передвижной труппы Восточного фронта, сотрудников комендатуры, Главного полевого казначейства. Помощник коменданта решал проблемы обеспечения углем, дровами, обеспечения телефонной связи [3, л. 23–14; 4, л. 72, 76, 89, 102, 120, 124, 140, 149, 164, 168, 171, 177].

Управлением коменданта Читы велась обширная переписка с гражданским населением, предприятиями, организациями, с военными структурами и органами власти ДВР, иностранцами (китайцами) и гражданами Читы по непосредственной деятельности разным вопросам. Переписка была значительной, не хватало выделенного на месяц объема бумаги, и сотрудники Управления заказывали бумагу и канцелярские принадлежности в другие города Дальневосточной республики [3, л. 11, 13–14, 40–44, 77–78, 88–89; 4, л. 2–8, 10–13].

В обязанности коменданта входили поддержка дисциплины и порядка среди военнослужащих, расквартирование их Чите, поиск военных дезертиров, содержание мест заключения. Для отслеживания дезертиров составляли полные списки формирований Народно-революционной армии. Военный следователь отслеживал передвижение и место дислокации военных частей НРА, для чего в Управление запрашивал необходимую информацию.

Документы судебной части Управления коменданта Читы – протоколы допросов и дознаний, рапорты, распоряжения, донесения, ордера, заявления, сообщения, записки об аресте и освобождении, переписка с правоохранительными и военными органами рассказывают о преступлениях, нередкими из которых были случаи дезертирства в рядах НРА, о доставке. Есть документы об осуждении, содержании арестованных на гарнизонной гауптвахте, отправке в читинскую тюрьму, о реквизиции казенного имущества и оружия у населения г. Читы.

В гарнизонной гауптвахте периодически содержалось до 185 чел. Часть карцеров не освещались, арестованные спали на голых нарах, практически не имели посуды, были плохо одеты [2, л. 14–15, 18, 29, 68–71].

В Управление не было медицинского персонала. В случае необходимости комендант обращался за медицинской помощью в гарнизонную амбулаторию, Читинский лазарет. Только для военнослужащих был развернут военно-полевой госпиталь. При Читинском лазарете действовала лечеб-

ная комиссия, проводившая медицинское освидетельствование военнослужащих НРА [2, л. 56–57, 68; 4, л. 2, 82; 5, л. 200].

Основу деятельности Управления коменданта составили приказы, в том числе и секретные по военному ведомству, Начальника гарнизона, гражданским и военным организациям, органам милиции,

инструкции и руководства для приема, пересылки, хранения секретной почты и документов. Приведенные документы стали частью единого законодательства ДВР. После присоединения Дальневосточной республики к РСФСР Управление коменданта Читы продолжало свою деятельность.

Источники и литература

1. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). – Ф. Р-884. – Оп. 1. – Д. 1.
2. ГАЗК. – Ф. Р-884. – Оп. 1. – Д. 12.
3. ГАЗК. – Ф. Р-884. – Оп. 1. – Д. 24.
4. ГАЗК. – Ф. Р-884. – Оп. 1. – Д. 25.
5. ГАЗК. – Ф. Р-884. – Оп. 1. – Д. 26.
6. ГАЗК. – Ф. Р-884. – Оп. 1. – Д. 28.
7. Шишкин С. Гражданская война на Дальнем Востоке. – М.: Воениздат, 1957. – 268 с. – URL: <http://www.biografia.ru/arhiv/grvoyna.html> (дата обращения: 03.10.2020). – Текст: электронный.

УДК 323:93/94

ББК 63.3(2)61:663.3

*Олег Владимирович Кузнецов,
Забайкальский краевой краеведческий музей,
г. Чита, Россия*

Этнонациональная политика Дальневосточной республики

Статья посвящена роли и влиянию этнополитических факторов на процессы государственного строительства в период Гражданской войны на территории Забайкалья, особенностям этно-национальной политики Дальневосточной республики, а также процессу создания бурятских автономных областей на территории Забайкалья (Дальневосточная республика) и Иркутской губернии РСФСР.

***Ключевые слова:** Гражданская война, Сибирь, Дальневосточная республика, этнонациональная политика, буряты, Бурят-Монгольская автономная область*

Россия в начале XX в. представляла собой сложносоставное государство имперского типа, с полиэтничным по своему составу населением, одним из характерных признаков которого была политика имперского центра, обеспечивающая доминирование титульной нации в экономической, политической, социальной и культурных сферах, в том числе на ее восточных национальных окраинах. Государственная идеология Российской Империи опиралась на хорошо известные постулаты – «православие, самодержавие, народность», сформулированные еще в XIX в. создателями так называемой «теории официальной народности» [2, с. 233–244]. В период, предшествовавший началу Первой мировой войны,

в Российской империи, с одной стороны, – продолжалось развитие этнического самосознания народов т. н. «национальных окраин», выдвигались требования обеспечения политического участия в управлении страной, равных экономических, социальных и политических прав на землях их традиционного проживания. С другой стороны – в структурах имперской власти и реакционной части российского общества усиливалось недовольство нарастающими требованиями так называемых «инородцев».

Как бы там ни было, в научном сообществе считается общепризнанным, что этнополитический фактор («национальный вопрос»), наряду с социально-экономиче-

скими и военными факторами послужили причинами быстрого распада и гибели Российской империи. Как верно отметил в своем исследовании В. С. Дякин: «при наличии определенной степени зрелости этносов, включенных в состав многонациональных империй, удержание их в одном государстве возможно только при помощи силы. Как только империя высказывает отсутствие такой силы, она разваливается» [4, с. 51]. Анализируя причины Русской революции 1917 г. И. В. Герасимов пишет: «неудовлетворенность состоянием имперского государства в начале XX в., в первую очередь распределением особых прав и политического представительства среди различных групп населения, привела к тому, что он назвал «великой имперской революцией» 1917 г. [11, р. 21–44]. Действительно, революция 1917 г., и последовавшая за этим кровопролитная гражданская война продемонстрировали различные варианты решения «национального вопроса», разные модели нациестроительства и создания государств, возникших на руинах Российской империи, выстраивания этно-национальной политики в разных частях бывшей империи.

«История российского Дальнего Востока в 1905–1922 гг. помогает объяснить не только то, как эта революция, взятая в широком контексте, разворачивалась на имперской периферии, но и как большевики смогли поставить ее себе на службу и убедить меньшинства и низшие социальные слои общества поддержать их или, по крайней мере, не оказывать им активного сопротивления. Более того, переплетение разных империалистических интересов в Азиатско-Тихоокеанском регионе и статус российского Дальнего Востока как аванпоста российской экспансии позволили большевикам распространить логику имперской революции и на соседей – Китайскую республику и Японскую империю, – подтолкнув их к попытке включить новые разнообразные группы населения в то, что стало советским имперским проектом, имевшим глобальные цели, но вместе с тем ограниченным опытом российского имперского кризиса» – пишет в своей замечательной книге «Дальневосточная республика. От идеи

до ликвидации», вышедшей к 100-летию юбилею ДВР (2020 г.) петербургский историк И. В. Саблин [7, с. 6].

Что касается политической ситуации, сложившаяся в период гражданской войны в Прибайкалье и на территории Забайкальской области, то она была исключительно сложной. «Национальный вопрос» играл серьезную роль в политическом дискурсе, а противоборствующие политические силы, старались использовать национальное движение народов «национальных окраин» в своих интересах. С внутриполитическими процессами тесно переплетались интересы зарубежных держав. В этом контексте, идея создания автономии бурят, как самой крупной коренной этнической общности витала в воздухе. Эта идея широко обсуждалась в Забайкалье и на прошедшем 23–25 сентября 1917 г. в г. Чите I Общебурятском съезде был поставлен вопрос о «конструировании бурятской автономии», по результатам рассмотрения которого был подготовлен «Статут о временных органах по управлению культурно-национальными делами бурят-монголов и тунгусов Забайкальской области и Иркутской губернии» [5, с. 119]. В соответствии с приятным съездом документом на территории Забайкалья планировалось создание бурятской национальной автономии. Роль высшего органа бурятской автономии должен был выполнять «общенациональный съезд», а функции повседневного управления возлагались на Бурятский национальный комитет. «На уровне административных единиц – аймаков собирались аймачные съезды и создавались аймачные управы, на уровне хошунов – хошунные съезды и хошунные земские управы, на уровне сомонов – сомонные собрания и сомонные земские комитеты» [Там же, с. 120].

В принятой делегатами Общебурятского съезда резолюции провозглашалась необходимость учреждения территориальной и экстерриториальной автономии. В решении съезда говорилось: «Настоящий проект положения о национальной автономии считать применимым и целесообразным впредь до выделения особой бурятской территории, на чем необходимо настаивать

в Учредительном собрании Российского государства» [5, с. 119]. Подготовленный съездом проект к сожалению не получил поддержки Временного Правительства, которое допускало только создание экстерриториальной национально-культурной автономии бурят. Однако, несмотря на это в Забайкальской области в 1917 г. стали явочным порядком возникать аймачные, хошунные и сомонные земские учреждения. Всего на территории Забайкалья в этот период возникли Хоринский, Агинский, Селенгинский и Баргузинский национальные аймаки. Три национальных бурятских аймака – Ангарский, Тункинский и Эхирит-Булагатский были так же созданы в Иркутской области. А уже в октябре 1917 г. на Общебурятском съезде было принято решение об учреждении Центрального бурятского национального комитета, с центром в г. Чите и создании его отдела в г. Иркутске (Иркутский национальный комитет). В ходе гражданской войны Бурнацком, как орган, выражающий интересы бурятского населения, в котором были представлены этнические лидеры, интеллигенция и буддистское духовенство, старался проводить гибкую политику. Бурнацком пытался поддерживать нейтралитета с противоборствующими силами, вступая в компромиссы с теми, в чьих руках находилась реальная власть, стараясь использовать имеющиеся возможности в целях создания национальной автономии. После установления режима «белой государственности» в Забайкалье во главе с атаманом Г. А. Семеновым, Бурнацом согласился на сотрудничество с его правительством, в составе которого был учрежден национальный отдел. В Верхнеудинске на прошедшем 20–24 ноября 1918 г. съезде, на основе объединения Бурнацкома с бурятским национальным отделом была учреждена «Народная Дума» как орган, представляющий бурят Восточной Сибири.

Реальная возможность создания бурятской автономии возникла после разгрома атамана Г. А. Семенова в октябре 1920 г. и провозглашения Дальневосточной республики на Учредительном съезде трудящихся Прибайкалья. Несколько дальневосточных регионов (Прибайкальская, Забайкальская,

Амурская, Приморская области, Сахалин и Камчатка) вошли в ее состав. Таким образом, после создания ДВР – в ее составе оказались 4 национальных бурятских аймака располагавшихся на территории Забайкальской области, 4 бурятских аймака остались в составе Иркутской губернии РСФСР. Важную роль в создании территориальной автономии сыграло совещание представителей бурятского народа аймаков Восточного Забайкалья (16 марта 1920 г.) На совещании был создан «временный народно-революционный комитет», задачами которого являлись осуществление руководства национальным движением, организация аймачных и хошунных революционных комитетов, как органов новой власти и подготовки съезда бурят. Следующим шагом стало создание на состоявшемся 23 мая – 3 июня 1920 г. в Верхнеудинске Съезде делегатов Хоринского, Баргузинского и Селенгинского аймаков нового органа власти – Бурятского народно-революционного комитета. Большинство участников данного Съезда высказались за сохранение аймаков и хошунов в качестве административно-территориальных единиц и уже в ноябре 1920 г. Бурнарревком поставил вопрос перед правительством ДВР о необходимости создания в составе республики бурятской национальной автономии.

17 января 1921 г. Правительство Дальневосточной республики включила в состав единой системы административных органов ДВР созданные аймачные, хошунные и сомонные народно-революционные комитеты. 27 апреля 2021 г. Учредительное собрание Дальневосточной республики приняло Конституцию ДВР. В Основном законе определялись основы территориально-государственного устройства республики и национальной политики. В Конституции ДВР «всем туземным народностям на территории Дальневосточной республики, предоставлялось право на широкое самоопределение» в форме национально-административной автономии для бурят и культурно-национальной автономии других национальных меньшинств» [6, с. 99]. В соответствии с Конституцией, создавалась Бурят-Монгольская автоном-

ная область, объединяющая земли традиционного проживания забайкальских бурят и имеющая статус особой административно – территориальной единицы в составе ДВР. На территории Бурят-Монгольской автономной области Дальневосточной республики, в организации судопроизводства, административной, хозяйственной, а также в национально-культурной сферах, наряду с законодательством ДВР допускалось так же действие собственных нормативно-правовых актов. Для организации управления Бурят-Монгольской автономной областью создавалось Областное собрание уполномоченных, которое было наделено правом избирания органа исполнительной власти автономной области – Областного управления. Сразу после окончания работы, Учредительного собрания ДВР, те бурятские депутаты, которые принимали в нем участие, объявили о проведении Учредительного съезда Бурят-Монгольской автономной области и сформировали ее Временное управление. 12 октября 1921 г. начало свою работу Национальное собрание, как орган управления Бурят-Монгольской автономной области ДВР, председателем Президиума делегаты избрали М. Н. Амагаева, а его заместителем стал Э.-Д. Ринчино [10, с. 80].

Параллельно развивался процесс создания Бурят-Монгольской автономной области на территории РСФСР. Поскольку после учреждения бурятской автономии в Дальневосточной республике необходимость создания аналогичного автономного образования в составе РСФСР была очевидной, 28 октября – 5 ноября 1921 г. состоялся Учредительный съезд бурят-монголов Восточной Сибири, делегаты которого так же поддержали создание административно-территориальной автономии в Иркутской обла-

сти [9, с. 45]. В постановлении Президиума ВЦИК РСФСР, принятом 1 сентября 1921 г. говорилось: «Признать необходимым выделение территории с бурятским населением в пределах РСФСР в автономную область» и поручил определить ее границы [1, с. 15]. В соответствии с этим постановлением в состав созданной Бурят-Монгольской автономной области РСФСР включались Эхирит-Булагатский, Боханский, Аларский, Селенгинский и Тункинский аймаки. Аймаки подразделялись на хошуны, которые, в свою очередь, состояли из сельских сообществ, именуемых сомонами или булуками. Особенность административного положения созданной в составе РСФСР Бурят-Монгольской автономной области заключалась в том, что в рамках административной иерархии она подчинялась органам государственной власти Иркутской губернии, в то время, как Бурят-Монгольская автономная область ДВР подчинялась центральной власти Дальневосточной республики в г. Чите непосредственно.

Уже на I Съезде советов Бурят-Монгольской автономной области, состоявшемся в Иркутске в декабре 1922 г. его делегаты сформировали Высший исполнительный и распорядительный орган – Бурят-Монгольский областной исполнительный комитет, а также выступили за необходимость объединения Бурят-монгольских областей Дальневосточной республики и РСФСР [3, с. 871]. Такое объединение двух автономных бурятских областей состоялось вскоре после вхождения Дальневосточной республики в состав РСФСР и послужило основой для принятия решения Президиумом ВЦИК РСФСР (30 мая 1923 г.) о создании Бурят-Монгольской автономной советской социалистической республики с центром в г. Верхнеудинске [8, с. 103–104].

Источники и литература

1. Бартанова А. А. К образованию Бурят-Монгольской автономной области РСФСР // Записки Бурят-Монгольского научно-исследовательского ин-та культуры. – 1954. – Вып. 18. – С. 3–22.
2. Вортман Р. С. «Официальная народность» и национальный миф российской монархии XIX века // РОССИЯ/RUSSIA: сб. ст. – М.: ОГИ, 1999. – Вып. 3. Культурные практики в идеологической перспективе. – С. 233–244.
3. Дандарова Т. К. Правовые основы трансформации системы органов государственной власти бурятской автономии в 1918–1937 гг. // Сборник материалов конференции «Образование и наука», 15–23 апреля 2019 г. – Улан-Удэ: Вост.-Сиб. гос. ун-т технологий и управления, 2019. – С. 868–883.

4. Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (начало XX в.) // Вопросы истории. – 1996. – № 11–12. – С. 39–53.
5. Елаев А. А. Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение. – М.: Российская академия государственной службы при Президенте РФ, 2000. – 349 с.
6. Образование Бурятской АССР: сб. архивных документов / под ред. Н. Д. Шулунов. – Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1964. – 270 с.
7. Саблин И. В. Дальневосточная республика: от идеи до ликвидации. – М.: Новое литературное обозрение, 2020. – 480 с.
8. Санжиев Г. Л. В. И. Ленин и национально-государственное строительство в Сибири (1917–1937 гг.). – Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1971. – 175 с.
9. Шулунов Н. Д. Становление советской национальной государственности в Бурятии (1919–1923 годы). – Улан-Удэ: [б. и.], 1972. – 493 с.
10. Энциклопедия Забайкалья: Агинский Бурятский округ / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин; гл. ред. тома Б. Б. Жамсуев. – Новосибирск: Наука, 2009. – 350 с.
11. Gerasimov I. The Great Imperial Revolution // AB IMPERIO. – 2017. – № 2. – P. 21–44.

УДК 93/94
ББК 63.3(2)61

Павел Владимирович Кургузов,
г. Улан-Удэ, Россия

Из истории американской интервенции в Забайкалье (1919–1920 гг.)

В статье на основе архивных данных, а также материалов из периодической печати Сибири за 1919–1920 гг. исследуется пребывание американского воинского контингента из состава сибирского экспедиционного корпуса генерал-майора У. Гревса в западном Забайкалье, в частности г. Верхнеудинске, в годы Гражданской войны в России и в Сибири. Описаны некоторые формы мирной «оккупации», применяемые американскими воинскими подразделениями в их взаимодействии с другими общественными организациями, такими как Христианский союз молодых людей (ХСМЛ) и Американский Красный Крест. Хронологически указаны рамки пребывания и эвакуации 27-го американского полка под командованием Х. Ч. Морроу.

Ключевые слова: *Гражданская война в России, Сибирь, Американский экспедиционный корпус, Верхнеудинск, Западное Забайкалье, Христианский Союз молодых людей, Американский Красный Крест*

По общему признанию российских и зарубежных историков ход и итоги Гражданской войны в нашей стране будут практически необъяснимыми без понимания роли иностранных держав принимавших участие в вооруженной интервенции на ее территории, а особенно в Сибири и на Дальнем Востоке России. К весне 1919 г. к востоку от Урала войска интервентов представляли собой внушительную силу. В этот период американские, английские, французские, польские, румынские, канадские и итальянские войска, состояли из 9 дивизий общей численностью 67 тыс. чел. Корпус чехословаков насчитывал порядка 72 тыс. бойцов, а японцы ввели в Забайкалье и на Дальний Восток 6 ди-

визий, общим числом 57 тыс. чел., в скором времени почти в два раза увеличив это число.

Ввод американских войск произошел после 3 августа 1918 г., когда правительство США официально продекларировало свое участие в российской интервенции. Оправдывая свои действия, оно заявило, что вступает в пределы России, для защиты солдат чехословацкого корпуса и поддержки действий, направленных на создание в России демократической и сильной власти.

7 августа 1918 г. из Манилы во Владивосток отплыли части 27-го американского пехотного полка под командованием полковника Г. Стайера. 15–16 августа они

высадились во Владивостоке. 21 августа туда же прибыл 31 пехотный полк под командованием полковника Ф. Сарджента. В плане дальнейшего развития интервенционистских операций военное министерство США в августе 1918 г. отдало приказ 8-й дивизии, находящейся в военном лагере Фремон, в Калифорнии, подготовить из своего состава 5 тыс. чел. для службы в Сибири. Командующим американским экспедиционным корпусом в Сибири был назначен командир 8-й американской пехотной дивизии, генерал Вильямс Синди Гревс, прибывший во Владивосток, 1 сентября 1918 г. на транспорте «Томас», в сопровождении 40 офицеров и 1 889 солдат. Из прибывших во Владивосток 7 398 американских солдат и 251 офицера, 1 375 чел. входили в состав различных вспомогательных служб, включавших в себя персонал госпиталей, пекарен, разведки, санитарного транспорта, снабжения и связи [4, с. 70].

По договоренности с другими интервентами, американцы заняли участок железной дороги от Спасска до станции Уссури, вследствие чего прервалась японская коммуникация между Владивостоком и Хабаровском, и от Хабаровска до ст. Бира. Также они заняли участок Забайкальской железной дороги между г. Верхнеудинском и опорными станциями вдоль южного побережья озера Байкал, получив, таким образом, контроль над движением японских войск в Западную Сибирь и обратно.

1 апреля и 4 мая 1919 г. в Верхнеудинск (ныне г. Улан-Удэ) прибывают передовые подразделения 27-го пехотного полка США под командованием полковника Х. Ч. Морроу. Помещавшиеся поначалу в вагонах на Нижней Березовке (ст. Дивизионная), американцы развивают активную деятельность по обживанию, начинается строительство казарм и установка стационарных палаток [6–8].

С первых же дней американская пехота устанавливает жесткий контроль на железнодорожном пути от Верхнеудинска до Мысовска (ст. Мысовая). Численность всего американского гарнизона в Западном Забайкалье (территории нынешней Респуб-

лики Бурятии) в это время составляла около 4 000 солдат и офицеров [1, с. 23]. Примерно 1 000 из них размещались в Кабанском районе, по линии железной дороги, вдоль побережья Байкала. Наиболее крупные подразделения располагались на станциях Мысовск, Танхой, Посольск, Селенга [Там же, с. 92].

Весной 1919 г. в Верхнеудинске, был открыт филиал Межсоюзного Технического Совета осуществляющего контроль над использованием железных дорог Сибири и Дальнего Востока, который размещался в здании железнодорожного училища [9].

Также в середине мая 1919 г. в Верхнеудинск прибыла делегация министерства земледелия США во главе с подпоручиком Межераунесом, для выяснения, как указывалось, нужд сельского населения Сибири. Среди местного населения эмиссарами этого министерства распространялись бесплатные брошюры на русском языке, пропагандирующие достоинства различных отраслей американской промышленности, ее просветительских учреждений. Членами миссии планировалась организация крупного завода сельскохозяйственных машин для нужд сибирской деревни, изучалась потребность населения в семенах и пр. [11].

В этот период американцы в Забайкалье прямую вооруженную интервенцию стремились дополнить и прикрыть различными формами мирной оккупации. В связи с этим, огромную роль в проникновении в общественную жизнь Сибири, играли Христианский Союз Молодых Людей (ХСМЛ) и Американский Красный Крест. В Верхнеудинске деятельность этих организаций была также достаточно активной и пользовалась популярностью среди горожан. Осуществляя культурно-просветительскую и благотворительную функции, ХСМЛ и Красный Крест, открывали читальни, чайные, кино клубы, киоски с дешевыми американскими товарами. Для работы в деревне сотрудники Союза, выступали в роли агрономов. Среди населения распространялись издания Американского правительственного бюро печати в России: газета «Сибирский глашатай», журнал «Дружеское слово» и др.

В Верхнеудинске, ежедневно в лагере американцев устраивались киновечера, в конце июня состоялся большой благотворительный танцевальный вечер, весь сбор от которого пошел в пользу детских приютов города [13; 15]. Деятельность Американского Красного Креста в городе – выражалась, прежде всего, в помощи беднейшим слоям населения одеждой, обувью и медицинским обслуживанием. Так, в середине июня в Верхнеудинск прибыли и были распределены среди семей военнослужащих возвратившихся из немецкого плена и представителей городских приютов, товары на общую сумму, около полумиллиона рублей. Это было высококачественное сукно, обувь, одеяла, детская одежда, белье и пр. Следующая раздача так называемых «американских подарков», в которой приняли также и жены американских офицеров, состоялась в ноябре – декабре 1919 г. [5]. Оставшаяся часть американских товаров была распределена среди беднейших слоев населения Верхнеудинска и уезда, после взятия города Красной Армией, весной и летом 1920 г., (всего около 8 товарных вагонов) [2, л. 64].

С 8 августа 1919 г. в Верхнеудинске начал работу госпиталь Американского Красного Креста, оборудованный современной для того времени медицинской техникой, и укомплектованный квалифицированными кадрами. При госпитале был налажен бесплатный отпуск лекарств неимущим [3, л. 127]. Особым событием в жизни города оказались и атлетические соревнования в августе 1919 г., между американскими и чешскими солдатами, организованные американским командованием в целях пропаганды спорта среди населения Верхнеудинска [16].

Жизнь и служба американского солдата в силу сурового климата и неразвитой инфраструктуры в Сибири была достаточно тяжелой, по сравнению со службой в той же Калифорнии или в Маниле на Филиппинах. Несмотря на достаточно высокую зарплату – 35 долларов в месяц (по августовскому курсу 1919 г., около 3 000 сибирских рублей), солдаты экспедиционного корпуса были поставлены в рамки жесткого внутреннего режима [Там же]. Проявления недисциплинированности и недостойного поведения

по отношению к местным жителям сурово пресекались. Свидетельством тому служат многочисленные жалобы американских солдат местным газетчикам, и уведомление американского командования о сообщении ему всех случаев недостойного поведения солдат из состава 27-го полка [10; 12; 14].

Уральская катастрофа войск адмирала А. В. Колчака и стремительное наступление Красной Армии в районе Красноярска и Иркутска, заставили президента США Вильсона принять решение о выводе американского корпуса из Сибири 5 января 1920 г. Последние 3 эшелона с американскими солдатами, оставили г. Верхнеудинск, 25 января 1920 г. [1, с. 92].

Примечательно, что перед отъездом американцев, 16 января 1920 г., Верхнеудинская городская управа, от имени всех горожан направила полковнику Ч. Морроу, послание, в котором выразила «искреннюю благодарность за теплое участие к нуждам бедняков и обиженных судьбой», за все «то доброе и хорошее, что было сделано» американцами. В заключении было заявлено, что «имя полковника Морроу и солдат его полка всегда останутся в памяти у Верхнеудинцев» [2, л. 17].

Основной контингент сибирского американского корпуса покинул порт Владивосток к 1 апреля 1920 г. В дальнейшем, американская интервенционистская акция в отношении революционной России, ее характер и непосредственные действия в исторической науке получили неоднозначную оценку. Однако их бесплодность и наступившее фиаско вызванное стремлением решить или навязать свою политическую модель, путем вмешательства в глубоко внутренние дела России, признаны очевидными всеми беспристрастными исследователями этого сложного периода в истории нашего государства. При этом нужно отметить, что в настоящее время наступил тот благоприятный момент в изучении американской и интервенции вообще, когда можно без излишнего политизирования и навязанного исторической науке в 50-х гг. XX в. безудержного антиамериканизма, объективно и беспристрастно оценить ее причины, ход и окончательные исторические итоги.

Источники и литература

1. Бурят-Монголия в борьбе за советы: сборник воспоминаний и документов / под ред. М. Гудошникова, И. Кузнецова и Ф. Шулунова. – Иркутск: Партиздат. Вост.-Сиб. краевое отделение, 1933. – 216 с.
2. ГАРБ (Государственный архив Республики Бурятия). – Ф. 10. – Оп. 2. – Д. 237.
3. ГАРБ. – Ф. 1547. – Оп. 1. – Д. 2.
4. Гвишиани Л. А. Советская Россия и США (1917–1920 гг.). – М.: Наука, 1970. – 327 с.
5. Прибайкалье: ежедневная газета: Орган Земства. – Верхнеудинск. – 1919. – № 33.
6. Прибайкальская жизнь: ежедневная газета. – Верхнеудинск: Изд-во Прибайкальского товарищества кооперативов. – 1919. – № 170.
7. Прибайкальская жизнь: ежедневная газета. – Верхнеудинск: Изд-во Прибайкальского товарищества кооперативов. – 1919. – № 191.
8. Прибайкальская жизнь: ежедневная газета. – Верхнеудинск: Изд-во Прибайкальского товарищества кооперативов. – 1919. – № 197.
9. Прибайкальская жизнь: ежедневная газета. – Верхнеудинск: Изд-во Прибайкальского товарищества кооперативов. – 1919. – № 198.
10. Прибайкальская жизнь: ежедневная газета. – Верхнеудинск: Изд-во Прибайкальского товарищества кооперативов. – 1919. – № 201.
11. Прибайкальская жизнь: ежедневная газета. – Верхнеудинск: Изд-во Прибайкальского товарищества кооперативов. – 1919. – № 202.
12. Прибайкальская жизнь: ежедневная газета. – Верхнеудинск: Изд-во Прибайкальского товарищества кооперативов. – 1919. – № 208.
13. Прибайкальская жизнь: ежедневная газета. – Верхнеудинск: Изд-во Прибайкальского товарищества кооперативов. – 1919. – № 224.
14. Прибайкальская жизнь: ежедневная газета. – Верхнеудинск: Изд-во Прибайкальского товарищества кооперативов. – 1919. – № 231.
15. Прибайкальская жизнь: ежедневная газета. – Верхнеудинск: Изд-во Прибайкальского товарищества кооперативов. – 1919. – № 236.
16. Прибайкальская жизнь: ежедневная газета. – Верхнеудинск: Изд-во Прибайкальского товарищества кооперативов. – 1919. – № 272.

УДК 323:93/94

ББК 63.3(2)61:66.3

*Денис Алексеевич Ляхов,
Государственный архив Хабаровского края,
г. Хабаровск, Россия*

К проблеме создания Приамурского учредительного собрания в 1921–1922 гг.

Статья посвящена анализу борьбы между антибольшевистскими группировками в Приморье в 1921–1922 гг. Основное внимание уделено рассмотрению избирательного законодательства, затрагивающего создание Приамурского Учредительного собрания. Анализируются такие документы, как «Положение о Приамурском Народном собрании», «Положения о выборах в Приамурское Учредительное собрание».

Ключевые слова: *Гражданская война на Дальнем Востоке, Временное Приамурское правительство, Приамурское Народное собрание, Приамурское Учредительное собрание*

В ходе завершающего этапа Гражданской войны на Дальнем Востоке 1920–1922 гг. борьба между противоборствующими сторонами во многом вылилась в предложение населению региона наиболее актуальной и приемлемой модели политического устройства. В условиях функци-

онирования Дальневосточной республики, во многом строившейся РКП(б) на демократических принципах западно-европейского образца, для антибольшевистских сил как никогда ранее встала задача определенной либерализации своих режимов. Процесс политической трансформации в указанном

направлении затронул даже Забайкалье, где у власти до ноября 1920 г. находился один из наиболее одиозных лидеров Белого движения атаман Г. М. Семенов.

Однако на практике сохранялись многие идеологические положения, характерные в том числе, для колчаковского режима до его краха, в частности так называемая концепция «непредрешения». Она предполагала после поражения большевиков образование выборного представительного органа с серьезными законодательными полномочиями с целью определения политического устройства России в поствоенный период. Представляется, что данную проблему можно проследить наиболее ясно, рассмотрев деятельность Временного Приамурского правительства во главе с братьями С. Д. и Н. Д. Меркуловыми (ВПП).

Еще в марте 1921 г. на Съезде несоциалистических организаций Дальнего Востока высказывались мнения о необходимости созыва в будущем представительного выборного органа власти с функциями Учредительного собрания. Эта позиция была оформлена в резолюции по текущему моменту, став позднее в деятельности ВПП одной из важных политических установок [2].

Данное положение во многом предопределило всю дальнейшую политику меркуловского режима, пришедшего к власти во Владивостоке в ходе военного переворота в мае 1921 г., в области государственного строительства. Так, 14 июня 1921 г. в указе о выборах в Приамурское Народное собрание (ПНС) срок полномочий нового приморского парламента ограничивался днем созыва, так называемого Учредительного съезда [1].

В «Положении о Приамурском Народном собрании», оговаривающем среди прочего полномочия ПНС в области разработки законодательства, одной из главных его задач называлась подготовка отдельного закона об Учредительном съезде будущего Учредительного собрания. На съезд возлагалось избрание постоянных органов исполнительной и судебной власти. Только он получал право отстранения от власти

Временного Приамурского правительства. Кроме того, Учредительный съезд получал возможность сокращения срока работы ПНС и изменения его полномочий [4, л. 2]. Фактически именно съезд, конкретные полномочия которого еще только обсуждались, должен был сыграть главную роль в определении политического устройства территории Приморья, находящейся под контролем меркуловского режима.

Вопрос об образовании Учредительного собрания неоднократно поднимался депутатами Приамурского Народного собрания. Так, в июле 1921 г. во время обсуждения декларации правительства депутатом С. М. Широкогоровым главной задачей приморского парламента называлась разработка избирательного закона для созыва Учредительного съезда. Именно на данный съезд возлагалось создание постоянной власти в регионе и разработка законодательной базы, определяющей основы политической и общественной жизни, создаваемого в Приморье государственного образования [3, л. 75–80].

Позиция несоциалистов по рассматриваемому вопросу, что весьма показательно, не устраивала их политических оппонентов. Поэтому разработка документов, направленных на создание в регионе Учредительного собрания (съезда), сильно затянулась.

Между тем, из-за серьезнейшего ухудшения внутривластной обстановки, вызванного, в том числе, крахом Хабаровского похода белоповстанцев, в Приморье весной 1921 г. начался политический кризис. Любопытно, что конкретным поводом к нему стало принятие 2 мая депутатами ПНС «Положения о выборах в Приамурское Учредительное собрание» [5, л. 280–316].

Данное «Положение» серьезно отличалось от принятых ранее противниками большевиков документов, затрагивающих избирательное законодательство. В нем подробно рассматривались избирательные процедуры и полномочия центральных и местных органов власти, контролирующего избирательный процесс [Там же, л. 280–305].

Одним из главных пунктов указанного документа стало положение о всеобщем, прямом, равном и тайном голосовании. Данная позиция стала новым словом в политической практике Белого движения на Дальнем Востоке. Как правило, власти шли на серьезное ограничение избирательных прав граждан, путем введения различных цензов (имущественного, оседлости и т. д.), что ясно прослеживается в деятельности, в частности, семеновского и меркуловского режимов.

При голосовании в сельской местности устанавливалась мажоритарная система, в городах – пропорциональная система по партийным спискам. В рамках избирательной кампании территория Белого Приморья была разделена на городские и сельские избирательные районы.

Административно-территориальные единицы городского типа, деятельность которых определялась Городовым положением, причислялись к городским районам. К сельским районам были отнесены единицы сельского типа (казачьи станицы, волости и т. д.). При этом действовали определенные ограничения, касающиеся населенных пунктов с населением менее 2000 чел. Подобные населенные пункты могли составить сельский избирательный район путем объединения с себе подобными. В среднем 1 депутат Учредительного собрания избирался от 4000 чел. [5, л. 280].

Выборы в новый законодательный орган должны были проводиться также среди русского населения в полосе отчуждения Китайско-Восточной железной дороги по специально созданному закону. Однако ввиду начавшегося в мае 1921 г. политического кризиса в Приморье указанный документ не был разработан.

Принять участие в голосовании имели право граждане, достигшие 21 года. Выдвинуть свою кандидатуру в депутаты Приамурского Учредительного собрания можно было по достижении 25 лет. Представители армии и флота могли реализовать свое пассивное избирательное право только во Владивостоке и Никольске-Уссурийском (сейчас – г. Уссурийск Приморского края).

Как это было зачастую принято в избирательном законодательстве антибольшевистских правительств периода Гражданской войны в России, отдельные категории граждан отстранялись от участия в выборах. В рассматриваемом случае это были осужденные по ряду уголовных и политических статей, сумасшедшие, находящиеся под опекой, несостоятельные должники и т. д.

Для реализации пассивного избирательного права гражданин должен был быть включен в избирательный список определенного избирательного участка согласно своему месту проживания. Зарегистрироваться на каком-либо ином участке запрещалось. «Положение» не включало в себя понятие «ценз оседлости». По этой причине в выборах могли принять участие многочисленные переселенцы и беженцы, оказавшиеся на территории Белого Приморья. Важно отметить тот факт, что право быть избранным местом проживания не ограничивалось [Там же, л. 281–282].

Непосредственно за проведение выборов согласно новому избирательному закону отвечала Центральная Избирательная комиссия (ЦИК). На местах данную функцию исполняли районные и участковые избирательные комиссии.

Серьезным новшеством в избирательном законодательстве периода Гражданской войны стало четкое и конкретное определение состава и полномочий как центральной, так и местных, избирательных комиссий. Как правило, решение данных вопросов отдавалось на откуп исполнительной власти и в избирательном законодательстве подробно не освещалось.

ЦИК, включавшая в свой состав 7 человек, формировалась путем делегирования представителей от уже действующих судебных и представительных органов власти. Ее председателем по своей должности назначался старший председатель Владивостокской судебной палаты. Члены ЦИК выдвигались от Приамурского Народного собрания (4 чел.), Владивостокской городской думы (1 чел.), Приморской областной земской управы (1 чел.). Таким образом, деятельность данного контрольно-распорядитель-

ного органа осуществлялась лицами, лояльными действующей исполнительной власти в лице Временного Приамурского правительства.

Полномочия Центральной избирательной комиссии были достаточно обширными. Согласно «Положению» они включали в себя:

- осуществление контроля за ходом избирательного процесса на всех его этапах;
- проведение самой избирательной кампании;
- разработку при необходимости дополнительных положений, регламентирующих отдельные моменты, связанные с проведением выборов, и дополняющих уже принятые;
- составление избирательных списков;
- разделение территории, на которой проводится голосование, на избирательные районы [5, л. 282–283].

Городские РИК избирались органами местного самоуправления (думами и управами), сельские РИК – волостными, земскими собраниями, станичными сходами, поселковыми думами. Районные комиссии должны были контролировать проведение избирательных процедур на местах согласно принятому законодательству. В состав районных избирательных комиссий (РИК) в городских поселениях включалось 5 членов, в сельской местности – 3 члена [Там же, л. 283–285].

Непосредственно голосование осуществлялось путем подачи гражданами избирательных записок. При этом на самом участке гражданин должен был предъявить избирательное удостоверение, которое подготавливалось УИК. В сельской местности

в виду многочисленных организационных проблем допускалось голосование без предъявления удостоверений. На проведение голосования выделялось три дня [Там же, л. 292–294].

Важно отметить тот факт, что «Положение о выборах в Приамурское Учредительное собрание» регламентировало только избирательный процесс. Данный документ не касался полномочий депутатов будущего Учредительного собрания.

Важнейшим моментом, связанным с изменениями в избирательном законодательстве стала фактическая возможность участия в выборах «политически неблагонадежного населения». То есть теперь политические силы, оппозиционные меркуловскому режиму, в том числе большевики, левые эсеры и анархисты, получали как пассивное, так и активное избирательное право. Конечно, решение вопроса в подобном ключе, не могло устроить действующие приморские власти. В конце концов, развитие ситуации в конце мая – начале июня 1922 г. привело к серьезнейшему политическому кризису на территории, подконтрольной Временному Приамурскому правительству.

На основе проведенного анализа можно заключить, что к 1922 г. концепция «непредрешения» полностью устарела и совершенно не соответствовала текущей обстановке. Принятие важных решений в ее рамках, без сомнения, крайне негативно сказалось на политической жизни Белого Приморья, приведя к усилению противоречий между различными группировками внутри антибольшевистского лагеря, утрате им социальной базы и, в конечном счете, полному поражению.

Источники и литература

1. Вестник Временного Приамурского правительства. – 1921. – № 2. – 30 июня.
2. Вестник Съезда несоциалистических организаций Дальнего Востока. – 1921. – 28 марта.
3. ГАПК (Государственный архив Приморского края). – Ф. Р-1495. – Оп. 1. – Д. 25.
4. РГИА ДВ (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока). – Ф. Р-927. – Оп. 1. – Д. 83.
5. РГИА ДВ. – Ф. Р-927. – Оп. 1. – Д. 167.

*Татьяна Александровна Орнацкая,
Дальневосточный филиал
Российского государственного университета правосудия,
г. Хабаровск, Россия*

Органы юстиции Дальневосточной республики: проблемы комплектования

Статья посвящена проблемам кадрового комплектования органов юстиции Дальневосточной республики. Автор отмечает трудности комплектования правоохранительных органов Дальневосточной республики компетентными специалистами. Сделан вывод о влиянии квалификации кадрового состава на эффективность правоохранительной деятельности.

Ключевые слова: Дальний Восток, буферное государство, правоохранительные органы, юстиция, кадровый состав

В 2020 г. отмечается столетие образования Дальневосточной республики. За истекший век сформировалась ее богатая историография, однако и современные ученые вносят «новое слово» в изучение истории дальневосточного буфера. Неугасаемый научный интерес подтверждает ее уникальность, а доступность архивных документов широкому кругу исследователей позволяет продолжить изучение различных аспектов ее существования [14–16; 26–28].

Дальневосточный буфер в 1920 г. прошел несколько этапов своего организационного оформления. Правовой основой формирования исполнительных органов власти буфера являлись законодательства Российской империи и Временного правительства, а также нормативные акты Советской России. Министерство юстиции Дальневосточной республики, располагавшееся в Верхнеудинске, было образовано в числе первых – 9 апреля 1920 г., его возглавил коммунист С. Ю. Широких-Полянский, а пост его товарища занял Б. А. Похвалинский [7, л. 47; 8, л. 1–2]. 25 апреля 1920 г. «Временным положением о суде ДВР» судебные органы антибольшевистских сил упразднились. Документ не предусматривал особых требований к кандидатам на должность народного судьи. Однако с учетом того, что в обязанности судьи входило проведение предварительного следствия, от кандидатов требовались знания в этой сфере. Претенденты проходили процедуру избрания профсоюзными организациями в городах, а в сельской местности – крестьянскими сходами.

Действовали судебные органы, которые в основном занимались рассмотрением правонарушений против революции. Ключевым нормативным документом, регулирующим их деятельность, являлось «Временное положение о политическом народном суде». В Дальневосточной республике с начала лета 1920 г. начал свою деятельность Высший кассационный суд по политическим делам [24, ст. 95]. Работа судов для военнослужащих Народно-революционной армии ДВР определялась «Положением о военных судах ДВР», которое вступило в законную силу в мае 1920 г., при этом судебной второй инстанции (кассации и апелляции) в структуре этого вида суда не было.

В силу сложившейся с 1917 г. практики в Советской России и на русском Дальнем Востоке судопроизводство осуществляли представители так называемого «революционного правосознания». Следуя веяниям времени, они не имели классического юридического образования, но были преданными последователями идеалов большевизма.

Перенимая практику призыва на службу в правоохранительные структуры, сложившуюся в Советской России, Правительство Дальневосточной республики 15 июля 1920 г. приняло Постановление «Об учете и мобилизации юристов». Призыву на работу в должностях, предполагавших юридические знания, подлежали выпускники юридических вузов, студенты, окончившие не менее 2 курсов, студенты лицеев и соответствующих им учебных заведений по специальности «Правоведение», а так-

же лица, проработавшие в органах юстиции Российской империи не менее 2 лет. Реализация Постановления позволила в три раза увеличить число юристов в государственных структурах буфера [26, с. 246]. Стоит подчеркнуть, что мобилизация не везде прошла успешно [4, л. 13]. В районах осуществлялась острая нехватка квалифицированных сотрудников, разбиравшихся в нормах советского законодательства. Сказывалось и плохое материальное обеспечение специалистов. Так, например, в ноябре 1920 г. начальник управления юстиции Амурской области обращался в региональный отдел снабжения и продовольствия с просьбой «выдать на время срочной командировки по делам службы следователю А. П. Глазунову теплые вещи: шубу, катанки и рукавицы» [8, л. 78; 19, л. 52, 64–73]. И такие случаи не были уникальными.

Летом 1920 г. Правительством Дальневосточной республики была начата работа по разработке содержания закона «О судостроительстве ДВР». Основой законопроекта было советское законодательство, но имелось и предложение о введении образовательного ценза для судей и следователей. Однако в окончательном варианте закона это требование не устояло ввиду своей «недемократичности» [13].

С 25 октября по 11 ноября 1920 г. состоялась объединительная конференция областей Дальнего Востока. Ее итогом стало упразднение областных органов власти и формирование единого правительства. Исполнительная власть стала принадлежать Совету министров под руководством А. М. Краснощекова. Министерством внутренних дел буфера возглавил А. А. Знаменский, а юстиции – С. Ф. Завадский [2, л. 2, 7; 3, л. 39; 23, л. 52]. После конференции к концу 1920 г. в ДВР система судебных органов была реорганизована [25, ст. 65]. Несмотря на реорганизацию властных структур буфера, квалификационные требования к занятию должностей в правоохранительных органах республики не подверглись пересмотру. Количество вакансий в этой сфере оставалось существенным. Подчеркнем, что вакансии были не только в отдаленных местностях, но и в крупных населенных

пунктах буфера. Архивы сохранили свидетельство председателя следственного отдела Забайкальской области ДВР, который отмечал, что «из 14 положенных по штату следователей только 3 удовлетворяют требованиям». Большая часть специалистов не имела никаких профессиональных знаний и действовала исключительно в соответствии со своими революционными взглядами [20, л. 78, 87–88]. До наших дней дошли и другие свидетельства, так начальник отдела юстиции Александровско-Заводского уезда И. В. Софронов указывал, что «дело правосудия стоит на мертвой точке. Судьи, избранные Уездным собранием уполномоченных, не утверждены. Целый ряд уголовных преступников, содержащихся в Нерчинской тюрьме, числится за уездным судом, которого фактически нет» [1, с. 30]. Причинами острой нехватки профессиональных кадров большинство руководителей называют низкое денежное довольствие, выплачиваемое в валюте буфера и не покрывающее уровень инфляции. Основная масса специалистов принимала предложения о работе в негосударственных структурах, где жалованье выплачивалось в китайских юанях, имевших более высокий курс. Видя решение кадровой проблемы через увеличение финансирования правоохранительных структур, руководство судебных и следственных органов буфера неоднократно обращалось к Правительству ДВР с просьбами «решить вопрос о полуголодном существовании призываемых и имеющих юристов, приравняв всех служащих к военным с предоставлением права на обмундирование и продукты» [20, л. 47–50]. Способ замещения вакансий руководство министерства видело в мобилизации. Правительство буфера несколько увеличило статью расходов на оплату труда служащих органов юстиции и уже в декабре 1920 г. в правительственном издании опубликовало постановление о срочном призыве и «откомандировании всех, когда-либо служивших по судебному ведомству», обратно на службу в органы юстиции [21, л. 5].

Недостаток квалифицированных кадров в уездах и волостях привел к ревизии центрального аппарата. На протяжении зимы 1920–1921 гг. все министерства и ве-

домства буферной республики направляли в Правительство ДВР списки сотрудников с указанием уровня и направления образования. Анализ архивных документов свидетельствует, что лишь 22% всего кадрового аппарата ДВР имело юридическое образование [9, л. 7, 9, 11, 24–25, 28, 34, 40–44, 49–52, 54]. Практически каждое ведомство направляло прошение об «отсрочке мобилизации ввиду крайней нужды» [6, л. 142–152] именно в этом человеке. Поэтому реального улучшения кадровой ситуации это решение не принесло.

В апреле 1921 г. представители политических партий ДВР подписали соглашение о коалиции. По решению Дальбюро ЦК РКП(б), в Совет министров Дальневосточной республики вошли представители эсеров и меньшевиков. Пост министра юстиции занял эсер Е. А. Трупп. Понимая кадровый дефицит, летом 1921 г. Евгений Анатольевич обращался в Правительство республики с просьбой о «назначении своей властью на должность народных судей и народных следователей в тех случаях, если не окажется кандидата, удовлетворяющего требованиям Закона» [20, л. 136]. Однако его призыв остался не услышанным.

Сложная социально-экономическая ситуация, сопряженная с борьбой против интервентов и белогвардейцев, вызвала необходимость сокращения кадров государственных структур. Осенью 1921 г. Е. А. Трупп был переведен на работу в Кассационный суд, на пост главы министерства юстиции ДВР назначен беспартийный И. Е. Гвоздев, а заместителем – член РКП(б) В. Л. Погодин [5, л. 3, 82; 19, л. 207; 22, л. 1, 3, 34; 26, л. 247]. Руководитель юстиции в интервью газете «Дальневосточный путь» отмечал, что «штат доведен до 36 чел. вместо прежних 100». Отрицательное отношение к законодательству буферной республики со стороны беспартийных сотрудников юстиции вынуждало Дальневосточное бюро ЦК РКП(б) обращаться в Москву с просьбами «направить в регион 1000 партийцев-юристов» [18, л. 134, 147, 265]. Количество делегированных было намного меньше необходимого, но и после их прибытия,

в конце 1921 г., аппарат правительства Дальневосточной республики покинули министры, не являвшиеся членами РКП(б), в том числе И. Е. Гвоздев.

Рассматривая причины нестабильной, а иногда и откровенно не качественной работы органов юстиции ДВР его руководство определяло следующие причины: недостаточное материальное обеспечение, отсутствие у большинства специалистов желания постигать новые советские нормы и приспосабливаться к новым методам и формам правовой работы [12]. Глубинные причины, касающиеся уровня образования, качества правовых знаний и проч. выявлено не было, вот почему изучение архивных материалов свидетельствует, что в дальнейшем основной упор был сделан на правовое просвещение сотрудников и увеличение нагрузки.

Реорганизация системы органов юстиции буфера началась весной 1922 г. и связана с расформированием областных органов юстиции. Сокращенным сотрудникам было предложено начать трудовую деятельность в следственных и судебных учреждениях областей Дальневосточной республики. Однако при занятии вакантных мест учитывался раздел «квалификационные требования» Положения «О народном суде», принятом в марте 1922 г. В соответствии с документом «народными судьями могли быть избраны граждане обоего пола, пользовавшиеся избирательным правом и имевшие необходимую практику», образовательный ценз устанавливал, что претенденты должны не только обладать «революционным правосознанием», но и быть компетентными в той части законодательства Российской империи, которое действовало в буферной Дальневосточной республике.

Несмотря на проведенный пересмотр кадрового состава судебно-следственных органов ДВР прокурор Забайкальской области П. А. Васильев отмечал, что «... состав нарсудей на 98% состоит из «бывших людей»,...такая гниль в «народных» судах, что тошно» [11]. Объективно изучая и оценивая произошедшие изменения необходимо подчеркнуть, что количество вакансий,

оставалось значительным. Ключевая причина нежелания специалистов работать в судебно-следственных структурах заключалась в низкой заработной плате, нехватке специальной литературы посвященной юриспруденции, отсутствию возможностей повышения квалификации и приобретения качественных профессиональных знаний [17, л. 29; 18, л. 4].

Общий низкий уровень профессиональных знаний сотрудников дальневосточных органов суда и следствия приводил к снижению качества обеспечения законности. Действовавшие сотрудники вынужденно использовали личное мнение, основанное на принципах революционной законности. В одной из статей правительственного журнала «Вестник ДВР» указывалось, что «в условиях деятельности современных народных судей даже опытный юрист будет испытывать затруднения в разрешении юридических казусов..., на местах большинство выбранных народных

судей не имеют ни теоретической, ни даже практической подготовки... и употребляют массу времени на решение самых простых вопросов». Только в Восточном Забайкалье за второй квартал 1922 г. количество нерассмотренных судами уголовных дел превысило 1000. Общее же число решенных дел едва составляло 17% [10, л. 16–17], что, безусловно, осложняло правосознание жителей буфера.

Таким образом, история Дальневосточной республики – пример развития региона в экстремальных условиях Гражданской войны и интервенции, падения экономики, коллапса социальных структур. Но даже в этой конъюнктуре немногочисленным специалистам – правоведам удалось уберечь регион от правового хаоса и массового правового нигилизма. Исторический опыт их деятельности позволяет и сегодня извлекать уроки, и на их основе развивать Дальний Восток России.

Источники и литература

1. Вестник Министерства внутренних дел ДВР. – 1922. – № 3.
2. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). – Ф. Р-27. – Оп. 1. – Д. 107.
3. ГАЗК. – Ф. Р-27. – Оп. 1. – Д. 177.
4. ГАЗК. – Ф. Р-875. – Оп. 2. – Д. 46.
5. ГАПК (Государственный архив Приморского края). – Ф. Р-117. – Оп. 3. – Д. 65.
6. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). – Ф. Р-7277. – Оп. 1. – Д. 4.
7. ГАХК (Государственный архив Хабаровского края). – Ф. Р-19. – Оп. 1. – Д. 1.
8. ГАХК. – Ф. Р-19. – Оп. 1. – Д. 2.
9. ГАХК. – Ф. Р-19. – Оп. 1. – Д. 7.
10. ГАХК. – Ф. Р-19. – Оп. 1. – Д. 83.
11. Дальневосточный путь. – 1922. – 20 октября.
12. Дальневосточный путь. – 1922. – 29 января.
13. Забайкальская новь. – 1920. – 24 сентября.
14. Малявина Л. С. Между «красными» и «белыми»: наука и высшая школа Дальнего Востока в период Гражданской войны // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2009. – Т. 66, № 4. – С. 80–93.
15. Милежик А. В. Начальный этап становления профессионального образования на Дальнем Востоке России (на примере Центральной милицейской инструкторской школы) // Полиция России: прошлое, настоящее, будущее: сборник материалов Всерос. науч.-практ. конф. – Хабаровск: Дальневосточный юрид. ин-т МВД РФ, 2012. – С. 43–47.
16. Орнацкая Т. А. Особенности подготовки юристов в Приморье в первый период гражданской войны // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 19. – С. 139–141.
17. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). – Ф. 372. – Оп. 1. – Д. 86.
18. РГАСПИ. – Ф. 372. – Оп. 1. – Д. 90.
19. РГАСПИ. – Ф. 372. – Оп. 1. – Д. 552.
20. РГИА ДВ (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока). – Ф. Р-1477. – Оп. 1. – Д. 1.
21. РГИА ДВ. – Ф. Р-1477. – Оп. 1. – Д. 2.

22. РГИА ДВ. – Ф. Р-1477. – Оп. 1. – Д. 28.
23. РГИА ДВ. – Ф. Р-2460. – Оп. 1. – Д. 53.
24. Собрание узаконений и распоряжений Правительства ДВР. – 1920. – № 3.
25. Собрание узаконений и распоряжений Правительства ДВР. – 1922. – № 2.
26. Сонин В. В. Становление Дальневосточной республики (1920–1922). – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1990. – 347 с.
27. Цуканов С. С., Орнацкая Т. А. Внешняя политика Дальневосточной республики (1920–1922 гг.) // Краеведение Приамурья. – 2011. – № 1. – С. 34–49.
28. Шабельникова Н. А., Беляева Н. А. Исторический опыт противодействия иностранной преступности на Дальнем Востоке России в 1920-е годы // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. – Благовещенск: БГПУ, 2018. – С. 316–322.

УДК 93/94
ББК 63.3(2)61

Наталья Алексеевна Шабельникова,
Владивостокский филиал
Дальневосточного юридического института МВД России,
г. Владивосток, Россия

От народной к рабоче-крестьянской: организация и деятельность органов милиции Дальневосточной республики

В статье рассматривается процесс организации и деятельности органов милиции Дальневосточной республики – уникального буферного образования, сформированного в 1920–1922 гг. Дается общая характеристика условиям создания, особенностям структурной реорганизации и комплектованию органов милиции. Обращается внимание на то, что именно законодательные акты ДВР явились правовой основой, в соответствии с которой создавались штаты подразделений милиции, регулировались взаимоотношения с другими ведомствами и учреждениями. Делается вывод о том, что с учетом опыта создания народной милиции ДВР, после окончания гражданской войны, были заложены основы организационно-правового формирования правоохранительных органов Дальнего Востока.

***Ключевые слова:** Дальневосточная республика, народная милиция, правоохранительные органы, гражданская война, МВД, Дальний Восток*

Организация и деятельность органов милиции Дальневосточной республики – уникального буферного образования, сформированного в 1920–1922 гг., является неотъемлемой частью истории гражданской войны и истории правоохранительной системы (в ее региональном контексте). Изучение исторических аспектов организации и деятельности органов правопорядка ДВР в современный период стало одним из активно развивающихся направлений отечественной региональной историографии. Условия формирования органов милиции, процесс формирования школьно-курсовой системы подготовки кадров, особенности воспитательной работы с сотрудниками органов правопорядка, нашли отражение в монографических исследованиях [1; 12; 13; 15] и ста-

тнях [4, 7–9]. Отдельные аспекты изучения проблемы получили в историографических и источниковедческих работах [2; 6; 16].

Условия создания. Организация и деятельность органов милиции Дальневосточной республики развивалась в специфических условиях, обусловленных политическими факторами, сложившимися в ходе Гражданской войны. основополагающую роль имело то, что советская власть на территории Дальнего Востока первоначально установилась ненадолго, и регион фактически (а в 1920–1922 гг. и юридически) не входил в состав РСФСР. Кроме того, отсутствие политического единства, одновременное существование нескольких политических режимов, конкурировавших и ведущих между собой борьбу за власть,

не способствовало стабильному формированию органов правопорядка. Важную роль не только в компромиссном создании Дальневосточной республики, но, и, главным образом – в обеспечении законности и правопорядка, имели органы милиции.

Структурная реорганизация. Организация органов милиции и их обновление проходило на протяжении всего периода Дальневосточной республики. В соответствии с приказом Министра внутренних дел ДВР от 14 ноября 1920 г., который регламентировал образование центральных (Главное управление) и местных (областные, городские уездные) отделов, было положено создание и правовое оформление органов милиции. Руководящие кадры подбирались с соответствующим уровнем образования и личным опытом. По представлению МВД в январе 1921 г. Главное управление возглавил В. Е. Сержант, имевший опыт командования партизанским отрядом и достаточные знания для руководства органами милиции [11, с. 34–35].

Структурные изменения происходили, прежде всего, в Главном управлении. Первоначально созданные три отдела – общий, инструкторский и снабжения, были преобразованы в инспекторский, уголовного розыска и общих дел. Впоследствии с расширением функций Главного управления, создаются канцелярия и паспортный отдел. Потребность в обеспечении сотрудников обмундированием вызывало необходимость в организации отдела снабжения и хозяйственной части. Структурная реорганизация коснулась и городских и уездных управлений, где, помимо, аналогичных Главному управлению подразделений, в качестве мобильного транспортного средства привлекался конный резерв, создавались помещения для арестованных. Главному управлению милиции подчинялись 5 областных управлений, 21 городских и уездных отделов [12, с. 210].

Крупная реорганизация, связанная с необходимостью укрепления государственного строя и правопорядка в республике, была проведена в апреле 1921 г. В специальной декларации Совета Министров ДВР закреплялось образование Министерства внутренних

дел (МВД), на которое возлагался широкий круг обязанностей, с учреждением двух отделов – милиции и государственной политической охраны. Главным правительственным инспектором народной милиции был назначен Н. И. Колесниченко. Областные управления возглавили: Прибайкальское – К. Г. Лагошней, Забайкальское – Н. Н. Антонов, Амурское – А. К. Дубровин, Приамурское – Г. К. Гнатенко [5].

Структурная перестройка привела к образованию 5-и областных управлений (Прибайкальского, Забайкальского, Амурского, Приморского и Приамурского); 3-х управлений милиции отдельных железных дорог (Читинского, Амурского и Уссурийского). Количественные изменения коснулись городских (и уездно-городских) и уездных отделов. В свою очередь, структурные звенья аппарата народной милиции разделялись на участки, отделения и волостные пункты. В городах и уездах были образованы 113 милицейских участка, на железных дорогах – 302 отделения и волостных пункта.

Комплектование милиции. Основное требование к комплектованию милиции – лояльность к существующей власти, которая позиционировалась как преданность «народной власти». К кандидатам на службу предъявлялся определенный уровень грамотности (для изучаемого периода очень низкий). Значительное внимание уделялось состоянию здоровья кандидатов, принимаемым на службу. Не допускались к прохождению службы лица, состоящие под следствием и судом. Процесс комплектования имел альтернативный характер, с одной стороны, мобилизационный, с другой – на добровольных началах. В первом случае предусматривалось 2 года службы, во втором – год. Нормативными актами регламентировался и возрастной состав, определяющий период поступления на службу от 21 года до 50 лет. Исключение составляла транспортная милиция, где срок службы составлял с 18 до 55 лет.

В количественном отношении состав народной милиции ДВР насчитывал более 4 000 человек (рядовой состав 3 039, командный – 540) за исключением Приморья, находившегося на особом положении.

Владивосток, Никольск-Уссурийск и Спасск были под властью меркуловского правительства. В районах же Приморья, которые поддерживали ДВР, с организацией Управления областного инспектора в г. Иман, подразделения милиции формировались по мере необходимости [5]. Штатная численность милиции Прибайкальской, Забайкальской и Амурской губерний была примерно равнозначной – около 900 чел. Исключение составляла милиция Приамурья – 410 чел. Применительно ко всем губерниям структура штатного состава народной милиции включала следующие компоненты: управление областных инспекторов – 76 чел., городские милиции – 873, уездные – 21 110, железнодорожные – 720, уголовный розыск – 227, аймачные – 289, инструкторско-милиционерские школы 381 чел. [3, с. 61–62].

Органы милиции Дальневосточной республики комплектовались, в основном, из крестьян (89%). Данная тенденция была обусловлена не развитостью промышленности в Дальневосточном регионе. Немаловажной проблемой оставалось недостаточное количество опытных кадров. Только 3% специалистов, пришедшие в органы правопорядка с дореволюционных времен, продолжали работать в ДВР. В условиях трудностей комплектования, недостатках финансирования, слабом кадровом потенциале, недокомплект аппаратов милиции на 1 марта 1922 г. составлял более 700 чел.

Основные направления деятельности.

Органы милиции Дальневосточной республики стояли на страже обеспечения охраны порядка и общественной безопасности. В круг задач народной милиции входило обеспечение соблюдения общественного порядка и законодательства республики. Сотрудники милиции были обязаны: 1) оказывать содействие государственным органам; 2) оповещать население о распоряжениях органов власти; 3) выдавать удостоверения личности, трудовые книжки, справки, свидетельства; 4) содействовать исполнению судебных приговоров.

Правовое обеспечение. Формирование, комплектование и деятельность органов милиции Дальневосточной республики осуществлялась на основе, первоначаль-

но, многочисленных инструкций, а, впоследствии – принятия временного, а затем и постоянного «Положения о народной милиции Дальневосточной республики», которыми определялись организационные основы, структура, права и задачи милиции [10, ст. 12]. Особенностью правовых актов ДВР, в целом, и правоохранительных актов, регламентирующих деятельность милиции, в частности, было использование законодательства советских органов власти. Кроме того, Положение о милиции, закреплявшее двойное подчинение милиции, с одной стороны – органам управления на местах, с другой – Главному управлению, входило в противоречие с реальной действительностью. Официально регламентированный порядок «двойного подчинения» практически оказывался «тройным подчинением». Партийные органы руководили всеми государственными структурами, в том числе, и органами милиции.

Особенностью регулирования и деятельности милиции, в рамках рассматриваемого периода, был не только принцип «тройного подчинения». Безусловно, главной целью органов милиции было противодействие преступности и охрана общественного порядка, однако в реальных исторических условиях, на органы милиции возлагались иные функции. Если в определенном районе складывалась сложная оперативная обстановка, милиции было предписано, по требованию военного командования, принять участие в боевых действиях в составе Народной революционной армии. Возвращение к прежним обязанностям разрешалось только после разрешения напряженной ситуации. Учитывая данные обстоятельства, следует констатировать, что органы милиции, согласно действующему законодательству ДВР, в чрезвычайных условиях имели военную направленность и действовали как вооруженный исполнительный орган государственной власти.

О том, что правительство ДВР уделяло важное внимание органам милиции, свидетельствует то, что в рамках принятия нового положения о Министерстве внутренних дел республики, в июне 1922 г. было начато реформирование народной милиции. О ком-

плексном характере реформ свидетельствуют данные о том, что впервые, на основе приобретенного руководством народной милицией опыта, штатное расписание милиции ДВР утверждается законодательно. Определяется круг прав и обязанностей руководства и сотрудников милиции. Учитывая бедственное положение с уровнем образования сотрудников, ставятся вопросы о возможности обучения личного состава. Значительные шаги предпринимаются в сфере разработки нового Закона о милиции. Однако начатая в этом направлении работа была приостановлена в связи с процессом ликвидации Дальневосточной Республики и воссоединения Дальнего Востока с Россией.

Таким образом, в период существования Дальневосточной республики – уни-

кального буферного образования, процесс организации и деятельности органов милиции имел определенные особенности, связанные как развитием самого образования, так и общей исторической ситуацией, сложившейся в данный период времени. Широкий круг возлагаемых на народную милицию обязанностей по борьбе с преступными посягательствами дополнялся не только обязательствами содействия государственным органам, но и, в случае необходимости, выполнения функций вооруженного исполнительного органа власти. С учетом опыта создания народной милиции ДВР, после окончания гражданской войны, были заложены основы организационно-правового формирования правоохранительных органов Дальнего Востока.

Источники и литература

1. Бакшуттов С. Н., Орнацкая Т. А., Шабельникова Н. А. Дальневосточная милицейская школа в государственной системе профессионального образования (1918–2011 гг.). – Владивосток: Изд-во ДФУ, 2017. – 232 с.

2. Беляева Н. А., Шабельникова Н. А., Милежик А. В., Усов А. В., Никонов К. О. Информационные ресурсы фондов РГИА ДВ и ГАХК по истории полиции и милиции Дальнего Востока России (1860–1922). – Владивосток: Изд-во ДФУ, 2019. – 60 с.

3. Вестник министерства внутренних дел. – 1921. – № 1. – С. 61–62.

4. Милежик А. В. Деятельность Центральной школы подготовки комсостава народной милиции ДВР: опыт организации профессионального образования на Дальнем Востоке России // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2018. – № 2. – С. 135–145.

5. Музей УВД Приморского края. Документальный фонд.

6. Некрытый В. В. История органов внутренних дел на Дальнем Востоке России в исследованиях и библиографии // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. О. А. Шеломихин. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2019. – Вып. 9, Ч. 1. – С. 200–207.

7. Орнацкая Т. А. «Стремясь к организации милиции, отвечающей своему назначению...»: документы ГАРФ об учреждении подготовительных курсов для чинов милиции Правительства А. В. Колчака // Исторический архив. – 2018. – № 6. – С. 20–29.

8. Орнацкая Т. А. Народная милиция Дальневосточной республики: комплектование и подготовка кадров // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2016. – № 2. – С. 39–47.

9. Орнацкая Т. А. Проблемы формирования правовой системы Дальневосточной республики (1920–1922 гг.) // История государства и права. – 2015. – № 23. – С. 29–34.

10. Собрание узаконений Дальневосточной республики. – 1921. – № 5. – Ст. 112.

11. Сонин В. В. Великий Октябрь и становление советской государственности на Дальнем Востоке (1917–1922). – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1987. – 260 с.

12. Сонин В. В. Государство и право Дальневосточной республики (1920–1922 гг.). – Владивосток: Дальнаука, 2011. – 296 с.

13. Феоктистов С. Ф. Милиция Забайкалья: ее развитие и деятельность (1917 – начало 1930-х годов): историко-правовой аспект. – Иркутск: Байкальский гос. ун-т экономики и права, 2005. – 176 с.

14. Худяков П. П. Дальневосточная милиция в борьбе с уголовной преступностью в 1920 годы. – Хабаровск: ДВЮИ, 2002. – 239 с.

15. Шабельникова Н. А. Милиция Дальнего Востока России (1922–1930-е годы): исторический опыт организации и деятельности. – Хабаровск: Дальневосточный юрид. ин-т МВД РФ, 2018. – 354 с.

16. Шабельникова Н. А. На страже правопорядка: история органов внутренних дел России в современной дальневосточной историографии // Клио. – 2020. – № 5. – С. 20–27.

Раздел 2. Аспекты социально-экономического развития Сибири, Дальнего Востока и Забайкалья накануне и во время существования Дальневосточной республики. Участие населения региона в боевых действиях

УДК 93/94
ББК 63.3(2)61

*Марина Ивановна Арефьева,
Межпоселенческий культурно-досуговый центр,
с. Красный Чикой, Россия*

Боевые походы Чикойских партизан (по воспоминаниям красных партизан)

В статье идёт речь о деятельности партизанских отрядов на территории долины реки Чикой 1919–1920 гг. по воспоминаниям красных партизан П. П. Смолина, В. К. Дегтярёва, Н. Н. Пинигина и др. В работе автор знакомит с материалами, опубликованными и ранее неизвестными рукописями очевидцев тех событий, хранящихся в Красночикойском историко-этнографическом музее, что придаёт исследованию новизну.

Ключевые слова: Гражданская война, партизан, большевик, отряд, белогвардейцы, добровольцы, воспоминания

Прошло уже сто лет, с тех пор как отгремела Гражданская война. Она не оставила в стороне ни один уголок России. Не обошла стороной и Красночикойский район. Стоят в сёлахobelisks, воспоминания о тех событиях передаются из уст в уста, хранятся в воспоминаниях, опубликованных или нет, участников тех событий. В своей работе мы попытались систематизировать их и представить вашему вниманию.

К середине 1919 г. в Чикой начинают возвращаться солдаты–большевики. Так в с. Захарово – Шешуков Петр, Решетников Ф., в с. Фомичево братья Цыпыловы – Куприян и Мефодий, Глазков Зиновей, в деревне Речки – братья Дегтяревы – Григорий и Василий, Хохряков Иосиф, в деревне Большаково – Кряжев Иван, в с. Коротково – Дианов Петр, Еременков и др. Несмотря на разрозненность, они начинают вступать в борьбу с казачьей полусотней под командованием прапорщика Анциферова, зверствующей в сёлах.

К середине декабря 1919 г. на Чикое создаются мелкие разрозненные партизанские группы, вооруженные кто, чем может.

По указанию Подпольного комитета в целях быстрого развития партизанского движения на Чикой была послана небольшая группа под командованием Прокопия Смолина. Вот что пишет в своих воспоминаниях сам П. Смолин.

«В селе Малета ... мы отобрали из партизан 21 бойца из тех, у которых имеются трехлинейные винтовки и направились в Красный Яр. С собой мы взяли из арестованных в Малете начальника милиции Т. К. Попова. Он заявил, что если удастся без боя войти в Красный Яр и окружить дом начальника милиции Назимова, он сумеет без боя ввести нас в его квартиру.

В 12 часов ночи 26 декабря мы достигли с. Выезжа. Разбудили сельского писаря и узнали, что против нас выставлена застава из 9 человек. Писарь привел к дому, в котором располагалась застава. Под предлогом

передачи срочного пакета, вошли в дом, разоружили без сопротивления. При опросе выяснили о количестве вооруженных сил в Красном Яре, об их расположении. В 5 часов утра в Красном Яре мы закончили операцию. Было арестовано и разоружено 45 милиционеров и несколько дружинников. Неудача была лишь в том, что известный палач Анциферов и начальник милиции Назимов сумели скрыться и бежать вниз по Чикойю» [2, с. 84].

Таким образом, прибытие на Чикой отряда Смолина и его первые удачные операции были сигналом к всеобщему восстанию. В селе Красный Яр сразу же был создан ревком. На общем собрании в Красном Яре было решено: отряд разделить на 2 части. Одной части во главе с П. П. Смолиным выдвинуться на запад в нижнюю часть Чикоя; второй – на восток в верхнюю часть с тем, чтобы одновременно на всей территории Чикоя восстановить советскую власть.

Отряд Смолина быстро пополнялся в каждом селе, подавляя сопротивление в казачьих караулах, быстро продвигался вниз по Чикойю. Восстало самое крупное в районе село – Урлук. Из казачьей станицы Большая Кудара подхорунжий Нечаев на имя Урлукской волостной земской управы прислал следующий приказ:

«Приказ № 65 начальника группы Чикойской обороны Урлукской волостной земской управе. 20 декабря 1919 года. Предписываю к 12 часам 31 декабря выполнить следующее: 1. Задержать, перевязать всех главарей большевистского движения, находящихся в Урлуке, как прибывших со стороны, так и местных и представить мне. 2. Собрать и представить все имеющееся в Урлуке оружие. 3. Возвратить по домам всех мобилизованных большевиками. 4. Выслать ко мне 10 заложников от села.

В случае невыполнения изложенного Урлук, как бунтующее село будет предано сожжению и все население подвергнуто строгой каре. Подхорунжий Нечаев» [3, с. 27].

Приказ подхорунжего не только не был выполнен, но и подтолкнул население к всеобщей мобилизации. Урлукчане, под командованием Федора Спиридонова, выш-

ли кто с чем мог на помощь отряду Смолина и против казаков Усть-Урлука, Шарагала и Большой Кудары. У местности Бильчир сражались даже женщины. Так и не удалось подхорунжему Нечаеву предать сожжению старинное чикойское село.

Отряд Смолина с боями занял Усть-Урлук, Шарагал, Большую Кудару, двигаясь к г. Кяхта. В Большой Кударе был убит палач, Анциферов.

Вторая группа партизан двигалась на восток в верховья Чикоя. В своем движении отряд практически не встречал сопротивления. По пути в селах проводились короткие собрания, на которых избиралась временная сельская советская власть (сельревком). С имеющимися охотничьими берданками, дробовиками и даже кремневыми мужчины добровольно массами вливались в отряд. В селении Осиновка образовался военно-революционный штаб Верхчикойского фронта, который возглавили: Пётр Капустин, Григорий Дегтярев, Зиновой Глазков и другие члены штаба.

В штабе шла напряженная организационная работа: масса вооруженных, чем попало людей, доходившая численностью до 600–700 чел. была разбита на отряды по 100–200 чел. К этому времени из тайги прибыли скрывавшиеся там большевики – Дмитрий Трухин, Георгий Фильшин, Быков и другие, которые и возглавили отряды. Это сразу же внесло порядок и дисциплину. Вскоре прибыли старые большевики Петр Аносов, Николай Зыков и др. Таким образом, оформилось довольно крепкое руководство над большими силами партизанских войск Верхчикоя. Казалось бы, что обеспечение отрядов продовольствием и фуражом должно было вызвать серьёзное затруднение, но при добровольном и активном участии населения, это не составило проблемы, и отряды были снабжены.

К началу января 1920 г. боевая обстановка сложилась следующим образом. Во-первых, из разведанных стало известно, что белогвардейцы и японцы не хотят оставить без внимания Чикой. Что стратегический и тактический план состоит из следующего: одновременно проникнуть на Чикой двумя путями: крупному японскому отряду,

вышедшему из Верхнеудинска и двигающемуся по долине Хилка к Малете. После взятия Малеты, по малетинскому тракту двинуться на Чикой, занять Красный Яр как исходную позицию. Одновременно крупному японцу – белогвардейскому отряду выйти со ст. Хилок, перейти Малханский хребет к курорту Ямаровка, занять с. Черемхово как исходную позицию. И двигаясь на соединение с первым японским отрядом Верхчикой взять в «клещи», уничтожить партизан и восстановить положение. При составлении этого плана белогвардейцы рассчитывали на дополнительные силы, находящиеся внутри района, а именно в селах, расположенных по долине р. Менза, действующий белогвардейский отряд под командованием сотника Калмыкова с центром в казачьей станице Менза. Он в общем наступлении может быть использован как третья сила. Кроме того, имелся хорошо вооруженный отряд из казаков бурят, под командованием есаула Чамболова, с центром в бурятской станице Аца. Штабом партизан были поставлены конкретные задачи: во-первых, не допустить вторжения врага в пределы района и, во-вторых, ликвидировать сопротивление внутри района, т. к. они представляли серьезную угрозу и сковывали силы партизан и не давали возможности двигаться вперед. Навстречу японцам, двигавшимся к с. Малета был отправлен отряд под командой Д. Трухина с задачей: не допустить японцев на Чикой и разгромить их.

Японцы, двигаясь к Малете, в селах чинили беззаконие, насилие и разбои. Они сожгли села Зардома и Пески. Зверства их вызвали ярость населения и Хилокские партизаны большую часть японцев уничтожили, оставшиеся в панике поспешили к линии железной дороги. Таким образом, столкновения Трухина с японцами не состоялось.

По Ямаровскому тракту был направлен отряд под командованием Георгия Фильшина с той же задачей. Фильшин умело в укрытиях расположил свой отряд в засаде и нанес врагу столь внезапный и сокрушительный удар, что большая часть врага была уничтожена, а остальные бежали к ст. Хилок, бросая обоз с богатыми трофеями

оружия и боеприпасов, а это для нуждающихся в оружии партизан было очень кстати.

Для ликвидации Мензинской группировки Калмыкова был направлен отряд под командованием Мефодия Цыпылова. Под прикрытием темноты, внезапно весь отряд белоказаков был разоружен. Сам Калмыков оказал вооруженное сопротивление, был ранен, захвачен в плен и при перевозке его в Красный Яр в дороге умер от ран.

Оставалась группировка Ацинских белоказаков. Партизаны неоднократно ходили в атаку по льду через р. Чикой на левый берег в район поселка Усть-Аца, где была позиция врага. Но, встречая губительный огонь, отступали. Никакие обходные маневры не заставляли противника врасплох.

Вот тогда родился план разгрома этой группировки, автором которого был член штаба, бывший моряк, житель с. Фомичево Зиновей Глазков. Суть этого плана сводилась к следующему: Он (Глазков), вооружившись гранатами, сигнальным свистком, на лошади, запряженной в кошевку с белым флагом, поедет в расположение врага под видом парламентаря на переговоры. Главная задача «парламентаря»: усыпить бдительность и отвлечь внимание врага. А в это время Фильшин со своим отрядом прибрежными зарослями тальника просочится и приблизится к зданию школы, где предполагались предстоящие «переговоры». Этот план поздним вечером на заседании штаба был тщательно рассмотрен и утвержден. Ночью все до мелочей было подготовлено: отобраны добровольцы, подробно проинструктированы о предстоящей операции.

В январское морозное утро «парламентар» выехал и благополучно прибыл в расположение противника. А в это время отряд сосредоточился в береговом тальнике. Было ясно, что казаки согласились послушать, что скажет парламентар, и все вошли в здание школы. Здесь надо отметить два обстоятельства: во-первых, на сей раз, казаки утратили бдительность и все 85 человек вошли в школу, составили в угол оружие и приготовились слушать. Во-вторых, «парламентар» Глазков оказался на высоте своего положения: он кроме выдержки

(он здесь проявился как оратор и дипломат). Он произнес пламенную речь, которая сводилась к следующему: «Братья казаки, мы с вами исконные соседи. Между нами никогда не было вражды, мы всегда жили в дружбе и добрососедстве. Так почему же сейчас мы стремимся пролить кровь друг друга? Давайте решать: или вы присоединитесь к нам для совместной борьбы, или, если не хотите, оставайтесь в стороне от борьбы, но отдайте нам оружие. Третьего пути в нынешнее время нет» [4, с. 5].

Среди казаков возникло разногласие, спор, шум: одни кричали «Надо присоединиться к партизанам. Что мы представляем? Горстка сопротивляющихся, против всего народа?». Другие возражали: «Хоть нас и мало, но нам важно продержаться. Все равно наши союзники-японцы нас в беде не оставят и в ближайшее время придут к нам на помощь». Третьи заявляли: «К черту то и другое! Надо сдать оружие и выйти из борьбы!» [Там же, с. 6].

В этой сумятице отряд Фильшина подтянулся к школе на дистанцию короткого

броска. Глазков, пользуясь той же сумятицей, незаметно пробрался к двери и грозно скомандовал, держа в руке гранату: «А ну лапы вверх, гады! За малейшее движение разнесу вдребезги!» [Там же]. Он сунул в рот свисток, оттолкнул дверь и дал сигнал. В это же мгновение отряд Фильшина ворвался в школу. Все это для врагов было так внезапно и неожиданно, что казаки растерялись и ничего не могли предпринять. Все 85 чел. без единого выстрела были пленены. Но особенную ценность для партизан составило трофейное оружие.

В конце января – начале февраля 1920 г. военно-революционный штаб, выполнив свою миссию, был ликвидирован. Фронт борьбы передвинулся на восток в долины Хилка, Ингоды, Онона.

Партизаны Чикоя одни ушли в партизанский отряд на восток, другие (молодежь) были призваны в народно-революционную армию (НРА), третьи, бывшие партизаны (пожилые) остались и занялись мирным трудом, а дел в хозяйстве после войн было много.

Источники и литература

1. Болдырев И. Н. Бои в Жиндо и Карауле // Знамя труда. – 1981. – 05 октября.
2. Борьба за Советы в Забайкалье: сборник статей, материалов и документов / под ред. Г. Грудинина. – Чита: Читинское обл. изд-во ОГИЗ, 1947. – 375 с.
3. Воспоминания красного партизана В. К. Дегтярёва. Рукопись // Красночикоийский историко-этнографический музей (КИЭМ). – Инв. № 2921.
4. Воспоминания красного партизана Н. Н. Пинигина. Рукопись // Красночикоийский историко-этнографический музей (КИЭМ). – Инв. № 2970.
5. Цыпылов И. В., Цыпылов К. А., Цыпылов М. А. Бойцы вспоминают минувшие дни / литературная запись И. Чернева. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1961. – 146 с.

Проект Н. А. Михайловского по реорганизации охотничье-промыслового хозяйства в ДВР

В статье содержится материал комплексного подхода к реорганизации охотничье-промысловой отрасли экономики ДВР, представленного в труде Н. А. Михайловского «Проект Всероссийского закона об охоте». Автор проекта, привлекая обширную источниковую базу и личный опыт, в литературной форме обобщил известные нормативно-правовые аспекты охотничьего вопроса и предложил вполне конкретный выход из сложившейся кризисной ситуации.

Ключевые слова: охотничье-промысловое хозяйство, производство охоты, законопроект, устав, Общество правильной охоты

Проблемы охотничьего хозяйства и сопутствующих ему отраслей народного промысла в истории ДВР, в силу известных причин общегосударственного экономического кризиса, являлись важными, но трудноразрешимыми [2]. Сознанием большинства республиканской элиты охота воспринималась как занятие развлекательно-спортивного характера. Мысль, что она может быть полноценной и высокодоходной отраслью народного хозяйства, стала пробивать себе дорогу слишком поздно. Законодательные нормы в данной сфере развивались очень медленными темпами, подчас не соответствуя насущным потребностям населения на местах [1]. Поэтому нет ничего удивительного в том, что предлагаемые к практическому внедрению наспех разработанные законопроекты целого ряда отделов Министерства Земледелия, Продовольствия и Торговли, Народного Хозяйства остались лишь на бумаге.

Побудительными причинами реорганизации отрасли, так или иначе, служило наблюдаемое повсеместно в ДВР уменьшение количества полезных промыслово-хозяйственных животных, а вместе с тем и падение охотничьего промысла и охоты вообще. Необходимость в проведении мероприятий по упорядочению этой отрасли народного хозяйства была очевидной, так как являлась основным или важным подсобным промыслом для жителей глухих, малонаселенных окраин республики и могла служить, при рациональной постановке дела, источником немаловажных доходов

для населения остальных культурно-земледельческих районов. Исчезновение дичи и падение доходов от охоты обуславливалось тремя основными причинами: 1) природно-климатическим фактором (прежде всего связанного с его суровостью; 2) косвенным воздействием человека на фауну диких животных; 3) непосредственным истреблением промысловых животных (нерациональное, хищническое пользование правами охоты в виде массовой ловли или истребления дичи, несвоевременная охота, применение самоловных орудий и т. д. [4, л. 2]. В свое время, члены Забайкальского отдела императорского общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты (Общества правильной охоты), открытого в Чите еще в 1887 г., пытались позитивно воздействовать на охотничье население региона и внедрить более рациональные способы добычи пушной и мясо-дичной продукции. Забайкальские врачи Н. В. Кирилов и В. Я. Кокосов, краевед А. К. Кузнецов сыграли большую роль в развитии дела охраны промысловых животных и становления практики борьбы с незаконной охотой и нарушением правил охоты. Но, исследования общества проводились тогда, когда многие промысловые животные уже требовали искусственного воспроизводства в связи со снижением их численности. В революционное и первое постреволюционное время проблемы обострились до крайних пределов [6; 7].

1 мая 1919 г. в развитии положений об учреждении районов по заведыванию

охотничьими промыслами в Сибири создается Иркутско-Забайкальский охотничий район и Забайкальский отдел Всероссийского общества правильной охоты. Создаются учреждения по Делах Рыболовства и Охоты, сотрудникам которых предстояло преступить к решению давно назревших вопросов. Среди целого ряда локально-региональных проектов, предлагаемых от управления из Читы, Благовещенска и Владивостока, особняком стоит нормативно-правовой и научно-популярный (литературный) проект, принадлежащий перу министра выше-названного учреждения и охотника с многолетним стажем Н. А. Михайловскому «Проект Всероссийского закона об охоте». Его создание, как впрочем, жанр и стиль подачи материала, выходили за рамки строгой законодательной основы. Данный подход, на наш взгляд, обосновывался тем, что охотничий вопрос в пределах республики с ее многообразными условиями быта промышленников, разнообразием естественноисторических и экономических основ регионов являлся вопросом крайне сложным, требующим весьма внимательного, всестороннего рассмотрения, как правительством, так и лицами в нем заинтересованными. С одной стороны охотниками, с другой широкой публикой косвенно заинтересованной в целесообразности принятия того закона при содействии которого она будет располагать большим или меньшим качеством промысловой добычи.

Таким образом, этот закон, не в пример другим, требовал широкой гласности. Как в случае обсуждения проекта охотничьего закона 1897 г., в каковых целях он рассылался в областные охотничьи общества и кружки, на предмет обсуждения и затем созыва 2-го Всероссийского Охотничьего Съезда. Естественно, такие вопросы выходили из компетенции узко правительственных, случайных комиссий, чаще всего недостаточно подготовленных к рассмотрению подобного рода дел.

Н. А. Михайловский, учитывая данные необходимости и требования охотников, высказывавшиеся в спортивной печати начиная с конца 1880-х гг., придал своему труду как проекту, подлежащему широкому

общественному рассмотрению, литературную форму, подкрепляя свои положения соответствующими выдержками из имевшихся в его распоряжении материалов научного и научно-популярного характера. Тем самым, он подробно освещал спорные вопросы охотничьего хозяйства. Такой уклон работы, в интересах согласования различных мнений участников той или иной комиссии путем ознакомления их с источниками, безусловно, являлся продуктивным. Он был необходим по следующим причинам: 1) большинство лиц входящих обычно в состав комиссий и обсуждающих охотничьи нужды, были слабо знакомы с охотоведческой литературой и не знали тех принципов, на которых базируется промысловая деятельность охотников как специалистов дела, 2) по случаю гибели в годы революций и Гражданской войны книжного рынка. Почему и нельзя было только ссылаться на иные работы или статьи, а приходилось приводить для нужных разъяснений более или менее значительные выдержки, являющиеся в данном случае тем материалом, который в работах этого рода обычно подбирается. Н. А. Михайловский располагал собственной довольно значительной охотничьей библиотекой, поэтому смог составленный им законопроект осветить с разных сторон весьма широко. «Проект» стал не малопонятным перечнем некоторых сжатых правил, а именно литературным трудом с солидной нормативно-правовой основой, широко трактуемым разбираемый вопрос и заключающим в себе, при отсутствии нужных книг, ценный осветительный материал.

Каждый законопроект помимо основного состава статей должен сопровождаться объяснительной запиской поясняющей, почему именно устанавливается та или иная редакция статей или статьи. В данном проекте объяснительная записка и необходимые опорные материалы включались в 1-ю часть с разнообразными выдержками. По сути, эта часть представляла собой мотивировку 2-й части, где изложен сам законопроект. Автором была поставлена задача сконструировать организацию охотничьего хозяйства взамен ранее составлявшихся

правил, регламентировавших главным образом лишь процесс охоты. При этом условию ему пришлось разработать 10 отдельных законоположений и связать их общей идеей. Таким образом, структурно работа подразделяется на следующие разделы:

1) Проект организации административного аппарата на охоте;

2) Определение источников и форм обложения охотничьим налогом;

3) Семь отдельных уставов («Краткий временный устав охотничье-рыбных артелей» «Проект временного устава обществ правильной охоты» и др.);

4) Уложения о наказаниях по нарушениям охотничьего закона.

Проект охотничьего закона подробно изложен во 2 части труда, в положениях о производстве охоты. Обработана эта часть по обычной форме законодательных актов, с подразделением на сжато отредактированные статьи. Четко определялось, что охота разрешена только в специально отведенных зонах промысловых районов, расписывалось применение законных и незаконных методов промысловой добычи, запрещалось широкое использование ядохимикатов, ямных ловушек на копытных, настороженных ружей и т. д. «Проект» развивал практику использования охотничьего билета, в соответствии с которой ограничивалось право владения огнестрельным оружием лицами, не имеющим промыслового документа. Регулировались сроки охоты, предполагалось ведение борьбы с древней, как мир практикой использования промысловых ресурсов как «Божьего дара», доступного всем желающим в любое время года. Однако, меры наказания, предлагаемые за разного рода нарушения, не отличались суровостью. В крайних случаях (хищнического истребления диких животных и дичи, торговли запретными видами и т. д.) полагалась высшая мера наказания, предусматривающая лишение свободы на срок от 3-х до 6-ти месяцев без замены денежным штрафом. Борьба с браконьерством предполагала, прежде всего, введение запрета на торговлю пушной и мясной продукцией лицам, не имеющим охотничьего билета или специального торгового разрешения. Внедрение в жизнь предлагаемых норм,

безусловно, могло помочь остановить повсеместное разрушение организационно-технических и хозяйственных основ отрасли [5, л. 20–24 об.]. Подробно расписывал права и обязанности промысловых объединений [3, л. 1–7 об.].

Обсуждением внутренней ценности «Проекта» в то время никто не занимался, это не имело особого смысла и значения, т. к. он служил лишь материалом всесторонней критики специалистов охотничьего дела, для которых и предназначался, с другой же стороны заключал в себе обширный литературный материал необходимый для опоры суждений. Законодательством прошлых лет не были собраны воедино даже те проекты и издания литературного характера, что наполняли специальные частные печатные собрания. Поэтому попытка Н. А. Михайловского собрать и литературно обработать весь материал по охотничьему вопросу – великолепно удалась и вылилась в солидный труд, заслуживающий самого широкого внимания. Ценность труда была особенно важна в тот период времени, организационного строительства новой государственности. «Проект», обнимающий буквально все отрасли народно-охотничьего промысла и излагающий главные законоположения по этому вопросу, являлся лучшим пособием.

Публикация «Проекта» предполагалась за счет выделяемых средств Министерства Земледелия ДВР. Но половина издания (не общего количества книг, а конкретно страниц) была отпечатана за счет бывшего военного ведомства, и ее безуспешно пытались затребовать из типографии Союза печатников бывшей Штаба Походного Атамана в распоряжение управления Охоты, Рыболовства и Морских Звериных промыслов Министерства Земледелия. Издание также субсидировалось Забайкальским и Иркутским Охотничьими Правлениями. Выпустить планировалось 500 экз.: 150 из них предназначались к бесплатной рассылке, и 350 платно. Стоимость платных изданий оценивалась в 5 золотых рублей. Учитывая то, что к концу января 1921 г. средний состав Охотничьих Обществ на территории ДВР определялся, по мень-

шей мере, в 500 зарегистрированных чел. [5, л. 3], вопрос об успешности реализации издания не поднимался. Но 100% публикация труда так и не последовало.

Нельзя сказать, что «Проект Всероссийского закона об охоте» это первая серьезная нормативно-правовая попытка реорганизации охотничье-промыслового хозяйства Дальневосточного региона, т. к. вплоть до 1917 г. выходили немногочисленные правительственные постановления о защите промысловых ресурсов, регулиро-

вании сроков и способов охоты, попытки сохранить наиболее ценные виды (как например, соболя) [8, с. 616–617]. И, тем не менее, важность и превосходство названного труда при ознакомлении с его содержанием, очевидна. Сводя воедино весь накопленный практический и законодательский опыт прошлых лет, автор выдвинул идеи и положения, ведущие к выходу из сложившегося кризиса в отрасли и нашедшие свое непосредственное воплощение в 1930–1940-е гг., уже в эпоху Советского государства.

Источники и литература

1. Беспалько Д. Н. Проблемы регулирования традиционных основ охотничьего промысла малых народов Забайкалья в 1920–1922 гг. // Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов Забайкалья: материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Чита, 16 мая 2019 г.) – Чита: ЗабГУ, 2019. – С. 116–118.

2. Беспалько Д. Н. Особенности развития пушно-сырьевого сектора экономики на территории Забайкалья в период существования Дальневосточной Республики (1920–1922) // Историко-экономические исследования. – 2019. – № 4. – С. 640–664.

3. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского Края). – Ф. Р-441. – Оп. 1. – Д. 1.

4. ГАЗК. – Ф. Р-441. – Оп. 1. – Д. 2.

5. ГАЗК. – Ф. Р-585. – Оп. 1. – Д. 3.

6. ГАЗК. – Ф. Р-18. – Оп. 1. – Д. 62.

7. ГАЗК. – Ф. Р-18. – Оп. 1. – Д. 69.

8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – Пг: Гос. тип., 1915. – Т. XXXII. – Отд. 1. – С. 1790 (с дополнениями).

УДК 93/94

ББК 63.3(2)61

Анна Владимировна Волочаева,

*Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

Преступность в ДВР и борьба с ней в современной историографии

В статье представлен анализ основных направлений исследования в исторической и юридической науках проблем преступности и способов борьбы с ней на территории Дальневосточной республики. Рассматриваются такие проблемы, как уголовный и политический бандитизм, этническая преступность (хунзунничество), контрабандизм, а также борьба с ними в современных работах историков. Представлена работа органов внутренних дел, таможи, юстиции по борьбе с преступлениями на территории ДВР в современных научных исследованиях.

Ключевые слова: *Дальневосточная республика, преступность в ДВР, бандитизм, контрабандизм, хунзунничество, народная милиция, госполитохрана, таможня, судебная система, прокуратура*

Проблемы преступности и борьбы с ней в любом государстве является важным направлением деятельности различных органов государственной власти. В условиях переходного периода, связанного с кардинальной перестройкой общества и вызванного реформами сверху или революцией

снизу, данные проблемы становятся еще более актуальными.

В условиях Гражданской войны в России в конце второго десятилетия XX в. в восточной части бывшей Российской империи возникло буферное государство – Дальневосточная республика. Это новое

государство, в первую очередь, должно было разрешить международный конфликт между новой Россией и Японией, осуществлявшей территориальные захваты в это время на российском Дальнем Востоке. Второй не менее важной задачей была борьба с белым движением во главе с атаманом Семеновым. Поэтому среди преступлений этого времени на первом месте была борьба с политическим и международным шпионажем, которую осуществляли органы контрразведки и народной революционной армии (НРА) Дальневосточной республики. Поскольку границы ДВР изменялись, органы пограничной охраны также были связаны с борьбой с нарушителями государственной границы, а также борьбой с контрабандой. Важное значение на территории самой ДВР имела также борьба с бандитизмом и другими уголовными преступлениями, рост которых был связан с условиями самой Гражданской войны – большого количества оружия на территории, перебоями с продовольствием и др. Это направление работы было определено задачами органов внутренних дел ДВР и непосредственно народной милиции. Немаловажную роль с борьбой с преступностью играло и устройство судебной части республики. В рамках статьи невозможно в полной мере проследить в комплексе все аспекты изучаемой проблемы, поэтому представлен анализ наиболее значимых работ историков и юристов за последние 15–20 лет.

Хотелось бы начать с анализа причин роста преступности на территории Дальневосточной республики и характеристики основных ее видов, представленных в работах современных исследователей. Вообще территория Восточной Сибири и Дальнего Востока была местом массового размещения ссыльнокаторжного элемента, который получил полное освобождение в ходе революции февраля-марта 1917 г. [4, с. 208]. Кроме того, в работах историков отмечаются факты перемещения преступников во время Гражданской войны из тюрем Западной Сибири на Дальний Восток, что способствовало росту криминогенной обстановки [2, с. 21; 4, с. 208; 13, с. 171]. Усилению криминогенной обстановки спо-

собствовало ухудшение положения местного населения, вызванного Гражданской войной, безработицей, голодом [13, с. 171].

Особое внимание в современных научных исследованиях уделено такому явлению как уголовный бандитизм. Различным аспектам организации банд, их количеству и борьбе с ними посвящены работы Н. А. Шабельниковой, Ц. С. Дондокова, А. С. Барановой, А. А. Гладких и др. [1; 2; 5; 12; 13]. В большинстве работ отмечается, что рост уголовного бандитизма был связан также с близкой границей с Китаем и легким переходом границы, а также часто с наличием «своих» людей в органах власти, самоуправления, органах внутренних дел. Подробной статистики уголовных преступлений в современной литературе нет, в работе Н. А. Шабельниковой представлены таблицы со статистической информацией по видам преступлений и категориям преступников после включения ДВР в состав РСФСР. Информация по самому периоду ДВР представлена в большей степени с позиций доступных отдельных фактов о преступниках и их преступлениях. Подобным образом представлены преступления и преступники и в работах других авторов. Отсутствие единой статистики связано, в первую очередь с существованием разных органов (они будут рассмотрены далее), которые занимались борьбой с уголовными преступлениями. Одним из важных направлений в исследовании бандитизма является изучение этнической преступности, к которой относятся так называемые хунхузские шайки (хунхузничество). Причина их образования также – легкость пересечения границы. Ц. С. Дондоков приводит случай, когда такая банда из 200 чел. в декабре 1921 г. 4 дня разоряла окрестности Завитимского уезда Амурской области [5, с. 37]. Размах хунхузских шаек, по мнению Ц. С. Дондокова, связан с их поддержкой интервентами (японцами). Н. А. Шабельникова отмечает рост этнической преступности также с наличием во всех городах Дальнего Востока так называемых китайских кварталов, в которых процветало опиекурение, пьянство, грабежи [13, с. 175].

Практически все исследователи при изучении бандитизма на территории ДВР также рассматривают политический бандитизм, участниками которого становились представители белогвардейских отрядов, дезертиры народной революционной армии, мелкие партизанские отряды [2, с. 21; 11, с. 279 и др.]. Ц. С. Дондоков связывает их непосредственно с интервентами и отмечает, что в начале 1922 г. в Китае у границы Дальневосточной республики действовало уже несколько центров по организации таких банд. Белобанды, подобно хунхузам, грабили, разоряли крестьянские хозяйства, устраивали крушение поездов и т. д. [5, с. 37]. Поэтому часто политический бандитизм связан с уголовным, сложно провести четкую грань между ними, отличия состоят лишь в категории преступников, выражающих определенные политические взгляды.

Среди других уголовных преступлений исследователи выделяют еще одно направление – контрабандизм, в котором участвовало как местное население, так и иностранцы. В коллективной монографии «Дальневосточная контрабанда...» отмечается, что на российско-китайской границе после революции появилась профессиональная контрабанда (участвовали как китайские торговцы, так и русское население), отряды были хорошо вооружены и имели хорошо развитую систему разведки и оповещения – «сигнализации» [4, с. 120]. Контрабандными товарами были как товары первой необходимости – в условиях «товарного голода» («импорт»), так и возможность продать товар за границу (хлеб, например), минуя вероятность его реквизиции в условиях военного времени («экспорт»); также частым предметом контрабандного экспорта было золото и продукты пушного промысла; предметом импорта – спирт и опиум.

Анализируя различные виды преступлений и категорий преступников, становится понятным, что создание единого аппарата борьбы с ними было важным для формирующегося государства. Но исходя из пестрого состава преступлений и преступников, создание единого аппарата было

также сложным явлением на протяжении всего периода существования ДВР.

Поэтому воссоздать всю систему правоохранительных, судебных и иных надзорных органов очень сложно, а значит большинство работ современных исследователей чаще посвящены отдельным направлениям этой деятельности. Единственная работа, в которой отражен более-менее целостно весь процесс и система органов власти – это монография В. В. Сониной [9]. Автор анализирует становление всего государственного аппарата Дальневосточной республики с опорой на нормативные документы, а также исследует отдельно правовое пространство государства с точки зрения отдельных отраслей права. Работа построена в сравнительно-сопоставительном анализе с подобными структурами и законодательством РСФСР, где выделяются общие и отличительные черты ДВР. Так по направлению борьбы с политическим бандитизмом и контрреволюцией была создана Государственная политическая охрана ДВР, которая, во-первых, занималась не только политическим бандитизмом, но и уголовным (поскольку их разграничение в условиях гражданской войны было очень сложным). Во-вторых, госполитохрана не могла осуществлять репрессивные меры без суда и следствия, в отличие от подобной структуры в РСФСР [9, с. 203]. На практике, разграничение полномочий между госполитохраной и органами милиции было сложным и часто непонятным, несмотря на то, что они должны были работать согласовано, что в итоге приводило к недопониманию [Там же, с. 205]. Деятельности данного государственного органа посвящены также работы других исследователей, например М. В. Чепика [11], в том числе и его диссертационное исследование, А. А. Гладких [3] и др.

С контрабандой на границе боролись несколько органов – пограничные войска ДВР, выделенные из частей НРА, и таможенные органы. Деятельность обоих структур, с одной стороны, также регламентировалась специальными нормативными актами, с другой в этих же документах было заложено противоречие, которое было связано

с подотчетностью каждого различным органам государственной власти (военному министерству и министерству продовольствия и торговли, соответственно). В. В. Сонин отмечает, что пограничные войска должны были не только выявлять контрабандный товар, но также наблюдать за общественными настроениями населения на границе и бороться с бандитизмом [9, с. 194].

Борьбе с контрабандой посвящена также отдельная коллективная монография [4], переработанная и переизданная второй раз за исследуемое время. В работе отмечаются сложные условия формирования погранохраны в декабре 1920 г. – отсутствие необходимого количества бойцов, грамотных командиров, отсутствие связи (телефона и телеграфа) при большой разбросанности партизанских отрядов, отсутствие передвижных средств [Там же, с. 141], поэтому ДВР приняла помощь РСФСР в комплектовании и содержании данной структуры [Там же, с. 142]. В сложных условиях формировались и таможенные структуры, по мнению авторов коллективной монографии.

Основной функцией таможенных учреждений (согласно «Временному положению» о них, январь 1921 г.) был пропуск через границу лиц и товаров, а также взимание таможенных пошлин и охрана внешней границы в экономическом отношении. Там, где не были установлены таможенные учреждения, эти функции возлагались на погранотряды. Также при таможенных органах появились особые отряды стражников, которые создавались в соответствии с «Положением об охране границ ДВР в экономическом отношении». По этому положению и для его реализации должны были выделяться также отдельные пограничные эскадроны военного ведомства [Там же, с. 146]. В результате всех принятых мер (всего было принято 35 законов и иных нормативных актов) на границе увеличилось число задержаний контрабанды. Авторы по архивным документам зафиксировали порядка 8500 таких случаев за 1921 г. [Там же, с. 147–148]. Но именно из-за проблем, связанных с взаимодействием различных органов (подчиненность разным ведомствам) некоторые нормы не работали, а контрабанда осталась

одним из важных направлений деятельности уже в едином государстве РСФСР.

Важное место среди всех органов, осуществляющих борьбу с преступностью, занимают органы милиции (народной милиции). В общей работе В. В. Сониной ей отводится важное место, а также отдельные работы историков и юристов посвящены ее деятельности – А. С. Барановой, Т. А. Орнацкой, Ц. С. Дондокова, Н. А. Шабельниковой, С. Ф. Феоктистова и др. [1; 5; 7; 10; 13]. Среди последних можно отметить работы Н. А. Шабельниковой, в том числе и ее монографию, посвященную формированию милиции 1920–1930-х гг. [13].

Формирование органов внутренних дел и непосредственно органов милиции рассмотрено историками и юристами с различных сторон: нормативная документация по данному вопросу, выделены этапы формирования и развития структуры органов народной милиции, представлено реформирование системы в период ДВР, исследованы организация системы подготовки кадров и участие молодых специалистов в задержаниях и раскрытии крупных банд-формирований (например, банда К. Ленкова в Чите) и др. Также в работах представлены такие структуры как транспортная, промышленная (горная) милиции. Отмечается, что органы милиции сотрудничали с госполитохраной, народной революционной армией и другими структурами. Именно благодаря слаженным действиям и помощи местного населения были проведены успешные акции по разгрому большинства бандитских группировок. Ц. С. Дондоков установил, что в 1922 г. (с января по октябрь) на территории Дальневосточной республики при активном участии милиции было выявлено и ликвидировано 18 банд (численность которых составляла порядка 100–120 чел. каждая) [5, с. 39]. Также все исследователи отмечали связь формировавшихся органов народной милиции ДВР с подобными структурами РСФСР, а опыт, приобретенный ими в это время, будет использован советской милицией в дальнейшем. В настоящее время идет и обобщающая историографическая работа по деятельности милиции, представленная как в науч-

ных изысканиях Н. А. Шабельниковой, так и в работах молодых исследователей, например В. В. Некрытого [6].

Также в системе борьбы с преступностью в ДВР важное место отводится исследованию формирующейся в новом государстве судебной системе. Система судов ДВР рассматривается как в общей монографии В. В. Сониной, а также исследуется в отдельных работах настоящего времени – работы Е. В. Самохваловой, Т. С. Шевцовой, Т. А. Орнацкой [8; 14]. Во всех работах сравниваются нормативные документы по деятельности судов в ДВР и РСФСР, определяется изначальная нормативная связь между ДВР и РСФСР в этом вопросе. Отмечается быстрое развитие системы судов, в которой выделены: народные (участковые и областные), военные (НРА и флота ДВР) и политические суды (дела о контрреволюционных преступлениях и особо опасных уголовных преступлениях, например бандитизм). Все суды действовали изолированно, что мешало единой работе [9, с. 219; 14, с. 19].

Кроме того, действовали отдельно судебные учреждения Бурят-монгольской автономии, родовые советы и туземные управы вели судопроизводство на своих территориях [14, с. 19]. Особняком среди всех работ стоит работа Е. В. Самохваловой [8], в которой подробно представлено возникновение отдельных судов на территории Дальневосточной республики, а также проанализированы проблемы организации их деятельности; также представлена статистика по количеству отмененных высшим

судом (съездом народных судей – областные суды) решений судов первой инстанции (участковых), что составляло по уголовным делам более 50% в большинстве областей (в Забайкальской 81%) [Там же, с. 176] и данные по судьям участковых комиссий, имевшим высшее образования. Автором сделан правомерный вывод о кадровой проблеме на протяжении всего периода существования ДВР.

При формировании органов юстиции в ДВР важное значение также играли органы прокуратуры, причем, по мнению исследователей – Т. С. Шевцовой, В. В. Сониной, эти органы возникли ранее, чем подобные структуры в РСФСР [9, с. 222; 14, с. 20], хотя полностью и не оформились в это время.

Таким образом, преступность на территории ДВР в разных ее видах представлена как в исторических, так и в юридических исследованиях. В наибольшей степени, конечно, представлены самые крупные банд-формирования – уголовные, политические, этнические. На наш взгляд следует обратить внимание на другие виды преступлений – их статистику и состав преступников (насколько это позволят имеющиеся источники). В вопросе борьбы с преступлениями разных видов также в современной литературе представлено исследование различных органов и структур. На наш взгляд не хватает целостной работы с элементами анализа работы отдельных структур на местах, проблем на отдельных территориях Дальневосточной республики.

Источники и литература

1. Баранова А. С. Бандитизм и меры борьбы с ним в Дальневосточной республике // Евразийский юридический журнал. – 2017. – № 6. – С. 79–80.
2. Гладких А. А. Борьба с бандитизмом на Дальнем Востоке России в 1920–1926 гг. // Россия и АТР. – 2010. – № 1. – С. 20–31.
3. Гладких А. А. Органы государственной политической охраны Дальневосточной республики // Россия и АТР. – 2008. – № 1. – С. 32–42.
4. Дальневосточная контрабанда как историческое явление: борьба с контрабандой на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – первой трети XX в. / под общ. ред. Н. А. Беляевой. – М.: Проспект, 2019. – 240 с.
5. Дондоков Ц. С. Безопасность граждан и организованная преступность в Дальневосточной республике: 20-е годы XX века // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 35–39.
6. Некрытый В. В. История органов внутренних дел дальнего востока России в исследованиях и библиографии // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. – Благовещенск: БГПУ, 2019. – С. 200–207.

7. Орнацкая Т. А. Дальневосточная милиция в годы Гражданской войны: к вопросу о проблемах функционирования // Чтения памяти профессора Александра Александровича Сидоренко. – 2015. – № 2. – С. 115–121.

8. Самохвалова Е. В. Проблемы организации деятельности народных судов Дальневосточной республики в 1920–1922 гг. // Власть и управление на Востоке России. – 2008. – № 4. – С. 172–179.

9. Сонин В. В. Государство и право Дальневосточной республики (1920–1922 гг.). – Владивосток: Дальнаука, 2011. – 296 с.

10. Феоктистов С. Ф. Милиция Забайкалья в 1917 – начале 1930-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – СПб., 1999. – 22 с.

11. Чепик М. В. Деятельность органов государственной политической охраны Дальневосточной республики по противодействию подрывной работе спецслужб интервентов и белых режимов в 1920–1922 гг. // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 12. – С. 269–273.

12. Шабельникова Н. А. Деятельность правоохранительных органов по борьбе с преступностью на Дальнем Востоке России в 1920-е гг. – М.: Проспект, 2016. – 144 с.

13. Шабельникова Н. А. Милиция Дальнего Востока России (1922–1930-е годы): исторический опыт организации и деятельности. – Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2018. – 354 с.

14. Шевцова Т. С. Судебные системы Сибири и Дальнего Востока 1917–1922 гг.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – СПб., 2004. – 22 с.

УДК 93/94
ББК 63.3(2)61

Евгений Викторович Дроботушенко,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

Особенности эвакуации из Читы в преддверии создания Дальневосточной республики

В статье описывается ситуация, сложившаяся в Чите в начале 1920 г., когда в городе скопились белогвардейские части и находилось Управление внутренних дел Восточной Окraiны России (Временное Приамурское Правительство). Последнее вынуждено было оперативно решать вопрос с вывозом личного состава названных частей, а также служащих правительственных (государственных) учреждений г. Читы и членов их семей в Китай. Так началась самая большая волна российской эмиграции с территории Забайкалья. Она предшествовала установлению Дальневосточной республики в регионе. Основу исследования составили документы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ).

Ключевые слова: белогвардейские части, эвакуация, российская эмиграция, Забайкалье, Чита, Китай, Хайлар

История Забайкалья периода Дальневосточной республики, нескольких лет до ее существования и нескольких лет после, становилась предметом научного анализа [1; 2; 4; 6–8 и др.]. Вероятно, будет справедливым замечание, что в отличие от имперского периода отечественной истории, и некоторых этапов советской истории, названное время в Забайкалье не стало серьезно, подробно изученным.

Одна их практически не изученных страниц истории г. Чита и всего Восточного Забайкалья – это процесс эмиграции с его

территории в Китай бывших подданных Российской империи. Речь идет именно о процессе, т. е. о самой процедуре, поскольку история эмиграции из Забайкалья в Китай в начале 1920-х гг. отчасти исследователями затрагивалась. Возможно, она изучена и охарактеризована, не так хороша, как эмиграция с Дальнего Востока, однако некоторые аспекты проанализированы [9–11 и др.]. За границами научного интереса ученых осталось выявление особенностей бегства с территории Забайкалья. Сказанное предопределило отсутствие пу-

бликаций по проблематике. Поэтому основу исследования составили архивные источники – документы Государственного архива Российской Федерации.

Вопрос об эвакуации служащих государственных (правительственных) учреждений и членов их семей, находившихся в г. Чите (читинских и бежавших в город из иных населенных пунктов, главным образом, Сибири), а также состава белогвардейских частей и госпиталей, возник в начале 1920 г. 3 марта появилось письмо Начальника Управления Внутренними делами Российской Восточной Краины № 184 в адрес руководителей правительственных учреждений на территории г. Читы. В нем отмечалось, что Помощник Главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской Восточной Краины поставил задачу разработать план эвакуации из города на случай прихода «красных». План и правила эвакуации были разработаны и приведены в названном письме. Ситуация сложилась столь сложная, что письмо носило гриф «экстренно» [5, л. 6–7]. В дальнейшем, во всех ответных документах оно именуется «запросом № 184».

Следует сказать, ощущение необходимости грядущей эвакуации у руководством Совета Министров и Верховным Правителем России появилось ранее, в сентябре 1919 г. Тогда появилось Постановление Совета Министров Российского Правительства (Правительства Государства Российского, «Омского правительства», Правительства Колчака) «Об изменении приложения II к ст. 7 Временного положения от 20 августа 1914 года “О вывозе за счет средств казны по военным обстоятельствам государственного имущества правительственных учреждений, служащих и их семейств”» [3; 5, л. 9]. Постановление не подлежало утверждению Верховным Правителем на основании его указа от 27 августа 1919 г. и вступило в силу после подписания Председателем Совета Министров П. В. Вологодским, Управляющим министерством финансов Л. В. Гойером (Фон-Гойером), и публикации в «Правительственном вестнике» 24 сентября 1919 г. [5, л. 9].

Названное постановление отменяло Постановление Совета Министров от 29 августа 1919 г., в котором прописывалась выдача эвакуационного пособия на выезд из Омска семейств служащих правительственных учреждений.

Новое постановление устанавливало размер эвакуационного пособия в новых обстоятельствах. Для лиц, находившихся на правительственной службе по определению или по вольному найму, независимо от чина, класса и должности – в 10 руб. На члена семьи, не имеющего самостоятельного заработка, по 5 руб., но не более чем на 4 членов семьи. Расчет проводился на сутки за время действительного нахождения в пути до места назначения [Там же, л. 9].

Сверх суточных служащему, в случае его личного выезда или при выезде семьи без него, выдавался ежемесячный оклад. В случае выезда с семьей двойной оклад. В случае повторной эвакуации (если пребывание длилось более двух месяцев) или дальнейшей эвакуации из места временного пребывания служащему при единоличном выезде или семьи без него выдавалось 0,5 оклада, при выезде служащего с семьей – месячный оклад [Там же].

На самом деле, обнаруженные, на сегодня, документы не подтверждают использования названного постановления. В то же время его подшитие в дело об эвакуации среди иных документов, дает возможность предположить, что суммы на эвакуацию выплачивались согласно ему.

Вернемся к плану и правилам эвакуации, приведенным в письме от 3 марта 1920 г. Там сумма, выделяемая, уже в рамках, Российской Восточной Краины, на эвакуацию служащих, была в йенах (100 йен на человека), однако предполагала только единовременную выплату [Там же, л. 7]. Как выдавалось эвакуационное пособие не совсем ясно. В отдельных случаях руководители учреждений просили выдать его им для раздачи служащим [Там же, л. 24].

Конечным пунктом эвакуации назывался китайский Хайлар [Там же, л. 7]. В то же время, по какой-то причине, в отдельных документах, речь шла о Маньчжурии [Там же, л. 43].

Для организации самого процесса эвакуации создавалась эвакуационная комиссия, состав которой, на сегодня, не ясен [5, л. 44].

Руководство государственных учреждений должно было составить поименные списки служащих с членами семей, желающих быть эвакуированными из г. Читы на территорию Китая. Данные списки в значительном количестве представлены в архивных фондах. Они дают представление о государственных организациях и учреждениях, иных структурах.

Эвакуация из г. Читы осуществлялась в порядке очереди в два этапа. В первый – особо важные грузы и сопровождающие их лица, во второй – служащие и члены их семей с личным имуществом. Согласно установленному порядку и служащие и члены их семей эвакуировались бесплатно [Там же, л. 6].

Отметим, что помимо служащих на постоянной основе, в государственных учреждениях г. Читы были и иные категории, которые также, по желанию, включались в списки на отъезд. Это, к примеру, при милицеевских участках, военные чины и милиционеры [Там же, л. 12].

Учреждений, служащие которых с членами семей изъявили желание отправиться в Китай, в Чите было достаточно много, что, в итоге, предопределило сложности с эвакуацией.

Список учреждений и иных структур достаточно большой. Условно их можно разделить на две большие части: 1) структуры Главного командующего Российской Восточной Окraiны; 2) правительственные учреждения, располагавшиеся в г. Чита и временно расположенные там, в связи с эвакуацией с иных территорий Российской империи.

Условный их перечень можно привести (вероятно, списки по части правительственных учреждений в деле отсутствуют):

1) Личная Канцелярия Главного начальника хозяйственно-экономического отдела Помощника Главного командующего по военной части; Конвой Главного командующего; Личная охрана Главного командующего; Цензурно-контрольный отдел; Техничко-

химический отдел; Личная канцелярия Главного командующего; Военно-прокурорский надзор Штаба Помощника Главного командующего по военной части.

2) Концентрационный лагерь; Управление Читинского воинского Начальника; Забайкальская местная бригада; Управление Коменданта г. Читы; Читинский местный батальон; Читинское офицерское гарнизонное собрание; Бурятское военное Управление Дальневосточного Георгиевского Комитета; Войсковая Управа и войска штаба Сибирского казачьего войска; Сибирское казачье войско; Типография Штаба Походного Атамана; Войсковой Штаб Забайкальского казачьего войска (с семьями офицеров, находящихся на забайкальском фронте); Управление Милиция г. Читы в полном составе, включая Управление Читинской городской милицией; Уездная милиция; Читинское отделение уголовного розыска; Осведомительный отдел; Читинский окружной суд; Отряд Особого назначения Забайкальской области; Ветеринарный отдел Управления внутренних дел; Управление Читинским уездом; Забайкальское областное Управление государственной охраны; Читинская конвойная команда; Управление Линейной стражи Забайкальской железной дороги; Читинское отделение Линейной стражи Забайкальской железной работы; Отдельная телеграфная рота; Прокурорский надзор Читинского областного суда; Государственный банк; Окружной Земельный отдел; Управление торговли и промышленности; Инвалидный дом и др. [5, л. 15–20; 25; 45; 53; 74; 86; 105; 110; 120].

Отметим, что часть списков отпечатана на печатной машинке, часть представлена в рукописном виде, что создает определенные трудности при работе с источником, поскольку почерк автора не всегда позволяет доподлинно точно восстановить текст.

Были учреждения, служащие которых отказались от эвакуации в полном составе или согласились на это единицы. Так, таковых не оказалось в Забайкальском областном Контроле, а в железнодорожном контроле был только один человек [Там же, л. 66, 93].

Приведенный перечень дает нам структуры, которые в исторических научных исследованиях, на сегодня, встретишь редко, либо вообще не встретишь, что дает повод пересмотреть взгляд на историю правительственных учреждений Забайкальской области в начале XX в. или, по крайней мере, ее дополнить.

В одном из ходатайств на имя Начальника Управления Внутренними делами Российской Восточной Краины, отмечалось, что в списках на эвакуацию из Читы служащих и их семейств, изъявивших желание выехать в Хайлар, отмечены те, кому «... в виду их прежней деятельности действительно угрожает опасность со стороны красных...» [5, л. 117].

Наряду со служащими государственных учреждений г. Читы ряд руководителей вписывал в списки желающих эвакуироваться служащих учреждений иных населенных пунктов страны, которые отступая с белогвардейскими частями, волею судьбы, оказались в Чите. Таковым, к примеру, являлись служащие Омского отделения Государственного банка. При этом если служащих Читинского отделения гос. банка было всего 7 чел. и членов их семей 16 чел., то Омское отделение было представлено 6 членами, 5 сопровождавшими ценности, 1 офицером и 19 нижними чинами охраны [Там же, л. 110]. В Чите были служащие Осведомительного отдела из Омска с семьями [Там же, л. 105].

Интересным представляется заявление на эвакуацию Помощника Заместителя Управляющего Уфимской губернией С. И. Воронцова, который находясь в Чите, был зачислен в число чиновников резерва Министерства внутренних дел. Написано на имя начальника Управления внутренними делами Дальнего Востока. С одной стороны оно показывает, что в Чите «осело» множество служащих из самых разных регионов Российской империи, с другой, что эвакуация проходила не только по спискам, представленным руководителями правительственных учреждений, но и по заявлениям частных лиц, бывших служащими ранее [Там же, л. 44]. Существуют и иные отдельные заявления частных лиц, которые

имели то или иное отношение к государственным структурам [Там же, л. 50].

Некоторые правительственные учреждения г. Читы не включали в список приписанных к ним служащих из иных населенных пунктов Российской империи (эвакуированных в Читу). Так было с Сибирским казачьим войском. В одном из писем его атаман отмечал, что не включил в список на эвакуацию семей чинов Войскового Осведомительного отдела и просил принять их в подведомственность Помощника по гражданской части Главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской Восточной Краины [Там же, л. 105].

Отметим, что первоначально представленные от некоторых правительственных учреждений списки, готовых к эвакуации служащих правительственных учреждений и членов их семей, со временем дополнялись новыми именами [Там же, л. 46].

Часть учреждений предоставила списки имущества, подготовленного к вывозу. Так, Читинское отделение уголовного розыска сообщало Начальнику Управления Внутренних дел Российской Восточной Краины России, что вывозу подлежал следующий груз: интендантское имущество, вооружение, снаряжение, вещественные доказательства по уголовным делам и канцелярия. Интересны данные по имуществу, которое требовалось вывозить из Читинского отделения Государственного банка. Согласно списку это: – вклады на хранении; – переходящие ценности; – оплаченные купоны и ценные бланки. Располагавшееся в помещениях Читинского отделения гос. банка Омское отделение, согласно спискам, должно было вывезти: – вклады на хранении; – переходящие ценности; – оплаченные купоны; – векселя; – разные обязательства; – ветхие денежные знаки; – бумагу с водяными знаками для изготовления денежных знаков [Там же, л. 24, 110].

Читинский областной суд определил к вывозу 10 пудов дел о службе личного состава, канцелярии, Мировых Судей и судебных следователей, 25 пудов крепостных реестров, алфавитных, запретительных и разрешительных книг по Нотариальному архиву, ценного казенного имущества

по Регистрационному отделу, 30 пудов денежных документов, марок и ценных вещественных доказательств [5, л. 79].

Забайкальский областной тюремный инспектор определил к вывозу: железную кассу с деньгами и документами, 55 трехлинейных винтовок и 878 патронов к ним, 5 «берданок» и 2250 патронов к ним, 70 револьверов и 2608 патронов к ним, арестантские полушубки, провиант и т. д. [Там же, л. 82].

Некоторые документы дают представление о количестве необходимых железнодорожных вагонов для эвакуации. Только по одному из управлений (по рапорту не понятно какого) «Для эвакуации казенного имущества и семейств чинов...» требовалось 10 «теплушек» и два крытых товарных вагона [Там же, л. 7]. Аналогичное количество вагонов требовалось для эвакуации Линейной стражи Забайкальской железной дороги [Там же, л. 24].

При общем количестве различных учреждений, для эвакуации требовалось значительно число составов, которые в итоге встали «пробкой» перед российско-китайской границей.

Таким образом, начало 1920 г. вписано для г. Чита и всего Забайкалья печальной страницей. Начался путь на чужбину значительного количества бывших подданных Российской империи, в числе которых немало было и уроженцев самого Забайкалья. Сопровождалась эмиграция трудностями технического характера. Речь идет о самой процедуре выезда, когда регион должно было покинуть одновременно значительное

количество человек. К этому не были готовы железные дороги.

Наряду со сказанным, можно выделить и иные сложности, которые предопределили трудности существования эмигрантов в Китае. Личный состав белогвардейских частей уходил с наличием минимальных финансовых средств.

Если предположить, что в анализируемом деле фондов Государственного архива Российской Федерации содержатся не все списки служащих правительственных учреждений и члены их семей в г. Чита, а также находящиеся там в эвакуации и не все личные заявления бывших служащих, находившихся, к примеру, в резерве правительственных учреждений, то общее количество эвакуировавшихся в Китай в 1920 г. из Читы бывших подданных Российской империи, представляется значительным. Серьезным видится и необходимый объем представляемых железной дорогой мощностей (вагонов и перевозных возможностей). На сегодня данная тема практически не изучена. Требуется серьезная работа с архивными документами. Только в этом случае появится возможность воссоздания наиболее полной картины эвакуации в Китай российских подданных из Читы накануне создания Дальневосточной республики.

На сегодня не до конца ясно, какие документы, все же, были вывезены в Китай из Читы, как и то, сохранились ли они на новом месте. Это отдельная тема для исследования.

Источники и литература

1. Баранова А. С. Образование Дальневосточной Республики // Бизнес в Законе. Экономико-юридический журнал. – 2015. – № 3. – С. 30–31.
2. Белоглазова С. Б. Политика Дальневосточной республики в сфере образования // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. – 2018. – Т. XVIII, № 2. – С. 111–123.
3. Временное положение о вывозе на счет казны, по военным обстоятельствам, государственного имущества, правительственных учреждений, служащих и их семейств. – Пг.: [б.и.], 1914. – 16 с.
4. Залеская О. В. Концепция культурно-национальной автономии в Дальневосточной республике // Россия и АТР. – 2009. – № 3. – С. 132–141.
5. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). – Ф. Р-8404. – Оп. 1. – Д. 9.
6. Саблин И. Дальневосточная республика. От идеи до ликвидации. – М.: Новое литературное обозрение, 2020. – 480 с.
7. Сонин В. В. Высшие органы государственной власти Дальневосточной республики (по Конституции 1921 года) // Гуманитарные исследования в восточной Сибири и Дальнем Востоке. – 2013. – № 5. – С. 88–93.

8. Сонин В. В. Становление Дальневосточной республики (1920–1922 гг.). – Владивосток. Изд-во ДВГУ, 1990. – 352 с.

9. Тарасов А. П. Забайкалье и Китай: опыт анализа международных. – Чита: ЗабГУ, 2003. – 432 с.

10. Чапыгин И. В. Казачья эмиграция в Китае. – Иркутск: ИГУ, 2015. – 172 с.

11. Чапыгин И. В. Трехречье – район казачьего расселения русской эмиграции на северо-востоке Китая (1920–1945 гг.) // Сибирь в контексте российских перемен: исторический опыт, традиции и проблемы современности: материалы регион. науч.-практ. конф., посвящ. памяти профессора В. И. Дулова. – Иркутск: ИГПУ, 2005. – С. 169–171.

УДК 93/94
ББК 63.3(2)61

Владимир Иванович Косых,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

Чита – Харбин: контакты между Забайкальским епархиальным советом и епископом Мелетием (1920–1922 гг.)

Статья посвящена истории взаимоотношений Забайкальского епархиального совета и эмигрировавшего в Харбин епископа Забайкальского и Нерчинского Мелетия в период Дальневосточной республики. Отсутствие викария заставило епархию поддерживать контакт с архиереем, оставшимся епархиальным епископом, имевшим полномочия решать «болевые» вопросы.

Ключевые слова: совет, епархия, епископ, собрание, резолюция, решение, Чита, Харбин, верующие, клирики

27 июля 1920 г. Епископ Мелетий поставил епархиальный совет в известность о своем отъезде в Харбин, оставляя епархию даже без викарного епископа, способного бы взять на себя известные полномочия епархиального архиерея. Этот отъезд епископа Мелетия вызвал недовольство делегатов епархиального собрания 1921 г., поскольку причин к тому не имелось, равно как и к его возвращению в Читту, чего ожидали епархиальный совет, клирики, паства [3, л. 4, 6 об., 7].

В Харбине епископ Мелетий нашел приют на подворье Пекинской миссии, получив назначение от епископа Иннокентия на пост наблюдателя за делами подворья [1, с. 53, 70]. Забайкальский епархиальный совет поддерживал связь с Харбином посредством железной дороги, направляя архиерею заранее подобранные документы, которые с резолюциями епископа Мелетия возвращались в Читту. Вопросы касались, проблемы снятия клириками с себя сана, открытия и закрытия храмов, подготовки кадров для причтов, материального обеспечения последних и др. [2, л. 103–103 об., 245–245 об.].

Епархиальное собрание 1921 г. на заседании 4 июля обсуждало вопрос о размере жалования епископу Мелетию, если он возвратится в Россию. Оно остановилось на сумме 3000 руб. в год серебром, еще 360 руб. серебром обещалось отпустить на нужды архиерейского дома [3, л. 51].

Собрание 1921 г. шло с 27 июня по 5 июля, епископ Мелетий знал о нем из протоколов. 27 июля епархиальный совет направил в Харбин отчет «О состоянии веры и благочестия в епархии, о мерах к духовно-нравственному подъему населения Забайкальской епархии». Совет также подготовил ряд вопросов, которые мог решить только епархиальный архиерей.

1. В делах об упразднении домовых церквей Министерство просвещения ДВР требовало убрать святой престол и иконостас из здания епархиального женского училища (в нем сейчас размещалась партийная школа). В случае неисполнения этого требования Министерство просвещения грозило своими силами это сделать, возлагая материальную и нравственную ответственность на епархиальный совет». Возможность при-

ведения такой угрозы в реальность епархиальный «из нарушения престолов и иконостасов здания учительской семинарии, прихода Братства св. Кирилла и Мефодия, духовной семинарии и нарушения престола церкви св. Петра и Павла на даче Архиерейской».

2. В удовлетворении ходатайствовать о рукоположении священно-церковнослужителей в следующий сан.

3. В преподавании церковного благословения разведенным гражданским судом и желающим вступить в церковный брак.

4. В разрешении совершения литургий в домах, часовнях и на открытом воздухе на антиминых приходских и приписных храмов или бывших в употреблении, но возвращенных о. ключарю».

5. О замещении священнослужительских мест, которых к концу сентября 1921 г., по сведениям епархиального совета, оказалось 30 священнических и 5 диаконовских.

6. «В устранении нарушений правильности приходской жизни священниками, вторгающимися в чужие приходы (о. Е. Г. Назаренко, Г. Корелин, В. Сухановский, Иоанн Пономарев и т. п.).

7. «В удовлетворении ходатайств о снятии епитимьи после двухлетнего отнесения ее».

8. «О снятии запрещения с священнослужителей и наложения такового или даже лишения сана лиц, действующих во имя революции в церкви и т. п.».

9. «В осуществлении архипастырского душепопечения вообще».

Епископ Мелетий 16 июля 1921 г. ответил следующей резолюцией: «3/16 июля 1921 г. по 1-му п. смотри резолюцию из журнала Епархиального совета 17 февраля 1921 г. № 38. По 2-му п. Представить список лиц, изъявивших желание принять священный сан, со сведениями из послужного списка и указанием приходов. По 3-му п. О порядке снятия церковного благословения сделано особое предложение Епархиального Совета (послано с Митрофановым). 4 п. Разрешается служение литургий в часовнях, частных домах и даже на открытом воздухе, на антиминых приходских церквей, где нет

запасных, но только по действительной нужде, и с самым соблюдением всех предосторожностей, подобающих святине». 6 п. «Предоставить следственные дела». 7 п. «Дано предложение Епархиальному Совету». 8 п. «Представить дела с решением Епархиального Совета». 9 п. «Призываю Божие благословение на всех, находящихся в ограде Христовой и ищущих спасения души».

Епархиальному Совету архиерей предложил 19 июля 1921 г. следующее:

«1. На время моего выезда из Читы Епархиальному Совету предоставляется снятие церковной епитимьи с лиц, относивших таковую с лиц, относивших таковую в течение двух лет, и представивших при прошении соответствующее удостоверение духовника».

Желающие снять с себя церковное благословение, разведенные гражданской властью «должны в прошении своем указать причину расторжения брака, признаваемую законной церковными установлениями, приложив к прошению метрическую выпись о бракосочетании, или заменяющий ее документ, удостоверение двух свидетелей о том, что указываемая в прошении причина действительно существует и о том же удостоверение приходского священника.

По получении всего вышеизложенного от епископа Мелетия из Харбина, Епархиальному Совету надлежало заслушать дело, определить свое решение по нему и выдать свидетельство о вступлении в брак или отказывает, применяясь к постановленному решению».

Что касается усиления проповеднической деятельности в епархии, тут епископ Мелетий благословил настоятелей приходских церквей «пригласить к проповеди за богослужениями и вне богослужений мирян, отличающихся благочестивой жизнью и любовью к церковному благовестию, под своим непосредственным руководством и ответственностью» [5, с. 4].

Епархиальный съезд духовенства и мирян 1922 г. прошел 23 июня – 3 июля в Чите. До того времени в Забайкальской епархии произошло экстраординарное событие. 15 марта патриарх Тихон и Синод

приняли решение о назначении протоиерея С. Старкова по принятии монашества епископом Селенгинским и поручения ему управления Забайкальской епархией до возвращения епископа Мелетия в Читу, о чем Забайкальский епархиальный совет известил телеграммой.

21 апреля архимандрит Софроний наречен в Харбине в епископа Селенгинского, викария Забайкальской епархии, 23 апреля состоялась его хиротония во епископа. Управлять епархией он будет с апреля 1922 г. по март 1924 г. Епископ Мелетий поддержал протоиерея, постоянно поддерживая связь с Читой. Два сотрудника епархии (Митрофанов и неизвестный) постоянно курсировали между Читой и Харбином со служебными бумагами, почему епархиальное собрание 1921 г. на проездные и суточные «испросило» им 250 руб. золотом [3, л. 21].

Епархиальное собрание 1922 г. (23 июня – 3 июля) и епископ Мелетий, по признанию делегатов, общались между собой «по преимуществу телеграфно» [4, л. 11 об.].

Материалы собрания архиерею из Читы по-прежнему доставляли в Харбин, с которыми он ознакомился, вероятно, 20 июля, на следующий день он уже сопровождал их своими резолюциями-комментариями (последний документ епархиального собрания датирован 3 июля 1921 г.). После возвращения документов в Читу они изучались членами епархиального совета, направлялись викарному епископу Софронию и с его резолюциями трансформировались в указы совета по приходам епархии.

Естественно, епископа Мелетия интересовало все в жизни Забайкальской епархии: ее состояние в условиях существования в ДВР, постепенно втягиваемой в состав РСФСР, взаимоотношения ее с властями различного уровня, будь то нарревкомы, волостные, сельские советы, уездные комитеты, воинские части НРА ДВР, духовенства и прихожан, уровня материального обеспечения причтов.

Архиерея волновали факты закрытия церквей, выселения клириков из причтовых домов, используя последние местными властями в своих целях. Остро стоял в епархии и вопрос распространения в Республике религиозного нигилизма, возводившийся властями на местах в абсолют. Беспокоило епископа Мелетия закрытие в епархии властями духовно-учебных заведений, которые епископ Софроний в известной степени пытался минимизировать открытием пастырско-псаломщического училища. Требовалось сохранить имущество закрытых духовно-учебных заведений, равно как и упраздненных храмов, повысить уровень религиозно-нравственного воспитания населения епархии, усилении пропагандистской работы в приходах. Он уделял заметное внимание благотворительно-попечительской работе в епархии, в частности, помощь голодающему населению РСФСР и ДВР и др. [4, л. 27, 32 об., 33, 38, 48, 51]. Общение епископа Софрония и епархиального совета с епископом Мелетием закончилось в конце 1923 г. после второго ареста викария властями СССР в декабре 1923 г.

Источники и литература

1. Баконина С. Н. Церковная жизнь русской эмиграции на Дальнем Востоке в 1920–1931 гг. На материалах Харбинской епархии. – М.: Литагент «ПСТГУ», 2014. – 450 с.
2. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). – Ф. Р-422. – Оп. 2. – Д. 26.
3. ГАЗК. – Ф. Р-422. – Оп. 2. – Д. 558.
4. ГАЗК. – Ф. Р-422. – Оп. 2. – Д. 689.
5. Епархиальная хроника // Забайкальский церковно-общественный вестник. – Чита. – 1921. – 25 сентября. – С. 4.
6. За Христа пострадавшие: памяти жертв гонений на Русскую православную церковь в Забайкалье / Н. Н. Волнина, О. А. Леонова, Н. А. Прокофьева, Т. Л. Шильникова. – Чита: Непомнящих С. Я., 2018. – 175 с.

Национальная политика Дальневосточной республики по отношению к китайским и корейским рабочим

В статье анализируется национальная политика Дальневосточной республики по отношению к национальным меньшинствам, на примере китайцев и корейцев, через изучение Конституции ДВР, закона «Об автономии национальных меньшинств», циркуляров Дальбюро ЦК РКП и периодической печати того периода.

Ключевые слова: Дальневосточная республика, национальные меньшинства, национальная политика, китайские, корейские рабочие

Изучение истории Дальневосточной республики представляется на данный момент достаточно актуальным. Решение же национального вопроса, поиск наиболее эффективных форм государственной политики, создание комфортных условий проживания для национальных меньшинств было крайне важно как в дореволюционный период, так и на современном этапе формирования гражданского общества. Также крайне остро и актуально стоял этот вопрос и в период существования уникального государства – Дальневосточной республики. Данная тема нашла отражение, как в научных публикациях, так и диссертационных исследованиях О. В. Залесской, Г. П. Ким, Т. А. Орнацкой, Ю.Н Ципкина, Ф. В. Попова, С. Б. Раднаевой, Ж. Г. Сон и др. [3, 5, 6, 8–11].

По данным С. Б. Раднаевой в ДВР проживало более 80 национальностей и этнических групп из них: корейцев не менее 700 тыс., из них 60 тыс. – русскоподданные, китайцев до 10 тыс. [9, с. 71]. И отношения с этой достаточно многочисленной группой были крайне неоднозначны и требовали правового урегулирования.

Так в газете «Уссурийское слово» от 4 октября 1921 г. есть заметка о столкновении большевиков и корейцев. Произошло оно 21 сентября на читинском вокзале, корейский отряд (около 500 чел.) из г. Алексеевска, предназначенный для отправки в иркутский район для подавления восставших казаков отказался выполнять задание командования. В результате к железнодорожному вокзалу были стянуты

отборные части, и выступление было подавлено [12, с. 169].

Правительство ДВР активно старалось привлечь национальные меньшинства на свою сторону. Дальневосточное бюро коммунистов в Чите в огромном количестве распространяло агитационную коммунистическую литературу среди корейцев. Также для них издавались особые приказы, дававшие различные льготы и преимущества, особенно для добровольцев (большие оклады, улучшенное питание), жалование выдавали валютой [1, с. 170]. И эти меры возымели свое действие, многие китайцы и корейцы поддержали советскую власть и вступили в ряды Красной Армии и партотряды.

В апреле 1921 г. была принята Конституция ДВР, где в отделе V прописывалось положение о национальных самоуправлениях. По ней всем туземным народностям и национальным меньшинствам предоставлялось право на широкое самоопределение, национальным меньшинствам – культурно-национальная автономия. Языком национально-культурных автономных объединений являлся язык данной национальности: украинский, еврейский (идиш), корейский, татарский и т. д. [7]. Предполагалось и финансирование соответствующим потребностям, из общегосударственных средств.

Вопросы национальной политики в новом государстве решало образованное в 1921 г., Министерство по национальным делам ДВР, так же заседания Дальбюро ЦК РКП(б), партийных конференциях и пленумах.

Например, 10 апреля 1923 г. вышел циркуляр Дальбюро ЦК РКП № 16 о поддержке бывших партизан и красноармейцев китайской и корейской национальности. В нем говорилось о том, что китайские и корейские рабочие, добровольно вступившие в ряды Красной Армии и партотряды боролись на всех фронтах с Деникиным, Колчаком, Юденичем, японскими интервентами, Семеновым и т. д., и после сокращения армии и роспуска партотрядов очутились «без крова и куска хлеба». Оказавшись без работы и находясь в полуголодном состоянии, не получают защиты ни в профессиональных, ни в советских органах власти. Милиция, считая их иностранцами, по всем вопросам отправляла в консульства и национальным обществам, которые были негативно настроены к новой власти, при том, что они не имели национальных паспортов, часто ставило их в безвыходное положение. Дальбюро ЦК РКП призвало более внимательно относиться к бывшим партизанам и красноармейцам, и поддержать следующими мерами:

- виды на жительство выдавать бесплатно на основании документов, удостоверяющих службу в партотрядах или в рядах Красной Армии, минуя национальные общества и консульства;

- получать российское гражданство без предъявления национального паспорта и без уплаты гербового сбора;

- содействовать в получении работы наравне с русскими рабочими и т. д. [14, с. 256–257]. Данное решение было разослано во все ревкомы [15, с. 257].

В марте 1923 г. правительство ДВР издало закон «Об автономии национальных меньшинств». По Закону национальным меньшинствам, соответственно и китайцам, и корейцам, населяющим территорию ДВР, предоставлялось право национально-культурной автономии, свобода социально-культурной жизни на началах национального самоуправления, для чего они могли образовывать автономные национальные сою-

зы, это касалось как граждан ДВР, так и лиц состоявших в иностранном гражданстве. Однако все члены союзов, обязательно должны были вноситься в так называемый национальный кадастр, для иностранцев составлялись особые именные списки. Эти списки были доступны, и каждый гражданин при помощи письменного обращения мог быть включен или исключен из этих списков.

Национальные союзы подчинялись Министерству по национальным делам и представляли членов союза в государственных и общественных учреждениях республики, защищали права национального языка, организовывали дошкольное воспитание, школьное и внешкольное образование, обеспечивали работу национальных учреждений искусства, театров, студий, выставок, музеев и т. д. Вели учет рождений, смертей, бракосочетаний и разводов.

Высшим органом было Национальное Собрание, которое избиралось всеми членами союза, достигшими 18 лет. Высший исполнительный орган – Национальный Совет. Бюджет союзов формировался из «обложения членов» и из общегосударственных средств ДВР.

Корейской народности, как и украинской, еврейской, тюрко-татарской предоставлялось право на автономное устройство своей национально-культурной жизни. Остальным, осуществления права на самоуправление, необходимо было подать подписанное 500-ми гражданами заявление (к заявлению прилагался поименный список с точным адресом проживания).

Таким образом, можно сделать вывод, что национальная политика ДВР в целом, и в отношении китайцев и корейцев в частности, была довольно противоречивой и не всегда последовательной. Однако национальные меньшинства отстаивали свои права, что было закреплено в Конституции ДВР. После объединения ДВР и Советской России этот вопрос решался нормами законодательства РСФСР.

Источники и литература

1. Корейцы на российском Дальнем Востоке (1917–1923 гг.): документы и материалы. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2004. – С. 169–170.
2. Закон Дальневосточной Республики «Об автономии национальных меньшинств» // Корейцы на российском Дальнем Востоке (1917–1923 гг.): документы и материалы. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2004. – С. 246–250
3. Залеская О. В. Концепция культурно-национальной автономии в Дальневосточной республике. – Текст: электронный // Россия и АТР. – 2009. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-kulturno-natsionalnoy-avtonomii-v-dalnevostochnoy-respublike> (дата обращения: 18.10.2020).
4. Инструкция по применению циркуляра отдела управления Дальревкома № 31/с от 13 апреля 1923 г. // Корейцы на российском Дальнем Востоке (1917–1923 гг.): документы и материалы. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2004. – С. 268–269.
5. Ким Г. П. Корейская диаспора России в контексте государственной национальной политики. – Текст: электронный // Известия Самарского научного центра РАН. – 2011. – № 3–1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/koreyskaya-diaspora-rossii-v-kontekste-gosudarstvennoy-natsionalnoy-politiki> (дата обращения: 18.10.2020).
6. Орнацкая Т. А., Ципкин Ю. Н. Отношения Дальневосточной республики с Китаем (1920–1922 гг.) // Россия и АТР. – 2007. – № 3. – С. 17–26.
7. Основной закон (конституция) Дальне-Восточной республики: утв. Учредит. собранием Дальнего Востока 27 апр. 1921 г. – Владивосток: [б. и.], 1921. – 23 с. – URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01009060125#?page=1> (дата обращения: 18.10.2020). – Текст: электронный.
8. Попов Ф. В. Закрытие российского посольства в Китае в контексте политико-идеологической борьбы на Дальнем Востоке России (1920). – Текст: электронный // История: факты и символы. – 2016. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakrytie-rossiyskogo-posolstva-v-kitae-v-kontekste-politiko-ideologicheskoy-borby-na-dalnem-vostoке-rossii-1920> (дата обращения: 18.10.2020).
9. Раднаева С. Б. Автономии национальных меньшинств Дальневосточной республики (1920–1922-е годы). – Текст: электронный // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 32. – С. 71–75. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/avtonomii-natsionalnyh-menshinstv-dalnevostochnoy-respubliki-1920-1922-e-gody-1> (дата обращения: 18.10.2020).
10. Раднаева С. Б. Национальная политика Дальневосточной республики (1920–1922 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Улан-Удэ, 2010. – 24 с.
11. Сон Ж. Г. Корейцы Дальнего Востока в системе межэтнических отношений Союза ССР. 1920–1930-е годы: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – М., 2009. – 29 с.
12. Столкновение между большевиками и корейцами // Уссурийское слово. – 1921. – 4 октября // Корейцы на российском Дальнем Востоке (1917–1923 гг.): документы и материалы. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2004. – С. 169.
13. Тезисы по корейским вопросам, требующим немедленного разрешения // Корейцы на российском Дальнем Востоке (1917–1923 гг.): документы и материалы. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2004. – С. 258–260.
14. Циркуляр Дальбюро ЦК РКП № 16 о поддержке бывших партизан и красноармейцев китайской и корейской национальности // Корейцы на российском Дальнем Востоке (1917–1923 гг.): документы и материалы. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2004. – С. 256–257.
15. Циркуляр отдела управления Дальревкома о содействии корейцам и китайцам, проходившим службу в партизанских отрядах и Красной Армии // Корейцы на российском Дальнем Востоке (1917–1923 гг.): документы и материалы. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2004. – С. 257–258.

*Наталья Николаевна Радченко,
Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова,
Институт гуманитарных исследований и
проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск, Россия*

Большевики и левые эсеры в Якутской области в 1919–1920 гг.

В статье рассмотрена история деятельности большевиков и левых эсеров в Якутии в 1919–1920 гг. Якутская область находилась в 1919 г. под властью А. В. Колчака, местный комитет партии социалистов-революционеров подвергся гонениям. Созданная в 1919 г. подпольная большевистская группа в союзе с левыми эсерами осуществила переворот, в ходе которого была восстановлена Советская власть. Сотрудничество большевиков и левых эсеров в органах власти продлилось до июня 1920 г., когда в области началось становление советской политической системы.

Ключевые слова: большевики, коммунисты, левые эсеры, гражданская война, Якутская область, революционный штаб, ревком

История гражданской войны в Якутии имела свои особенности в силу удаленности от центра, малодоступности транспортной инфраструктуры. Важную роль в событиях революции и гражданской войны играли политические партии. В Якутской области в этот период действовали местные организации эсеров, социал-демократов (большевики и меньшевики), кадеты, федералисты. Представители социалистических партий приняли активное участие в смене власти в марте 1917 г., летом сложился блок эсеров и федералистов. После омского переворота местные органы власти признали А. В. Колчака законным правителем России и выполняли его распоряжения. Однако, как и в других регионах Сибири в 1919 г. в Якутии началось подпольное движение против колчаковского режима, большевики и левые эсеры сыграли решающую роль в декабрьском перевороте и восстановлении Советской власти в области. В связи с этим, большой интерес вызывают исследование деятельности представителей этих партий в 1919–1920 гг., изучение отношений между организациями, выявление их роли в событиях, связанных с падением колчаковщины, становлением Советской власти в Якутии.

Деятельность большевиков и левых эсеров в Якутии в 1919–1920 гг. рассматривалась в научных трудах таких историков, как Г. Г. Макаров [5], Е. Е. Алексеев [1], В. И. Федоров [9], Н. Н. Радченко [7].

Источниками исследования являются документы Национального архива Республики Саха (Якутия), периодическая печать, материалы газет «Голос социалиста», «Голос труда», «Известия Якутского Революционного штаба Красной Армии».

История деятельности большевиков и эсеров в Якутии началась в дореволюционный период, в области отбывали ссылку многие известные революционеры. В Якутской области действовала объединенная организация РСДРП, состоявшая из политссыльных. В нее входили такие известные большевики, как Ем. Ярославский, Г. К. Орджоникидзе, Г. И. Петровский. Ем. Ярославский вел активную работу среди якутской молодежи, часть которой благодаря ему приобщилась к идеям марксизма, из их числа вышли основатели якутской государственности М. К. Аммосов, П. А. Ойунский, С. М. Аржаков, И. Н. Барахов. Социал-демократы приняли активное участие в революционных событиях марта 1917 г., создании новых органов власти. Численность большевиков и меньшевиков в Якутии была немногочисленна, поэтому они действовали сообща, и вплоть до 1918 г. существовала объединенная организация РСДРП.

Довольно многочисленной была эсеровская ссылка в Якутии. Эсеры также сыграли важную роль в устранении царской администрации и создании Якутского ко-

митета общественной безопасности. Как и во всей крестьянской России, программа партии эсеров в 1917 г. нашла себе много сторонников и в Якутии. Эсеры вступили в союз с представителями национальной интеллигенции, сотрудничали с Якутским трудовым союзом федералистов.

Октябрьская революция 1917 г. не привела к установлению Советской власти в Якутии. У власти находился эсеро-федералистский блок, известия об Октябрьской революции были восприняты враждебно, события в Петрограде расценивались, как большевистская авантюра, дни которой сочтены. До лета 1918 г. местные власти находились в ожидании падения большевиков, не признавая той власти, которая занимала центральное положение в стране. В июле 1918 г. Советская власть была установлена в Якутске с помощью красноармейского отряда под командованием А. С. Рыдзинского, но продержалась всего лишь месяц.

При А. В. Колчаке, политическим лозунгом режима которого была внепартийность, деятельность партий стала менее активной. В Якутской области продолжала свою работу местная организация социалистов-революционеров, возрожденная по инициативе группы рабочих эсеров, члены которой придерживались левых взглядов. Они издавали собственную газету «Голос труда». Печатный орган эсеров критически относился к А. В. Колчаку [8].

В 1919 г. публикации в газете «Голос социалиста» демонстрировали готовность к революционной борьбе во имя социализма, в статьях отмечалось, что между левыми эсерами и большевиками гораздо больше общего, чем между социалистами и буржуазными кругами или белыми, стремившимися к восстановлению старых порядков. Эсеры и большевиков сближали общая идеология, приверженность идеям социализма. Авторы публикаций в «Голосе социалиста» ссылались в своих статьях на мнение К. Маркса, называемого «нашим учителем» [2, с. 1].

Эсеры знакомили якутян с ситуацией в Сибири по материалам периодической печати, в газете «Голос социалиста» печатались сообщения о тяжелом положении

рабочих, о закрытии демократических органов печати, о жестокостях властей по отношению к революционерам. Так, например, со ссылкой на журнал «Сибирский печатник» опубликовано известие из Читы о том, что «из числа выпоротых мастеровых литейного цеха Читинских мастерских умерло трое» [Там же, с. 2].

В феврале 1919 г. в Якутске впервые была создана отдельная большевистская группа. На квартире Ф. Я. Лебедева прошло подпольное собрание инициативной группы, на котором присутствовало около десяти человек и было принято решение создать большевистскую организацию, а также начать подготовку к восстановлению Советской власти [10, с. 34]. Второй подпольный центр сторонников большевиков сложился в тюрьме, в него входили С. М. Аржаков, Х. А. Гладунов, В. Д. Котенко. В октябре 1919 г. сформировался большевистский комитет в Якутске.

Оппозиционный настрой Якутского комитета партии социалистов-революционеров по отношению к правительству А. В. Колчака и местным властям привел к репрессиям против местных эсеров. В начале апреля была закрыта эсеровская газета «Голос социалиста», а 18 апреля 1919 г. возбуждено уголовное дело против Якутского комитета партии эсеров. Велось дело бывшими соратниками по партии, которые не смогли обнаружить виновных в городе с населением в семь тысяч человек, и спустя полгода следствие было прекращено.

Левые эсеры установили контакты с большевиками, ведущими подготовку к восстанию. Был создан штаб по подготовке к вооруженному восстанию, в который входили представители двух партий. Левые эсеры предлагали отложить восстание до смены власти в Иркутске, большевики запланировали выступление на 18 декабря. Однако, как часто бывает в преддверии смены власти, восстание началось раньше, по инициативе фронтовика Н. Т. Романченко, спровоцировавшего солдат местного гарнизона на выступление против колчаковских властей. В ночь на 15 декабря 1919 г. солдаты захватили тюрьму, взяли телефонную станцию и те-

леграф, арестовали руководителей области, и таким образом, в Якутске, даже раньше, чем в Иркутске была восстановлена Советская власть. После переворота власть перешла к Военно-революционному штабу Красной армии в главе с большевиком Х. А. Гладуновым.

Якутская организация эсеров после переворота продолжила свою деятельность и вошла в состав Сибирской группы левых социалистов-революционеров [4, с. 2]. 7 марта 1920 г. возобновилось издание печатного органа эсеров – газеты «Голос труда».

До лета 1920 г. продолжалось сотрудничество якутских коммунистов и левых эсеров, проводили совместные заседания. Так, например, объединенное заседание двух комитетов якутских коммунистов и левых эсеров созвало 4 марта 1920 г. конференцию по вопросу об организации профессиональных союзов.

Левые эсеры поддержали большевиков в борьбе против колчаковщины, в Якутской области после переворота 1919 г. началось формирование органов Советской власти. В таких условиях якутские эсеры должны были определиться со своей политической позицией. В марте 1920 г. были получены известия из Иркутска о том, что на конференции Сибирской группы левых социалистов-революционеров было принято решение о том, что поскольку в настоящее время между коммунистами и левыми эсерами нет никаких идейных разногласий, обе организации должны слиться [3, с. 1]. В принятии такого решения в Иркутске немаловажную роль сыграл председатель конференции, в прошлом один из лидеров якутской рабочей группы эсеров Д. Ф. Клингоф. Однако якутские эсеры не последовали примеру сибирских соратников по партии, мотивируя свое решение тем, что до тех пор, пока ни принципы объединения с коммунистами, ни общая политическая платформа им неизвестны, подобный вопрос не может быть поднят в местной организации. На наш взгляд, весной 1920 г. якутские левые эсеры, принявшие участие в декабрьском перевороте вместе с коммунистами, еще не успели, в отличие от иркутян, до кон-

ца разобраться в политической ситуации в Советской России, большевистском курсе на однопартийную систему власти.

Первые полгода после декабрьского переворота в Якутии сохранялась переходная ситуация, коммунисты и левые эсеры были связаны общим опытом борьбы против режима А. В. Колчака. В связи с удаленностью Якутии, отсутствием связи в зимнее время, процесс организации Советской власти в регионе затягивался. Только 3 марта 1920 г. Сибревком назначил уполномоченным по организации Советской власти в Якутии М. К. Аммосова. Первое время руководство ситуацией в области осуществлялось им дистанционно, по телеграфу уполномоченным был распущен Ревштаб, создан временный губернский ревком, в который вошли Х. А. Гладунов (председатель), Т. З. Винокуров, М. И. Соловьев. Ревком сохранил коалиционный состав, его председатель являлся коммунистом, а члены – левыми эсерами.

Весной 1920 г. левые эсеры приложили много усилий к созданию профессиональных союзов, в которых видели основу Советской власти. В результате в мае в Якутске насчитывалось уже пятнадцать профессиональных объединений.

Накануне открытия летней навигации и ожидавшегося приезда партийных и советских работников, в конце апреля – начале мая была проведена регистрация членов якутской организации РКП(б). Численность коммунистов, активно участвовавших в жизни партии в этот период, составляла около пятидесяти человек [6, л. 2].

В начале июня 1920 года в Якутск приехал М. К. Аммосов с большой группой советских работников. Было создано Якутское районное (областное) оргбюро партии в составе председателя М. К. Аммосова, товарища председателя И. Н. Иванова (Баранова), секретаря Д. С. Жирковой, членов А. Ф. Попова, С. М. Аржакова. Прежняя партийная организация сразу же была распущена, после ее реорганизации осталось двадцать четыре члена и четыре кандидата в члены РКП(б) [5, с. 111].

В июне 1920 г. в Якутии началось складывание политической системы советского

типа, которая формировалась в стране после октября 1917 г. В соответствии с указаниями центральных партийных органов стала выстраиваться система партийных и советских органов. Одной из главных проблем этого периода стала нехватка опытных, подготовленных кадров, так как сторонников коммунистов в Якутии изначально было не так много.

В этот период практически завершилась и организованная партийная деятельность левых эсеров. 5 июня 1920 г. вышел последний номер газеты «Голос труда».

Таким образом, в период, когда Якутская область находилась под властью

А. В. Колчака, большевики и левые эсеры объединились и подготовили декабрьский переворот 1919 г., восстановивший в крае Советскую власть. Сотрудничество продолжилось во время переходного периода с декабря 1919 г. до начала июня 1920 г., когда практически не было связи с вышестоящими советскими и партийными инстанциями. Приезд руководящих работников в Якутск в начале июня привел к завершению коалиционного периода в истории Советской власти в Якутии, сотрудничество двух партий в органах власти и организованная политическая деятельность эсеров прекратились.

Источники и литература

1. Алексеев Е. Е. История национального вопроса в Республике Саха (Якутия) (февраль 1917 – 1941 г.). – Якутск: ИГИ АН РС(Я), 1998. – 320 с.
2. Голос социалиста. – 1919. – № 14. – 4 апреля.
3. Голос труда. – 1920. – № 3. – 21 марта.
4. Известия Якутского Революционного штаба Красной Армии. – 1920. – № 23. – 4 февраля.
5. Макаров Г. Г. Северо-Восток РСФСР в годы военной интервенции и гражданской войны и переход к новой экономической политике (1918–1921 гг.). – Якутск: Якут. кн. изд-во, 1988. – 304 с.
6. НАРС (Я) (Национальный архив Республики Саха (Якутия)). – Ф. П-1. – Оп. 1. – Д. 215.
7. Радченко Н. Н. Левые эсеры в Якутии // Актуальные проблемы социальных наук. – Якутск, 1998. – С. 27–30.
8. Радченко Н. Н. Эсеровская периодическая печать в Якутии в 1917–1919 гг. // Общество: философия, история, культура. – 2020. – № 8. – С. 80–84.
9. Федоров В. И. Якутия в эпоху войн и революций (1900–1919): в 2 кн. – Новосибирск: Гео, 2010. – Кн. 2. Якутия в эпоху войн и революций (1917–1919). – 356 с.
10. Чемезов В. Н. Из истории Якутской организации РКП(б) (8 февраля 1919 – 6 июня 1920 г.). – Якутск: Якуткнигоиздат, 1967. – 216 с.

Дальневосточная республика и казаки региона в 1920 г.

В статье впервые освещаются сложные вопросы взаимоотношений созданной весной 1920 г. Дальневосточной республики с казачеством Забайкалья, Приамурья и Приморья. Выделяются связи японских интервентов с руководителями казачьих войск (Семенов, Калмыков и др.), непосредственно влиявшие на деятельность «буфера» по недопущению столкновения с Японией Советской России.

Ключевые слова: *ДВР, Забайкальское, Амурское и Уссурийское казачьи войска, «атаманищина»*

В конце января – начале февраля 1920 г. власть адмирала Колчака и его приемников в Приморской и Амурской областях была свергнута. В марте 1920 г. войска Амурской области, включая части амурских казаков, и партизаны Восточного Забайкалья создали общий фронт для борьбы с Семеновым. В то же время положение Советской России продолжало оставаться сложным. Борьба с армиями Деникина, начало войны с Польшей и попытки белогвардейцев юга России добиться совместных с поляками действий в борьбе с Советами отвлекало ресурсы Советского правительства на запад. Эта ситуация и послужила толчком к созданию буферного государства на территории Дальнего Востока. Для предотвращения непосредственного столкновения с японскими интервентами Советской России было решено создать – Дальневосточную республику. Вопрос об организации республики решил Учредительный съезд трудящихся и партизан Забайкалья, который проходил с 28 марта по 8 апреля 1920 г., сначала в Бичуре, а затем в Верхнеудинске. 6 апреля съезд принял декларацию, провозгласившую образование Дальневосточной республики [2, с. 375–376]. Там же было избрано Временное правительство республики, во главе А. М. Краснощековым. 14 мая 1920 г. это Временное правительство ДВР было официально признано Советской Россией. Первоначально власть ДВР распространялась лишь на территорию западного Забайкалья, а в августе 1920 г. Исполнительный комитет Амурской области также принял решение подчиниться

Временному правительству ДВР. Между западной и восточной частями ДВР существовала так называемая «Читинская пробка», которую занимали семеновские и капеллевские части, а также японские войска. После этого власть ДВР распространилась практически от Байкала до Амура. Только Приморское правительство не признавало эту власть.

13 февраля 1920 г. Семенов объявил себя главнокомандующим всеми вооруженными силами Российской Восточной окраины (РВО). В феврале 1920 г. Семенов предпринял попытку к объединению с Временным правительством Приморской областной земской управы. Однако председатель Временного правительства А. С. Медведев отказался от такого сотрудничества. В Амурской области развернулась борьба за вывод японских войск, поддержанная значительной частью амурских казаков. Япония решила эвакуировать свою 14-ю дивизию из области. 19 марта последние эшелоны с японскими войсками покинули Амурскую железную дорогу.

В Амурской области началась ликвидация административно-хозяйственных структур АКВ. 25 февраля была создана комиссия по ликвидации бывшего войскового штаба. 27 февраля Исполком Амурской области образовал при Военном комиссариате казачий подотдел. В Уссурийском казачьем войске 21 февраля в Гродеково открылся войсковой съезд. Делегаты съезда объявили о ликвидации казачества и объединении его с крестьянами. Калмыков был лишен звания войскового атамана [3, с. 205]. Войсковое

правление было упразднено, а для управления войском избран Временный военно-революционный комитет (ВРК) [5, с. 50]. Делегаты потребовали немедленного вывода войск интервентов из пределов Дальнего Востока. 24 февраля съезд завершил свою работу. После окончания войскового съезда ряд станичных округов УКВ объявил о выходе из казачьего сословия.

В феврале-марте 1920 г. в Амурской области шла подготовка к созыву 8-го съезда трудящихся, который Областным исполкомом был объявлен высшим руководящим органом в пределах области. В подготовке съезда активное участие принимали и амурские казаки, одним из требований которых было проведение ликвидации амурского казачества без репрессий и насилий. Последнее объяснялось напряженным отношением между казаками и бывшими партизанами в области, которые сохранялись еще достаточно долго.

Съезд трудящихся Амурской области открылся 27 марта в Благовещенске. Он утвердил предварительное постановление совещания казаков – делегатов съезда – о снятии с себя звания казачества. Войсковые денежные средства и имущество было решено передать государству, а станичные округа переименовать в волости. Посланные в казачьи воинские части делегаты съезда сообщали, что казаки с энтузиазмом встретили решение съезда о ликвидации казачьего сословия.

Следует отметить значительное влияние на жизнь казачества в России и на Дальнем Востоке, в частности, прошедшего в Москве в конце февраля – начале марта 1920 г. Первого Всероссийского съезда трудовых казаков. Он признал советскую власть, объявил казачество неотъемлемой частью русского народа и избрал 18 представителей в состав казачьего отдела ВЦИК. Правительство Советской России в марте ввело в казачьих областях общие для казачьего и неказачьего населения органы власти. Ряд постановлений этого съезда был проведен и в дальневосточных казачьих войсках.

В Приморье власть принадлежала Временному правительству. 2 марта это пра-

вительство потребовало от Японии начать эвакуацию своих войск из региона. В Чите продолжал функционировать белый режим атамана Семенова, хотя подконтрольная ему территория постепенно уменьшалась. Так, в начале марта прибайкальские партизаны заняли Троицкосавск, центр первого военного отдела ЗКВ, который вышел из сферы влияния атамана. 11 марта из партизан Прибайкалья и Забайкальской группы советских войск была создана Народно-революционная армия (НРА).

В апреле в Забайкалье начались активные боевые действия, направленные на ликвидацию власти Семенова. Части НРА ДВР 10–13 апреля предприняли попытку наступления с целью овладеть Читой, но оно было отбито войсками Семенова при поддержке японских интервентов. В середине апреля 1920 г. началось наступление семеновских и японских войск в Восточном Забайкалье.

Семенов оценивал ситуацию на Дальнем Востоке весьма оптимистично. Подчеркивая свою значимость для Японии, он отмечал, что «белое» Забайкалье является заслоном для проникновения «большевистской заразы» в Японию, Корею и Маньчжурию и предполагал возможность создания «белого буфера» со столицей в Чите под своим руководством.

Необходимо отметить, что некоторыми областными правительствами продолжалась борьба за объединение Дальнего Востока под своей властью. Так, 20 апреля председатель Временного правительства Дальнего Востока Медведев высказал предположение об объединении всех областей Дальнего Востока вокруг Владивостока и не распространения на них влияния Советской России.

24 апреля на переговорах в Верхнеудинске представители китайского командования объявили о признании ДВР. В конце апреля – начале мая для ликвидации «Читинской пробки» Народно-Революционная армия предприняла второе наступление на Читу, однако и оно завершилось неудачей, поскольку активная помощь белогвардейцам была вновь оказана японской армией. В то же время действия НРА ДВР и партизан Забайкалья заставили

Кабинет министров Японии 4 мая 1920 г. принять решение о начале официальных переговоров с правительством ДВР. Японское правительство в ноте к Краснощекову сообщало о возможной эвакуации японских войск в зависимости от воссоединения всего Дальнего Востока под властью ДВР. Между тем Временное правительство Дальнего Востока 30 мая заявило о поддержке действий ДВР против Семенова, однако продолжало строительство «буфера» с центром во Владивостоке. Подобная борьба за власть на Дальнем Востоке безусловно сказывалась на настроении местного казачества, которое колебалось от признания Советов до восстановления власти атамана Калмыкова и походного атамана Семенова. В июне 1920 г. в Гродеково прибыл председатель войскового правительства УКВ Ю. А. Савицкий, который попытался восстановить прежние порядки в войске [4, с. 217–218].

В Амурской области продолжалась кампания по признанию правительства ДВР центральной властью на Дальнем Востоке. Амурское казачество поддержало вхождение области в состав ДВР и потребовало от Японии прекратить помощь Семенову и вывести свои войска с русской территории. К началу июня Семенов контролировал только часть территории Забайкальской области, где расквартировывались японские войска, однако и здесь широкой поддержкой среди населения Семенов не пользовался. Это было связано, в частности, с распространенными в семеновских войсках мародерстве, грабежах, что наносило огромный вред репутации атамана. Но Семенов продолжал попытки укрепить свое влияние. Он объявил, что все исходящие от него приказы будут именоваться приказами главнокомандующего всеми вооруженными силами и походного атамана всех казачьих войск Российской Восточной окраины.

19 июня Медведев обратился к руководству Амурской области с просьбой командировать представителей во Владивосток для совместного обсуждения политического положения. Однако правительство ДВР настаивало на проведении подобных переговоров в Верхнеудинске.

Сложной была ситуация в Уссурийском казачьем войске, где обстановка между противоборствующими сторонами накалилась до предела. В ряде станичных округов сторонники Савицкого смогли провести нужные им резолюции о признании власти атаманов Семенова и Калмыкова. Временное правительство Дальнего Востока во Владивостоке, продолжая курс на превращение города в столицу Дальневосточной республики, провело в начале июня 1920 г. выборы в Народное собрание Дальнего Востока (реально это было Собрание подконтрольных данному правительству областей региона). В работе Собрания приняли участие и представители уссурийского казачества. Однако объединить дальневосточные территории под эгидой Владивостока не удалось.

В начале июля правительство Японии объявило о выводе своих войск с территории Забайкальской области. Это подтолкнуло Семенова к переговорам с представителями Временного правительства Дальнего Востока с целью создания единой власти. Однако и эта инициатива закончилась неудачей. В контактах с японскими властями Семенов пытался убедить последние, что прекращение помощи японской армии его войскам может привести к губельным последствиям как для русских, так и для Японии. Однако подобные попытки также не принесли существенных результатов.

В целом на Дальнем Востоке продолжалась борьба за вывод иностранных войск и объединение региона под единой властью. 15 августа начальник 5-й японской дивизии объявил о начале эвакуации ее частей из Читы. Вывод японских войск вызвал негативную реакцию со стороны Семенова. Из Читы были эвакуированы семеновские военные структуры, а сам атаман выехал на станцию Оловянную. С отступлением японцев и семеновцев из Восточного Забайкалья сходы в казачьих станицах и поселках стали выносить резолюции о признании правительства ДВР. Большую работу по переходу казаков, находившихся на службе у Семенова на сторону ДВР, проводили представители центральных органов России. Так, 16 августа

по инициативе уполномоченного по казачьим делам в Восточной Сибири Пугачева-Путникова было проведено совещание революционных казаков из представителей Забайкальского, Амурского и Енисейского казачьих войск. Совещание должно было обратиться с просьбой к властям ДВР учредить в системе управления республики казачий отдел по примеру Советской России. На освобожденной от семеновцев территории Забайкалья шло формирование народно-революционной власти.

Атаман Семенов продолжал попытки сохранить свою власть и объединить казачество региона. 3 октября в Чите был созван Казачий съезд, на который прибыли представители от Забайкальского, Кубанского, Уссурийского, Астраханского, Уральского, Башкирского, Сибирского, Амурского и Енисейского казачьих войск. 6 октября Семенов признал генерала Врангеля как приемника законной правительственной власти. В телеграмме от 14 октября 1920 г. Общеказачий съезд сообщил Врангелю, что казачество региона считает себя неразрывной частью общероссийской армии. 15 октября японские войска покинули тер-

риторию Забайкалья, а 16 октября начались операции Амурского фронта ДВР по ликвидации «Читинской пробки». 25 октября в Читу прибыло правительство ДВР.

Проходившая в Чите 28 октября – 11 ноября Объединенная конференция представителей областных правительств избрало новое правительство ДВР и приняло закон о выборах в Учредительное собрание республики. 9 ноября Семенов перешел в Маньчжурию [1, с. 27–29]. 12 ноября правительство ДВР объявило об объединении всего Дальнего Востока под своей властью, упразднении областных правительств и созыве Учредительного собрания республики.

Таким образом, в 1920 г. Гражданская война на территории Забайкалья, Амурской области и значительной части Приморья завершилась поражением белогвардейцев и выводом из этих районов войск интервентов. На территории ДВР фактически были ликвидированы Амурское и Забайкальское казачьи войска. Что касается Уссурийского войска, то вести речь об его упразднении не позволяла сложная в нем обстановки и присутствие в этих районах японских войск.

Источники и литература

1. Дальневосточная республика: Становление. Борьба с интервенцией: (февраль 1920 – ноябрь 1922 г.): документы и материалы: в 2 ч. – Владивосток: Дальнаука, 1993. – Ч. 2. Ноябрь 1920 – ноябрь 1922 г. – 328 с.
2. История Дальнего Востока России: в 3 т. / отв. ред. Б. И. Мухачев. – Владивосток: Дальнаука, 2003. – Т. 3, Кн. 1. Дальний Восток России в период революций 1917 г. и Гражданской войны. – 634 с.
3. Колчак и интервенция на Дальнем Востоке: документы и материалы. – Владивосток: Издательство ДВО РАН, 1995. – 216 с.
4. Савченко С. Н. Уссурийское казачье войско в Гражданской войне на Дальнем Востоке (1917–1922 г.). – Хабаровск: Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н. И. Гродекова, 2002. – 279 с.
5. Уссурийское казачье войско: история и современность (к 110-й годовщине образования УКВ) / сост. В. Д. Иванов, О. И. Сергеев. – Владивосток: Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 1999. – 120 с.

Неисследованные факты биографии Дмитрия Самойловича Шилова

В статье раскрываются неизвестные страницы биографии Д. С. Шилова на основе писем, написанных им в 1914–1916 гг. Эти письма являются источником, позволяющим в хронологической последовательности проследить события указанного периода его жизни: от времени обучения в Иркутском военном училище до участия в боевых действиях в Туркестане. Представленный автором материал может служить дополнением к биографии Д. С. Шилова.

Ключевые слова: *Иркутское военное (юнкерское) училище, Сибирский стрелковый запасной батальон, маршевые роты, полуротный командир, Брянск, Андижан, Туркестан*

Факты биографии Дмитрия Самойловича Шилова как активного участника установления Советской власти в Забайкалье, а также члена правительства Дальневосточной республики, бесспорно, интересовали исследователей. Существует разноплановая литература, где отражены отдельные моменты его жизни и деятельности. В целом все опубликованные материалы достаточно подробно рассказывают о его жизни до 1913 г., всесторонне раскрывают его деятельность в 1918–1922 гг., а вот о 1914–1916 гг. в них почти ничего нет. В основном об этом времени можно узнать из лаконичных энциклопедических справок, где буквально в двух – трех строках говорится о том, что Дмитрий Самойлович Шилов в 1914 г. обучался в Иркутском юнкерском училище, а затем был участником Первой мировой войны. Восполнить пробел в биографии помогут письма Дмитрия Самойловича, которые вот уже более ста лет хранятся в семейном архиве автора данной статьи, и до настоящего времени они не исследовались.

Писем, а также разного рода записок, написанных им, сохранилось порядка двух десятков, почти все они датированы 1914–1915 гг., только два письма – 1916 г. Кому же были адресованы эти письма? Получателем этих писем была старшая сестра бабушки автора данной статьи, слушательница Высших женских Голицынских сельскохозяйственных курсов в Москве Колодезникова Александра Александровна. Вероятно, она познакомилась с Дмитрием Шиловым благодаря той среде, учительской и писательской, к которой в то время

относились оба; у них было много общих знакомых в Чите, а также среди студентов, приехавших из Читы в Москву на учебу. Ровесники, Александра была всего на два года младше Дмитрия, они во многом одинаково воспринимали жизнь. Их связывали одни и те же эстетические и художественные пристрастия, вера в светлое будущее. Вот почему, когда жизнь развела их: она уехала на учебу в Москву, а он стал военным, они достаточно часто писали друг другу, делясь горестями и радостями, надеждами, помыслами, рассказывая о реалиях окружающей их действительности.

В письмах мы находим изложенные самим Д. С. Шиловым те факты и события его жизни в 1914–1916 гг., о которых, как нами отмечено было выше, почти ничего не говорится в имеющейся на сегодняшний день биографической литературе; кроме того, в них есть интересные бытовые зарисовки. Так, например, в письме из Иркутска от 26 октября 1914 г. он рассказывает, как происходило обучение в юнкерском училище: «Жизнь течет однообразно. По сигналу поднимаемся в 6 часов, смотр, чай, с 8 до 11 занятия в классах. После несколько минут на завтрак, потом опять до 3–4 занятия в классах и строем, гимнастика, потом обед, опять в классы, подготовка к репетициям и репетиции до 9 часов. Там проверка, чай, ещё кто хочет, занимается в классах, и наконец спать и завтра опять то же» (особенности стиля писем сохранены).

«У меня времени теперь стало совсем мало, – сообщает он 29 ноября 1914 г., – я ведь назначен фельдфебелем 1 роты юнкеров. Начальство теперь то же, да ещё

какое! – самое грозное для юнкеров». Со свойственным ему юмором он изображает в письме от 14 декабря 1914 г. себя, когда находится на дежурстве: «...кабы ты видела сейчас меня, наверно бы преисполнилась страха и уважения: фельдфебельская фуражка с козырьком; с одного боку револьвер, с другого шашка – можешь себе представить это величественное зрелище»? И тут же переключается на более занимательное и интересное для них обоих: «Почем у вас халва в Москве – все 20 копеек или дороже? У нас юнкеров она в большой чести».

Из писем Дмитрия Самойловича видно, что училище за короткий срок – несколько месяцев – должно было подготовить офицеров для армии, поэтому каждый день был весьма насыщенным, свободного времени почти не было, тем не менее, ему удавалось иногда побывать в театре, сходить к обедне, послушать музыку и пообщаться со своими друзьями, пусть только в письмах. Он признавался, что «пение, музыка очищают, примиряют, и освежают красоту и значительность переживаний и страданий». Конечно, только необходимость заставила Дмитрия Самойловича поступить в военное училище в 1914 г. «Теперь всё определилось (пишет он из Иркутска 1 октября 1914 г.): я юнкер военного училища месяца на четыре... Я долго находился в мучительном раздумье – поступать в училище или нет. Но потом решился, так как мне всё равно не избегнуть быть офицером и не избегнуть быть на войне...». А ему в то время больше хотелось быть московским студентом, он с большой теплотой вспоминал время обучения в институте Шанявского, сожалея, что не смог продолжить обучение. Александра также стала посещать там лекции, поэтому в письмах они обменивались впечатлениями о прослушанных лекциях известных профессоров, о знакомых слушателях, посещающих эти лекции. Шилову нравилось, что окружающие его сокурсники-юнкера в основном также были бывшими студентами. Так, в письме от 24 декабря 1914 г. он замечает, что «в настоящее время военное училище второй

университет по составу, то есть половина юнкеров студенты. Даже поют студенческие песни...».

Уже в первом письме из Иркутска Дмитрий сообщил Александре, что обучение в училище закончится к февралю 1915 г.: «...в первых числах февраля выйдем прапорщиками, а затем через несколько месяцев произведут в подпоручики. На войну возможно попадем не сразу, а с месяц может быть будем обучать запасных или новобранцев». Последнее письмо из Иркутска было датировано им 23 января 1915 г., где он пишет, что через неделю «мы поедем по батальонам. Сначала в запасные батальоны, а оттуда уже с маршевыми ротами... Училище я кончил первым, а потому первым выбираю вакансию. Возьму, конечно, поближе к дому...». И, действительно, в феврале 1915 г. он отправлял письма уже из Антипихи, а в марте – из Читы. После окончания училища Дмитрий Самойлович был назначен в учебную команду 3 Сибирского стрелкового запасного батальона в звании полуротного командира 7 роты.

По письмам можно проследить передвижения 3 Сибирского стрелкового запасного батальона в течение 1915 г., узнать, кого и как обучали офицеры. Так, например, в письме от 21 февраля он пишет, что приходится много заниматься с солдатами, даже по праздникам: «... за четыре недели нужно обучить солдат всему – из простых мужиков сделать солдат. Страшно порою за маргариновых солдат и маргариновых офицеров, но приходится утешаться тем, что и у противника во всяком случае не лучше. У меня в роте 634 человека. Бегаешь из взвода во взвод – занимаешься до хрипоты, до усталости. Вчера отправили на войну две маршевые роты. На днях отправляется ещё восемь». Он жалел новобранцев, писал, что старается по мере возможности ободрять солдат, облегчать их солдатское горе». 17 марта уже в письме из Читы он с большой теплотой описывает своих подчиненных: «У меня славные солдаты... Я был назначен командиром маршевой роты, целый месяц обучал её. Должны были уехать до 1 марта, а 10 меня перевели в учебную команду. Солдаты все мои ровес-

ники, молодые новобранцы, бойкие, смышленные. Придет время – занимаемся, придет минута – дурачимся, а как вечер придет пойдут у нас песни и плясы с подковыром... а денщик у меня какой! Другие офицеры понабрали в денщики – кто бывшего лакея, кто повара, кто официанта, а я – музыканта! Гармонист – профессионал».

Затем батальон был направлен по железной дороге на запад. В пути, по всей вероятности, воинский эшелон был не одну неделю. Дорожных сообщений Дмитрия Самойловича сохранилось немного, в них он в основном описывал те события, которые, по его мнению, могли показаться интересными Александре.

С сентября по декабрь 1915 г. 3 Сибирский стрелковый запасной батальон дислоцировался в Брянске, письма в это время приходили в Москву регулярно. Кроме того, офицеры могли получить отпуск на несколько дней, и Дмитрий Самойлович имел возможность за это время два или три раза приехать в Москву для встречи с друзьями.

В сентябрьских письмах он сообщал о том, что «в роте ... сейчас много работы – около 600 человек ратников и новобранцев. Много заниматься надо... а простоим здесь может быть и зиму...». «С офицерской средой я как-то совсем мало сошелся, – сообщает он из Брянска 8 октября 1915 г., – со всеми дружу и от всех в стороне... Они слишком часто просиживают за карточной игрой до 4–5 часов. Это, кажется, одна из общих черт. А вообще все люди простые, нехитрые и даже милые, каких у нас так много, кажется, на Руси». Становится понятным, что Дмитрия Самойловича связывали с офицерами по большей части только служебные отношения, а близкого по духу товарища ему трудно было найти в той среде. Иные отношения были у него с новобранцами. «С солдатами хорошо чувствуется. Но они так часто меняются (через четыре недели), что не успеешь с одними сжиться, узнать и привыкнуть друг к другу, как их приходится отправлять на войну, а на смену им поступает 300 новых, каких-нибудь мужичков из черниговской или харьковской губернии, которых опять не успеешь как следует разглядеть за четыре недели».

Батальон должен был в конце зимы 1915 г. быть направленным в Туркестан. Об этом сообщалось в письме от 24 октября 1915 г.: «27 числа мы на несколько дней выходим на стоянку в село Супонево близ Брянска, а потом в ноябре, вероятно, отправимся в Туркестан». Но отправление это произошло только в декабре, о чём становится известным из письма от 18 декабря 1915 г.: «...в батальоне суматоха. Получена экстренная телеграмма собираться к отправлению. Разбудили роты, я отправил людей укладывать и перевозить цейхгауз на станцию... Письма твои получу уже в Туркестане. Теперь уже увидимся с тобой в лучшую пору после войны...». Судя по письмам, на фронт Д. С. Шилов попал на несколько месяцев позже, чем планировалось при выпуске из училища.

В начале 1916 г. батальон находился в лагере около городка Перовска, расположенном на берегу Сыр-Дарьи. И там, по словам, Дмитрия Самойловича, они были до июля. Последнее сохранившееся письмо было написано из Андижана в декабре 1916 г., из которого становится ясно, в каких боевых операциях участвовал батальон. «Уже шестой месяц пошел, как я покинул Перовск вместе со своей ротой, – сообщалось в письме. – В июле ... мы явились в этот край для защиты русского населения от мятежных киргизов и сартов. Я со своей ротой охранял двадцать русских поселков, заброшенных в горах на высоте 7–8 тысячи футов в 150 верстах от Андижана на границе Ферганы с Семиречьем. В Семиречье – на соседнем с моим участком творились ужасные вещи – села были разграблены и сожжены, мужчины, дети перебиты, а женщины уведены в плен бунтовщиками. Но у меня на участке все прошло благополучно, никто не пострадал». Далее Дмитрий Самойлович пишет, что его рота вновь возвращается в Перовск, где в скором времени ожидалось формирование 3 Туркестанского стрелкового батальона. Сам он в качестве командира 1 роты должен был быть направлен на Южный фронт – в Персию. В конце письма он, как бы, между прочим, говорит, что 4 августа 1916 г. получил награду – орден Станислава 3 степени. И тут же иро-

нично добавляет, видимо, чтобы не подумали, что он этим хвастает: «Каково? Хоть сегодня – в губернаторы!» Тот факт, что в 1916 г. было всего два письма, а затем переписка прервалась, следует, по всей вероятности, объяснить тем, что дальнейшие исторические события уже не оставляли Д. С. Шилову времени для личной жизни, в том числе и для переписки.

В заключение хочется отметить, что описанию внешней стороны своей жизни Дмитрий Самойлович уделял в письмах немного места. Большую часть в его письмах Александре занимали размышления о ценности человеческой жизни, мечты о грядущем светлом будущем, Царстве Разума, Света и Добра, словом, речь шла о тех идеалах, провозглашенных Метерлинком в «Синей птице», постановку которой оба видели в Москве на сцене МХАТа. Чаще всего в его письмах встречаются высказывания, подобные тем, например, что мы читаем в письме от 13 декабря 1914 г.: «Любовь, оплетающая всех людей и весь мир – есть истинная душа жизни» или в письме от 8 октября 1915 г.: «...Ах, какой радостью, какой жгучей радостью и восторгом загорается мысль и сердце, как взглянешь в грядущее!.. Я всё ближе, все радостнее подхожу к Истине, к Пониманию Смысла бытия человека...». Таким образом, сохранивши-

ся письма позволяют увидеть внутренний мир и душевное состояние Дмитрия Шилова в то время. В них он раскрывается с иной стороны, не только как революционер и борец с социальной несправедливостью, но и как молодой человек, думающий, ищущий ответ на вопрос о смысле жизни, старающийся определить свое место в ней. Понятно, что Дмитрий Самойлович не мог рассказывать Александре, далекой от революционной борьбы, о своем политическом выборе, о сближении с большевистскими идеями (известно, что он стал членом РСДРП только в 1917 г.). Но он делился с ней теми мыслями, которые более всего занимали его в то время. По его словам, им многое «перестрадалось и передумалось». Это и оценка им современности: «Дьявол пришел в мир – имя ему война». Это и размышления о судьбе русского народа: «Неужели у народа, у которого такая обаятельная душа, такой глубокий и светлый разум, – неужели у этого народа не будет такой же красивой, светлой, разумной жизни?.. Неужели он не добьется лучшей доли?! Конечно, смешно так думать!..».

Автор статьи надеется, что данный материал из семейного архива послужит дополнением к биографии Дмитрия Самойловича Шилова, расширит представление о малоизвестных страницах его жизни.

Источники и литература

1. Баринев А. О. Шилов // Энциклопедия Забайкалья. Читинская область: в 4 т. / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. – Новосибирск: Наука, 2006. – Т. 4: С–Я. – С. 383.
2. Кожевин В. Е. Дмитрий Шилов. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1979. – 184 с.

*Дмитрий Вячеславович Скажутин,
Забайкальский краевой краеведческий музей
им. А. К. Кузнецова,
г. Чита, Россия*

Роль торговой делегации ДВР во время Вашингтонской конференции в свете англоязычных источников

Несмотря на заявление американского правительства о невозможности участия России или иных административных образований в её пределах в Вашингтонской конференции, в октябре 1921 г. в США начала свою деятельность делегация ДВР, допущенная в качестве торговой. В статье на основе опубликованных делегацией англоязычных материалов раскрывается её влияние на результаты конференции.

Ключевые слова: ДВР, Вашингтонская конференция, Договор четырёх держав, японская интервенция

После обращения президента США У. Гардинга о созыве Вашингтонской конференции, американским консульством во Владивостоке 21 сентября 1921 г. опубликовано заявление о невозможности участия в конференции Советской России и иных административных образований российского Дальнего Востока [6]. Несмотря на это ДВР удается добиться разрешения для посещения США своей делегации в статусе «торговой». Делегации непризнанного мировым сообществом государства (ДВР признала лишь РСФСР) постоянно сталкивались с трудностями в своей работе и вопрос их состава решался на самом высоком уровне. В полном собрании сочинений В. И. Ленина приводится текст записки от 11 октября 1921 г.: «...на конференцию в Вашингтон Ярославский не подойдет. Мещеряков – не очень. Предлагаю: поручить НКВД и Оргбюро искать (24 часа) еще кандидатов...» [2]. На наш взгляд данный факт подчеркивает всю значимость конференции и её итогов для Советской России и Дальнего Востока.

Е. А. Фролова, на основе документов Архива Внешней Политики Российской Федерации, в своей статье указывает, ряд задач стоявших перед делегацией ДВР. А именно: «ознакомить американские официальные круги и общественное мнение с истинным положением вещей на Дальнем Востоке и с японскими намерениями; добиться участия в Вашингтонской конференции; в случае неудачи, повлиять в сторону

благоприятного разрешения Сибирского вопроса конференцией; заинтересовать американские торговые, промышленные и финансовые круги в экономических возможностях ДВР; добиться признания ДВР со стороны американского правительства» [6]. Реализация поставленных задач отразилась в бурной печатной деятельности Торговой делегации ДВР. По прибытии в США опубликован ряд англоязычных брошюр. В издании *Trade and Industries of the Far Eastern Republic*, посвященном торговле и промышленности ДВР, приведен полный список опубликованных материалов [14, p. 109]:

1. Конституция Дальневосточной республики (*Constitution of the Far Eastern Republic*).

2. Краткий очерк истории Дальневосточной республики (*Short Outline of the History of the Far Eastern Republic*).

3. Японская интервенция на российском Дальнем Востоке (*Japanese Intervention in the Russian Far East*).

4. Письма барона Унгерна, захваченные в Монголии (*Letters captured from Baron Ungern in Mongolia*).

5. Меморандум Специальной делегации Дальневосточной республики (*Memorandum of the Special Delegation of the Far Eastern Republic*).

6. Меморандум Вашингтонской конференции по ограничению вооружений (*Memorandum to the Washington Conference on Limitation of Armaments*).

7. Рыбная промышленность Дальневосточной республики (*Fishing Industry of the Far Eastern Republic*).

8. Лесные ресурсы Дальневосточной республики (*Forest Resources of the Far Eastern Republic*).

9. Меха́вая промышленность Дальневосточной республики (*Fur Industry of the Far Eastern Republic*).

10. Золотоносный потенциал и золотодобывающая промышленность Дальневосточной республики (*Gold Resources and Gold Mining Industry of the Far Eastern Republic*).

11. Минеральные ресурсы Дальневосточной республики (*Mineral Resources of the Far Eastern Republic*).

12. Угольная промышленность Дальневосточной республики (*Coal Mining Industry of the Far Eastern Republic*).

13. Торговля и промышленность Дальневосточной республики (*Trade and Industry of the Far Eastern Republic*).

Самой объемной среди публикаций (165 страниц) стала брошюра о японской интервенции на российском Дальнем Востоке. Помимо ряда секретных документов японской стороны, в издании говорится о соглашении между Японией и Францией. «*Knowing the difficulties in which France found herself after Wrangel's army was destroyed in the Crimea and evacuated from Russian territory; knowing the desire of France to continue the struggle against Soviet Russia at any price, the Japanese began, in January, 1921 to negotiate with the French Government for sending this entire army to the Russian Far East, and duly exploiting it as a fighting force*» (Зная о трудностях, в которых оказалась Франция после того, как армия Врангеля была разбита в Крыму и эвакуирована с российской территории, зная желание Франции любой ценой продолжать борьбу против Советской России, японцы в январе 1921 г. вступили в переговоры с французским правительством об отправке всей этой армии на российский Дальний Восток для использования её в качестве боевой силы – пер. авт.) [9, р. 78–79]. Далее по тексту говорится, что Япония планировала предоставить суда

для переброски армии, а Франция брала на себя все связанные с этим расходы.

Японская сторона в свою очередь, «после удовлетворения своих appetitов», гарантировала уступки и приоритет Французской стороны в концессионных вопросах на территории Дальнего Востока. В тексте упоминается ряд встреч для обсуждения вопросов реализации этого плана между представителями японской военной администрации и А. И. Тирбахом в Шанхае и Г. М. Семёновым в Порт-Артуре [Там же, р. 79]. Ряд современных исследователей историков-специалистов Т. Орнацкая, М. Чепик, Ю. Ципкин подтверждают факт японо-французского соглашения [3; 5]. Однако, заключение Договора четырёх держав и включение в него французской стороны ограничило деятельность интервентов по развитию данного сценария. Любопытно, но Советская историография отмечает, что именно представитель американской стороны, государственный секретарь Юз отверг «попытку Англии сохранить в новом виде англо-японский союз (в составе США, Англия, Япония – прим. авт.) и настоял на приглашении Франции к участию в соглашении» [1, с. 399]. Таким образом, на наш взгляд, сведения, опубликованные торговой делегацией, повлияли на решение США о включении французской стороны в Договор четырёх держав.

К сожалению, в выходных данных брошюр не указаны сведения о тиражах изданий. Однако, мы с уверенностью можем говорить, что публикации достигли высших правительственных кругов. Так текст о японской интервенции на российском Дальнем Востоке в полном объеме заслушан 2 марта 1922 г. на публичных чтениях Конгресса в присутствии президента США [7, р. 3238]. Можно предположить, что информация распространенная торговой делегацией ДВР в высших правительственных кругах способствовала достижению целей, стоявших перед представителями ДВР, и определила заключение договора четырех держав, по которому дальнейшие военные действия стран интервентов были ограничены. США в свою очередь стремились перевести проблему контроля Дальнего Востока

из военной в экономическую сферу, видя в регионе рынок сбыта и богатую ресурсную базу. Несомненно, на экономическом поле США обладали большими возможностями по сравнению с другими странами участниками Договора четырёх держав. Делегация ДВР активно развивала и поощряла мысли правящих кругов и финансовых элит США в этом направлении, опубликовав ряд изданий посвященных рыбной отрасли [8], лесным ресурсам [11], меховой промышленности [12], золотодобыче [10], минеральным ресурсам, угольной промышленности [13], торговому и промышленному развитию Дальнего Востока [14]. Как заметили в своей работе Т. А. Орнацкая и Ю. Н. Ципкин: «...привлекательность концессий для США входила в противоречие с захватнической политикой Японии, что являлось главным

в инициировании противоречий между великими державами на Тихом океане и ликвидации интервенции Токио...» [3]. Благодаря активной деятельности делегации ДВР летом 1922 г. в столицу Дальневосточной республики стали поступать предложения от крупных предпринимателей (в первую очередь на золотоносные, вольфрамовые, лесные концессии) [4, с. 13–14]. Делегация ДВР реализуя четкую и планомерную политику (естественно, определяемую Москвой) своей деятельностью не только мирным путем решила проблему японской интервенции, но и определила дальнейшие связи Советского государства с иностранным капиталом, способствуя в условиях НЭПа привлечению и внедрению передовых технологий и модернизации технической базы СССР.

Источники и литература

1. Всемирная история: в 10 т. / гл. ред. Е. М. Жуков. – М.: Соцэкгиз, 1961. – Т. 8. – 644 с.
2. Ленин В. И. Записка от 11 октября 1921 года // Полное собрание сочинений: в 55 т. – М.: Изд-во полит. лит., 1970. – Т. 44. – С. 140.
3. Орнацкая Т. А., Ципкин Ю. Н. Внешняя политика Дальневосточной Республики (1920–1922 гг.). – Хабаровск: Изд-во КГБНУК «Хабаровский краевой музей имени Н. И. Гродекова», 2008. – 234 с.
4. Орнацкая Т. А., Ципкин Ю. Н. Концессионная политика Дальневосточной республики (1920–1922 гг.) // Россия и АТР. – 2007. – № 1. – С. 6–20.
5. Орнацкая Т. А., Чепик М. В. Деятельность спецслужб Дальневосточной Республики по информационному обеспечению внешнеполитической деятельности буферного государства в 1920–1922 гг. // Проблемы Дальнего Востока. – 2009. – № 1. – С. 92–104.
6. Фролова Е. А. Экономический аспект деятельности делегации Дальневосточной республики в США (1921–1922 гг.) // Власть. – 2009. – № 3. – С. 116–119.
7. Congressional Record Proceedings and debates of the second session of the sixty-seventh Congress of the United States of America, vol. LXII, part 4, march 2 to march 22 1922. – Washington: Government printing office, 1922. – P. 3231–4304.
8. Fisheries of the Far Eastern Republic. – Washington: Published by The Special Delegation of the Far Eastern Republic to the United States of America, 1922. – 35 p.
9. Japanese Intervention in the Russian Far East. – Washington: Published by The Special Delegation of the Far Eastern Republic to the United States of America, 1922. – 165 p.
10. The Gold Resources and the Gold Mining Industry of the Far Eastern Republic. – Washington: Published by The Special Delegation of the Far Eastern Republic to the United States of America, 1922. – 69 p.
11. The Forest Resources of the Far Eastern Republic. – Washington: Published by The Special Delegation of the Far Eastern Republic to the United States of America, 1922. – 12 p.
12. The Fur Industry of the Far Eastern Republic – Washington: Published by The Special Delegation of the Far Eastern Republic to the United States of America, 1922. – 12 p.
13. The Coal Mining Industry of the Far Eastern Republic. – Washington: Published by The Special Delegation of the Far Eastern Republic to the United States of America, 1922. – 32 p.
14. Trade and Industries of the Far Eastern Republic. – Washington: Published by The Special Delegation of the Far Eastern Republic to the United States of America, 1922. – 109 p.

*Владимир Гаврилович Стрельников,
пгт Агинское, Россия,
Ирина Владимировна Летяева,
Музей природы ГО «Поселок Агинское»,
пгт Агинское, Россия*

Память народа о партизанах

В статье раскрываются исследования о трагических событиях по расстрелу 33-х красногвардейцев-партизан. В конце августа в селении Агинское пребывает отряд красногвардейцев, которые затем обманым путем были арестованы белогвардейцами. По дороге в Могойтуй в пади Угалза 28 августа 1918 г. были жестоко расстреляны.

Данные события долгое время умалчивались. Местные краеведы стали публиковать свои воспоминания с 1956 г. На основе изучения научных архивных краеведческих материалов и личных встреч с известными краеведами-историками из Ононского района и Агинского Бурятского округа впервые обобщается сложная обстановка в период трагических событий в селении Агинское в 1918 г. В результате исследования дополняется список погибших красногвардейцев-партизан и мирных жителей.

Ключевые слова: белогвардейцы, белочехи, красногвардейцы, интервенция, советская власть, большевики, революция, Гражданская война

В обширной научной и исторической литературе известны исследователи: А. Б. Базаржапов, В. И. Василевский, Г. В. Грунин, М. И. Губельман, Ж. Д. Доржиев, А. М. Константинов и многие другие, описали события Гражданской войны и партизанского движения в Забайкалье.

В изданных публикациях о трагических событиях около селения Агинское в августе 1918 г. почти не освещены. Поэтому в статье обобщен анализ воспоминаний старожилов, краеведов, историков и свидетелей расстрела красногвардейцев-казаков Приононья.

Историко-архивные материалы показывают сложную классовую борьбу разных народов на региональном и местном уровне. Много лет эти события умалчивались или скрывались. В печати о них стали писать только с 50-х гг. XIX столетия. Население Агинского аймака в 1917 г. составляло 33465 чел. В селении Агинское проживало более 400 чел.

Араты-скотоводы Агинской степи весть о победе Великой Октябрьской революции восприняли с большой радостью. Наш округ богат событиями тех лет. Кратко назовем некоторые из них. В Догое жила группа бурят, сочувствующая большевикам. В апреле 1918 г. здесь образовался первый Совет (Догойский сомонный совет). Они

строили новую жизнь, разоблачали антинародную политику кулаков и ламства.

В середине апреля 1918 г. японский ставленник атаман Семенов, захватывает железную дорогу от станции Маньчжурия до станции Адриановка. Белогвардейцы вели бои с Красной Армией. Командующий фронтом С. Г. Лазо несколько раз был в Догое и лично участвовал в боях на станциях Бурятская, Могойтуй, Ага и других.

В Аге известно о карательном отряде, во главе есаула Дугара Тапхаева, который проводил разбойные действия в русских селах и бурятских улусах. Привлекался к ликвидации алханайских и агинских партизан и т. д.

В то время через территорию Дульдургинского района проходили войска белогвардейцев. В Дульдурге семеновцы перепороли всех жителей, загнали мужчин в амбар и подожгли его. Также занимались грабежами в селах, избивали нагайками, убивали и расстреливали простых людей.

К осени 1918 г. в районе горы Алханай создавался первый партизанский отряд в Забайкалье под командованием П. А. Аносова. В состав отряда вошли жители сел Бальзино, Красноярово, Дульдурга, Ключей, Иля и других. Из этого отряда семеновцы захватили местного жителя Ж. Далаева, которого затем жестоко

пытали в Маккавеевском застенке. В 1967 г. на окраине села Алханай земляки построили небольшой памятник разведчику-партизану Ж. Далаеву.

В пади Нухэтуй в Могойтуйском хребте на западе от села Хойто-Ага, размещался отряд агинских партизан, под командованием Николая Кудрина. Партизаны здесь стояли около года, затем табхаевцы выследили их и сожгли землянки.

Село Агинское в ту пору было центром земли Агинской. Здесь жили русские и буряты. О большевистских настроениях населения было известно купцам, кулакам, ламам и церковным служителям.

Из воспоминаний старожилов известно, что 3 июня 1918 г. состоялось собрание граждан села Агинское. Также участвовал прибывший красногвардейский отряд из Черновских копей и главных железнодорожных мастерских г. Читы под командованием Ивана Покорного. Сход решил встать на защиту родного Забайкалья от бандитов Семенова, вносящего смуту и разруху в мирную жизнь населения.

26 августа под напором белогвардейцев красные оставили Читу и эвакуировали 16 поездов на восток, здесь же был С. Г. Лазо. 27 августа в Читу вошли сибирские и чехословацкие войска.

28 августа на станции Урульга Забайкальской железной дороги, состоялась конференция руководства «Центросибири», на которой было принято решение о переходе от борьбы организованным фронтом к созданию партизанских отрядов.

Большинство красногвардейцев и красноармейцев разошлись по домам. Скрывались в лесах, создавая там партизанские отряды. Одна из первых групп была создана из казаков станиц Онон-Борзя и Курунзулая. Разгоралась упорная борьба крестьянско-бедняцкой бедноты против кулаков, семеновщины и интервентов.

В такое сложное время 26 августа, уходя от преследования семеновцев, в Агинское пришел вооруженный отряд красноармейцев-казаков из Приононья. Предположив о спокойной обстановке в селе Агинское. Данная ошибка обернулась в большую трагедию. Командование отряда не проявило

осторожность и военную бдительность, не выставив посты и караулы вокруг села.

Из воспоминаний краеведа Г. Г. Татаурова нами записано, что военный комиссар Иван Григорьевич Татауров вместе с Артамоном Поповым предлагали им вместе уйти в леса и партизанить, но отрядники не согласились. Сославшись, что есть приказ Семенова по которому предлагается сдать оружие и их распустят по домам.

Иван Татауров вернулся в Агинское с мандатом за подписью С. Г. Лазо, в котором было написано: «Татауров – комиссар второго участка командирует для проведения работы по организации органов революционной власти среди бурятского населения...».

В Агинском, в то время жило не мало лиц с убеждением большевизма. Здесь были и белогвардейцы, ноёны, купцы, религиозные служители и прислужники карателя Дугара Тапхаева, которые преследовали активных борцов за власть Советов.

Противники установления народной власти донесли белогвардейцам о прибытии партизанского отряда в Агинское. 28 августа под командованием есаула Трофимова из Могойтуй был направлен хорошо вооруженный отряд из 40 человек. Партизаны были взяты белогвардейцами обманым путем. Которым было предложено сдать оружие и организованно следовать на станцию в Могойтуй, где мирным путем выяснить все вопросы. По договоренности на встречу с партизанами в Агинское приехали родственники из села Усть-Иля Акшинского района, которые привезли продукты и теплую одежду на двух подводах.

Недалеко от церкви жила семья Михаила Перминова, приезжие попросились к ним на ночлег. Их было двое взрослых мужчин и один подросток 12–13 лет. Позже была установлена фамилия этих жителей из села Усть-Иля. Ими оказались братья Невוליны и наверное с ними был сын одного из них.

В поисках, данных о семье Невוליных, посылали запрос в данное село, но ответа не пришло. По всей видимости, из-за межнационального конфликта село Усть-Иля ликвидировали или расселили и сле-

ды о жителях-старожилах затерялись. Так по случайным обстоятельствам семья НевOLIИных, оказалась в руках белогвардейцев. Белогвардейцы в приказном порядке забрали две подводы у крестьян НевOLIИных, одновременно арестовали их и увели в основную группу. На прицерковной площади построили всю группу арестованных и в сопровождении конвоя, строем повели их по дороге в сторону Могойтуйа. В этой колонне оказался местный житель селения Агинское Николай Алексеевич Носырев. На подводы сложили оружие и вещи красногвардейцев-казаков. Дойдя до Хара-Жалги, на склоне горы Угалза белогвардейцы зверски расстреляли их по группам. Недалеко от этой местности местные буряты из улуса Ага-Хангил косили сено на берегу р. Ага. Среди них был Батожаргал ЦыбенOV, Цырендаши Цыбекжапов и другие, которые все это видели [4, с. 37]. На второй день место расстрела видели некоторые жители Агинское. Некоторые старожилы из поселка Агинское рассказывали об этих событиях и опубликовали свои воспоминания на страницах газет: «Агинская правда», «Толон», а также в краеведческих книгах. Через несколько дней по решению схода жителей Ага-Хангильского улуса, тела погибших были преданы земле. О расстреле и обо всем увиденном в селение Агинское сообщил Батожаргал ЦыбенOV. Несколько мужчин из Агинского тоже приняли участие в погребении партизан. Среди убитых агинцы узнали своего земляка Н. А. Носырева (младший брат П. А. Носырева, биолога, много лет жившего в п. Агинское). В нашем архиве за 1982 г. сохранился рассказ о расстреле партизан П. А. Носырева.

Поисковую работу по установлению фамилий погибших проводили постепенно. В 1956 г. было установлено 7 чел., в 1976–22 человека, в 1981 г. список фамилий довели до 30 чел., 27 чел. оказались из одного села Икарал [6, с. 47]. Данный список в исторических изданиях проверялся и сейчас опубликован на мемориальной доске памятника [3, с. 4].

Постановлением Агинского аймачного исполкома от 15 июня 1930 г. на средства общественности различных организаций села

Агинское был построен первый деревянный памятник на месте расстрела партизан, где написано: «33-м партизанам, погибшим в борьбе за Советскую власть 28 августа 1918 года». В 1954 г. по решению первого секретаря Агинского райкома Л. С. Зубова, администрацией села Ага-Хангил построен кирпичный памятник и перенесен выше по склону оврага Ехе Хара-Жалга, огорожен забором (10x10 м). Под руководством биолога П. А. Носырева посажены 33 сосны. В 1983 г. установлена мемориальная плита с фамилиями 30 погибших партизан-красногвардейцев. За памятником установили шефство учащихся АСШ № 2, Агинской гимназии и администрации ГО «Поселок Агинское» [8, с. 4].

В 1968 г. в селе Икарал на средства общественности был построен небольшой памятник: «Героям-партизанам, погибшим в борьбе за освобождение Забайкалья». Который был торжественно открыт к 70-летию расстрела партизан, в ноябре 1988 г.

В 2006 г. к 225-летию поселка Агинское по линии городского округа «Поселок Агинское» была проведена реставрация памятника. 1 октября 2006 г. депутатом ГО «Поселок Агинское» В. Г. Стрельниковым, был организован митинг, с приглашением делегации из Ононского района и учащихся поселка Агинское [7; 8, с. 4].

В живых из партизан остался ононский казак Степан Мыльников, который дежурил возле лошадей за рекой Ага.

Изучая архивные материалы, З. В. Петрова, учитель географии АСШ № 2 от 3 октября 2006 г., обнаружены записи с шестью фамилиями партизан. Среди них был Иван Павлович Григорьев, из села Верхний Цасучей, учитель начальных классов. В этом же году, краевед А. Н. Гаврилов из Чинданта-1 установил фамилию Ивана Павловича Токмакова, из с. Верхний Цасучей. Также З. В. Петрова в списке назвала фамилию Дорофея Анисимовича Разгильдеева, из поселка Агинское. В списке на мемориальной доске нет такой фамилии. Краевед и журналист Б. К. Нестеренко в 2013 г. в газете «Агинская правда», написал очерк про гибель Д. А. Разгильдеева в Ононском районе от рук белогвардейцев

[5, с. 4]. Большую поисковую и организационную работу по установлению погибших партизан и открытию памятника в селе Икарал провели краеведы: В. К. Гаврилов, М. Я. Власова (директор школы) и другие из Ононского района.

В поисках ответов на вопросы об установлении фамилий и расстреле партизан 28 августа 1918 г., мы обратились с просьбой в Государственный архив Забайкальского края в городском округе «Поселок Агинское» и Государственный архив Забайкальского края в г. Чита. В Агинском архиве материалов по данным вопросам не выявлено. Из ГАЗК получили архивную справку от 20.08.2019 г. № I-471, за подписью директора С. В. Кудрявцева, в которой указывается: «В документах фонда «Церкви Забайкальской области», хранящихся в Госархиве частично, в метрической Цасучейской Иоанно-Предтеченской церкви за 1918 г. в разделе об умерших значатся: указывается фамилия, имя, отчество крестьянин Икаральского отдельного общества, сколько лет. Скончался 20 августа 1918 г., погребен 9 сентября. Текст у всех одинаковый, а фамилии партизан имеются в списке погибших 8 человек. А именно: Васильев Сергей Николаевич, 19 лет; Николаев Лаврентий Александрович, 31 год; Петров Федор Васильевич, 26 лет; Иванов Григорий Михайлович, 35 лет; Иванов Михаил Михайлович, 32 года; Иванов Иоан (Иван) Михайлович, 25 лет; Исаев Тимофей Афанасьевич, 25 лет; Исаев Макарий Афанасьевич, 22 года.

У всех вышеперечисленных лиц в разделе «отчего умер» указано: «погибли во время междоусобной брани в селе Агинское»; в разделе «кто совершил погребение и где погребено»: «отпевы священником Иннокентием Ивановым в Цасучейском приходском храме, как погибшие во время междоусобной брани и погребены родственниками в с. Агинском» [1, л. 4].

Также сообщается, что в документах фондов «Читинская партизанская

комиссия», «Агинский райисполком», «Борзинский райисполком», сведений о событиях 1918 г., около п. Агинское, расстреле партизан не выявлено [Там же]. Такой ответ не соответствует объективным историческим фактам и нас не удовлетворил.

Таким образом, количество расстрелянных составляет 35 чел., из них три человека – Неволених (двое взрослых и один подросток), которые попали в группу партизан случайно. На основании этих данных можно предложить администрации ГО «Поселок Агинское» дополнить список фамилий и внести поправки к некоторым именам на памятнике.

По историческим источникам в то время в Могойтуе стояли войска белогвардейцев. Чехословаки передвигались по железной дороге позднее и лошадей у них не было. Атаман Тапхаев в это время, по-видимому, был в Таптанае и занимался организацией своего отряда.

Партизаны из отряда в Агинском были одеты в единую форму, с оружием и с лошадьми. Значить это были красногвардейцы-казаки. Партизанское движение активно организовывалось в Забайкалье.

Прошло более 100 лет трагическим событиям, но память о расстреле красногвардейцев-партизан в народе живет до сих пор. Более 20 местных краеведов и историков писали материалы в местных изданиях о событиях 1918 г. Некоторые в своих публикациях указывали на участие в расстреле партизан белочехов, другие белогвардейцев, а также бандитский отряд Табхаева.

Исследования показывают, что по всей вероятности в гибели молодых красногвардейцев-казаков и простых жителей из сел Забайкалья совершил вооруженный отряд белогвардейцев.

Благодаря воспоминаниям современного поколения может познакомиться с краеведческой литературой и, таким путем больше знать из истории Гражданской войны в Забайкалье.

Источники и литература

1. Архивная справка. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). № Т-471 от 20.08.2019 г. (на № 33 от 23.07.2019 г.). 2 л. копия 4 л.

2. Доржиев Ж. Д. Они в сердце нашем // Агинская правда. – 1988. – № 103. – 27 августа. – С. 3.

3. Жамбалов Ц. // Агинская правда. – 1956. – № 144. – 5 декабря. – С. 2.
4. Жамсаранов Ц. Н. Как это было (из истории расстрела 33-х партизан в пади Угалзын Эбэр). – Улан-Удэ: Восток, 2012. – 43 с.
5. Нестеренко Б. К. Там на сопке // Агинская правда. – 2013. – № 105. – 31 августа. – С. 7.
6. Рабдано Б. Р. Они были из Икарала // Забайкальский рабочий. – 1981. – 1 августа. – С. 3.
7. Стрельников В. Г. К 100-летию гибели 33-х партизан // Агинская правда. – 2018. – № 90. – 28 июля. – С. 5–6.
8. Стрельников В. Г. Память о 33-х партизанах // Агинская правда. – 2009. – № 99. – 18 августа. – С. 3–4.

УДК 93/94
ББК 63.3(2)61

Мария Олеговна Черепанова,
Забайкальский краевой краеведческий музей
им. А. К. Кузнецова,
г. Чита, Россия

Денежные знаки в Забайкалье периода революции и ДВР. Фонды ЗККМ им. А. К. Кузнецова

Статья знакомит с нашей работой по изучению, описанию и систематизации денежных знаков периода революции в России и ДВР в Забайкалье, а также знакомит с фондами музея. Особое внимание уделено бонам, выходявшим в Чите в период революции: семеновским «голубкам» и «воробьям», а также бонам, выпускавшимся в период ДВР. Сделан вывод, что стабильности в денежном обращении в Забайкалье и на Дальнем Востоке в изучаемый нами период не было, она наступила с приходом советского «червонца».

Ключевые слова: бона, деньги «голубки» и «воробьи», рубль ДВР, денежные знаки

Чуть больше ста лет тому назад при тяжелых условиях начала гражданской войны, инфляции и экономического кризиса на Дальнем востоке создали отдельный бумажный рубль. Причем не один рубль, за короткий промежуток времени их появилось огромное количество.

Осенью 1918 г. к массе обращавшихся на Дальнем Востоке денег – прежних царских, «керенок», «алексеевок», «мухинок» и прочих – добавились «сибирки» рубли адмирала Колчака. Но все эти деньги очень быстро обесценивались. Так, например, к моменту военного поражения Колчака на берегах Байкала пуд мяса в царских «романовских» купюрах стоил 140 руб. – почти в 15 раз дороже, чем до революции. Но в «керенках» тот же пуд мяса стоил уже 230 руб., а в «сибирках» Колчака его цена доходила до двух с половиной тысяч [3, с. 4].

В фондах Забайкальского Краевого Краеведческого музея (далее Музея) хранится прекрасно сохранившиеся образцы «сибирок». Боны датировались 1918 г., отме-

чались как казначейские знаки Сибирского Временного Правительства и печатались на тонкой бумаге без водяных знаков. Отличался цвет печати, так 1 руб. хранится в серии-А 103 (фон выцвел), 3 руб. в серии А-А 103 (зеленый фон), 5 руб. – серия-А.319 (синий фон) и 10 руб. серия-Г.407 (красный фон).

Всего нумизматы насчитывают за 1917–1922 гг. около 167 выпусков бумажных денег, суррогатов рублей и частных «денег» на российском Дальнем Востоке. Свои бумажные деньги или боны выпускались в разных городах Дальнего Востока во Владивостоке, в Петропавловске-Камчатском, на Сахалине.

В Чите в 1918 г. полностью отсутствовали казначейские знаки и кредитные билеты меньших 1000 руб. стоимости, поэтому из-за отсутствия разменных денег стали использовать гербовые марки номиналом 1 руб., 1 руб. 25 коп., 2 руб., 3 руб. и 5 руб. Отделение Государственного Банка во избежание склейки марок, наклеивали их на лист чистой бумаги, а на каждой

из них должен быть поставлен штемпель Банка с удостоверением, что марка заменяет денежный знак. Хождение такая купюра имела только в пределах Забайкальской области. Всего выпущено было этих марок на сумму 443 тыс. руб. В Музее также есть несколько бон, например, хорошо сохранившийся образец гербовой марки в 1 руб. 1918 г. в украшенной рамке Читинского отделения Государственного банка.

С 18 февраля по 17 августа 1920 г. при атамане Семенове в Чите Читинское Отделение Государственного банка учреждает Экспедицию заготовления денежных знаков. Экспедиция расположилась в одном из зданий Акцизного управления и винной монополии в квартале между улицами Богомягкова, Чкалова, Костюшко-Григоровича и Красноармейской) [4, с. 147].

Экспедиция изготавливала «Боны Читинского Отделения Государственного Банка» всего в двух номиналах: в 100 и 500 руб. Они печатались на белой бумаге с водяным знаком «сетчатка», заказанной в Америке еще Омским правительством: «пятисотки» выпускались сериями: 1-я серия А-255 синего цвета, 2-я серия П-375 серого цвета, 3-я серия С-485 зеленого цвета [9, с. 161].

100-рублёвые боны известны двух типов: синего цвета (рамка на обороте из линий) и в две краски – черного (рамка) и светло-коричневого (фон) – рамка на оборотной стороне из квадратов. Читинцам они стали хорошо известны как «голубки» (500 руб.) и «воробьи» (100 руб.) [Там же, с. 158–161]. Всего за весь период 1920 года было выпущено читинских бон на сумму 9 848 942 600 руб. [7, с. 274].

В фондах музея хранятся прекрасно сохранившиеся образцы таких бон: 100 руб. серии Б-150 в светло-коричневом цвете, 500-рублевые – серия А-255 (синего цвета) и серия П-375 серого цвета. Также эти боны можно увидеть на нашей постоянной выставке «От Транссиба до БАМа», посвященной истории Забайкалья в XX в.

Читинские боны также быстро обесценивались, уже к августу курс упал до 100 000 бон за 1 золотой рубль. 20 сентября 1920 г. группа войск атамана Семенова покинула

Читу, а уже 22 сентября в город вступили части Народно революционной армии, и переехало Правительство Дальневосточной Республики (далее ДВР) [9, с. 178–180]. С 26 марта 1920 г. ДВР выпускает свои денежные знаки, достоинством в 1, 3, 5, 10, 25, 50, 100, 500 и 1000 руб. на общую сумму 3 млрд руб.

Денежные знаки ДВР в 1, 3, 5, 10 руб. были без водяных знаков, но печатались на хорошей бумаге в Иркутске на фабрике заготовления государственных знаков. Очень интересен рисунок – на боне изображен герб ДВР – снопок колосьев, который переkreщен якорем и кайлом. Этот герб символизировал единство трёх основных регионов, входивших в республику: снопок ассоциировался с плодородным Приамурьем, якорь, конечно же, говорил о Приморье, а кайло о богатых месторождениях в Забайкалье [5].

Более крупная купюра номиналом в 500 показывает нам рисунки дальневосточной природы: на лицевой стороне изображены медведь и лиса на типичном фоне сибирского пейзажа, на оборотной – якорь, цепи, рыболовецкие сеть и судно символизируют Приамурье. Так как республика ДВР была временной или её ещё называли «буферным», то и новые купюры стали в народе именоваться «буферками». Однако эти деньги упорно не признавало ни местное население, ни соседние страны – Китай и Маньчжурия. Людям было проще заниматься натуральным товарообменом, чем доверять новым деньгам. За год с небольшим стоимость дальневосточного рубля упала до копейки, то есть 1 золотой рубль можно было обменять только за 1000 «буферок» [3].

В фондах Музея хранятся все разновидности бон ДВР: кредитные билеты 1, 3, 5, 10 руб. 1920 г. первой эмиссии, печатаемые в типографии «Иркутская фабрика государственных бумаг»; кредитные билеты 500 и 1000 руб. 1920 г. второй эмиссии Иркутской типографии; расчетные знаки 25 и 50 руб. 1920 г., печатаемые в типографии «Чурин и Ко» в г. Благовещенске. Хранятся в Музее и кредитные билеты Омского правительства: 25 и 50 руб. с печатью «Временная Земская власть Прибайкалья».

Из-за высокой инфляции с 16 мая 1921 г. ДВР официально перешла на «золотой стандарт». Все расчёты стали вестись на основе золотого царского рубля, а выпуск бумажных купюр был прекращён. К концу Гражданской войны на территории ДВР золота оказалось чуть больше, чем в иных регионах бывшей Российской империи. В Республике оказалась часть бывшего золотого запаса Российской Империи, так называемого «золота Колчака». Кроме того, золото издавна добывали в Забайкалье и на юге Якутии, поэтому перейти на монетное обращение оказалось проще.

После расформирования ДВР в 1922 г. единственной валютой Союза стал совзнак. Советскому Союзу удалось относительно мягко объединить денежную систему под единым рублем. Украина не приняла бы очередную бумажную купюру, поэтому объединяющим элементом явился червонец, золотой и после и серебряный, который Госбанк начал выпускать с конца 1922 г. Постепенно царские монеты были выведены из обращения. Всего за 1923–1925 гг. было отчеканено 2,8 млн червонцев [3, с. 27–29].

А с 1924 г. Советский Союз выпускает казначейские билеты, приравненные к червонцам. Банкноты выпускались в обращение номиналом в 1, 3, 5, 10 и 25 чер-

вонцев. На банкнотах было зафиксировано, что 1 червонец содержит 1 золотник 78,24 доли (7,74 гр.) чистого золота, то есть 1 руб. новых казначейских билетов составлял 1 руб. золотом. Для недопущения инфляции эмиссия казначейских билетов не могла превышать 50% массы выпущенных червонцев. Таким образом, благодаря проведению грамотной и четко рассчитанной финансовой политики за 2 года удалось полностью устранить ужасающие последствия финансовой анархии революционных лет и создать прочную финансовую систему, основанную на признанной и ценимой на международной арене денежной единице – советском червонце [Там же, с. 59–61]. Без всякого сомнения, финансовую реформу начала 1920-х г. можно считать одной из самых успешных финансовых операций российской власти за всю ее историю.

На момент написания этой статьи в фондах музея нами было выявлено более 20 разновидностей бон, периода революции в России и ДВР 1918–1922 гг. Не все из них были описаны в статье, так облигации, выигранные займы и авансовые карточки в статье были не упомянуты по причине того, что мы считаем это отдельной темой для дальнейшего исследования.

Источники и литература

1. Берлацкий Б. Очерки по денежному обращению и кредиту на Дальнем Востоке. Русский Дальний Восток (1917–1923) // Кредит и банки. – 1923. – № 1. – С. 9–12.
2. Вирякин С. Реформа 20-х годов. Из истории денег. – Текст: электронный // BANKIR.RU. – URL: <https://bankir.ru/publikacii/20060807/iz-istorii-deneg-prodoljenie-1367089/> (дата обращения: 02.10.2020).
3. Курсель К. П., Лукасюк А. А. Денежное обращение на русском Дальнем Востоке с 1918 по 1924 год. – Чита: Книжное дело, 1924. – 64 с.
4. Лобанов В. Г. Старая Чита: документальный рассказ. – Изд. 2-е, исп. и доп. – Чита: Степанов М. А., 2003. – 336 с.
5. Наделяева Н. Почти 100 лет назад Благовещенск накрыл денежный кризис. – Текст: электронный // AMUR.INFO. – URL: <https://www.amur.info/culture/2014/11/15/5253> (дата обращения: 03.10.2020).
6. Петин Д. И. Эмиссионная политика дальневосточного «буфера» в 1920 г.: новые факты. – Текст: электронный // Новейшая история России. – 2012. – № 2. – URL: <http://modernhistory.ru/d/retin.pdf> (дата обращения: 03.10.2020).
7. Погребницкий А. И. Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока за период войны и революции (1914–1924). – Харбин: Книжное дело, 1924. – 455 с.
8. Тарасов О. Деньги Гражданской войны. Часть 2. Дальний Восток. – Текст: электронный // История государства. – URL: <https://statehistory.ru/2647/Dengi-Grazhdanskoy-voyny> – СНаст-II/ (дата обращения: 03.10.2020).
9. Чашин А. И. Бумажные свидетели истории Восточного Забайкалья. – Новосибирск: Дом мира, 2016. – 296 с.

Ингодинское восстание – яркая страница летописи гражданской войны в Улётовском районе

В ночь с 5 на 6 ноября 1919 г. в селе Доронинское подпольная группа начала вооруженное восстание против банд атамана Семенова. Активную роль в организации восстания играли Пётр Афанасьевич Аносов, братья Сущих и Бургуловы. В ходе восстания погибли сотни наших земляков; многие из них зверски замучены. Восстание вошло в историю края как Ингодинское.

Ключевые слова: подпольная организация, партизанский отряд, Ингодинский район, Ингодинское восстание, Ингодинский военно-революционный штаб, семёновцы, японские интервенты, большевики

Февральская революция 1917 г., а за ней Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 г. внесли разлад в умы малограмотных крестьян Забайкалья. В 1918 г. с установлением Советской власти в Чите были созданы большевистские сельские Советы в двух волостях (на территории современного Улётовского района) – Николаевской и Татауровской. В августе 1918 г. власть Советов временно пала. К власти пришли атаман Семенов и японцы с белочехами. Они установили в забайкальских селах жесточайший режим. Начало Гражданской войны и кровавый разгул озверевшей белогвардейщины окончательно раскололи деревню на сторонников большевиков и их противников [3, с. 3–4; 4, с. 2].

Крестьянам Татауровской и Николаевской волостей, забитым и неграмотным не просто было разобраться в водовороте происходящих событий. В достаточно далекой от Читы таёжной глухомани новости всегда запаздывали, и о реальной картине происходящих в крае событий было трудно судить. Из числа кулачества и середняков были образованы белые дружины. Семеновцы провели мобилизацию молодых мужчин и парней и установили строгий надзор за каждым. Под руководством кадровых семеновских офицеров в деревнях вылавливали большевистски настроенных крестьян; их допрашивали, пытали, истязали нагайками, расстреливали, отбирали продовольствие, фураж, лошадей, одежду. Бесчинство и жестокость карателей быстро отрезвили крестьян, – они увидели истинное лицо за-

щитников старых порядков. Недовольных существующим режимом становилось все больше и больше [4, с. 2].

Ещё летом 1919 г. на тайном собрании большевиков в Чите рядовому красногвардейцу Андрею Федоровичу Гнилицкому было поручено выехать в села верховий долины реки Ингоды, чтобы организовать там партизанский боевой отряд для дальнейшей борьбы с белогвардейцами. Выполнить это поручение было очень непросто; стычки и перестрелки с белыми задержали Гнилицкого в Чите. Только в конце октября 1919 г. он выехал в Ингодинский район (в Татауровскую и Николаевскую волости) вместе с Николаем Васильевичем Зыковым [2, с. 110–113].

До прибытия А. Ф. Гнилицкого и Н. В. Зыкова в селах Ингодинского района уже сформировались довольно крепкие подпольные организации. В селе Улеты возглавили подпольную организацию А. Газинский и И. Малафеев; в селе Арта руководителями были Г. Бродягин, Л. Наханович, И. Воробьев; в селе Доронинское это были братья Сущих (Амос, Павел, Афанасий, Даниил, Анемподист) и братья Бургуловы (Ефим, Андриян, Платон); в селе Горекацан – Т. Бесконечников; в селе Хадакта – Е. Панков; в селе Черемхово – учитель П. В. Литвинов; в селе Татаурово – Вотинев; также были подпольные организации в селах Дешулан, Николаевское, Новосалия, Танга [1, с. 159; 4, с. 4].

В то же время, к октябрю 1919 г. в долину реки Ингоды с боями из района

Дарасуна пробился через сильные семеновские заслоны Алханайский отряд партизан во главе с Петром Афанасьевичем Аносовым. Отряд вышел к верховьям реки Оленгуй в районе сел Арты и Доронинского. Подпольная организация из села Доронинское, которую возглавлял Амос Егорович Сущих, установила связь с отрядом Аносова [3, с. 34–35].

Работать приходилось в тяжелых условиях, так как повсюду действовали белогвардейские шпионы. Но, при строгой конспирации работа по селам шла успешно. Петр Аносов вспоминает: «...Помню случаи, когда устраивали в крестьянских домах гулянки и в то же время где-нибудь в бане проводили собрание с докладом о текущем моменте... Поздно вечером приезжали в нужное нам село, проводили собрание или совещание актива и перед утром вновь уезжали...» За каждым селом были закреплены надежные товарищи. Были взяты на учет фураж, продовольствие, средства передвижения; выяснены по селам контрреволюционные элементы, предатели; велась работа по накоплению оружия и боеприпасов; создавались красные дружины. При угрозе ареста или мобилизации в семеновскую армию разрешалось уйти в отряд Аносова [1, с. 158–159; 4, с. 4].

При подготовке к Ингодинской конференции посещение сел связными участилось. Отдельные партизаны стали терять чувство осторожности. Поэтому в начале ноября 1919 г. семеновская контрразведка узнала о существовании в селе Доронинское подпольной организации и арестовала несколько человек: связных Силинского и Кондратьева, братьев Сущих и Бургуловых, Тихона Бесконечникова и других товарищей [4, с. 6]. «Узнав об этом, – пишет П. А. Аносов, – мы из отряда немедленно выделили взвод, чтобы отбить арестованных, когда их повезут из села Николаевское в Читу. Из Доронинского поступили новые тревожные вести. Прискакавший нарочный сообщил, что «все наши люди арестованы, село бурлит, вот-вот надо ждать восстания». Не откладывая дела в долгий ящик, мы ночью с 5 на 6 ноября 1919 г. выехали в село Доронинское» [1, с. 159].

По реке Ингода шла сильная шуга. С большим трудом отряд Аносова переправился на левый берег. От большевика Малкова они узнали, что ранее арестованные большевики освобождены, в Доронинском ведутся аресты белых. Так, 6 ноября 1919 г. Доронинская подпольная организация под руководством братьев Сущих и Бургуловых начала восстание, вошедшее в историю нашего края под названием «Ингодинское», а село Доронинское стало его центром [4, с. 6].

Аносов восстание поддержал и принял активное участие по его расширению. Немедленно село было оцеплено; конные отряды в белогвардейских центрах – селах Николаевское и Улеты – разоружили милицию и освободили арестованных. 7 ноября 1919 г. в селе Доронинское был создан Ингодинский военно-революционный штаб во главе с П. А. Аносовым. Членами штаба были: А. Гнилицкий, Береснев, Кондратьев, Зыкин, Литвинцев (учитель из Хадакты). Собранием штаба было объявлено вооруженное восстание всего Ингодинского района. Были посланы нарочные в бурятские улусы, в села, расположенные по Хилку и Чикою, с призывом «поддержать». Штаб приказал – немедленно, не давая противнику опомниться, очистить верховье Ингоды от белых [1, с. 160–161; 4, с. 8].

Две сотни кавалерии и две роты пехоты были брошены на казачьи села Горекан, Гореку, Шехолан, Ключи. Белоказаки этих сел без особого сопротивления отступили на Аблатукан. Восставшие из Новосалии, Танги, Николаевского, арестовав семеновцев по селам, двинулись в Доронинское. Туда же боевые отряды двигались из села Арта и села Улеты. В селе Доронинское быстро были сформированы взводы, роты, батальоны; выбирали командиров. Организованно восставшие двинулись на врага. По подсчетам штаба на фронте было около 2500 бойцов [1]. Правда, огнестрельным оружием было вооружено 50%. Не смотря на это, повстанцы наступали успешно, быстро продвигаясь вперед. Под Аблатуканом завязался бой, появились первые жертвы. В бою под Хадактой, куда белые подтянули значительные силы,

противник был разбит. Заняты – Хадакта, Черемхово, Татаурово. Партизаны продвинулись к Татауровским дачам. Кавалеристы под командованием Береснева смелым налетом освободили пленных красногвардейцев, работавших там. Освобожденные, несмотря на все мучения, перенесенные в «вагонах смерти», были готовы драться с белыми [1, с. 161–162; 4, с. 8].

Полевой штаб, в составе которого были Аносов, Кондратьев, Береснев, Силинский, разработал дальнейший план наступления. Решено было идти на Читу. Но их планы были нарушены наступлением семеновской кавалерией и японских интервентов, которые зашли из Межборов (ныне Лесной городок) и начали яростный обстрел из орудий бронепоезда. Силы противоборствующих сторон оказались неравные. В рядах необстрелянных крестьян началась паника и беспорядочное отступление. Аносову и Гнилицкому не удалось восстановить порядок; отряды начали отходить. За четыре дня партизаны с боями отступили до села Николаевское. Численность сократилась до 500–600 чел., готовых драться до последней капли крови. Решено отступать в горы по реке Джила. Восстание подавлено... [1, с. 162–165; 4, с. 8–11].

Многие партизаны вернулись в родные села, чтобы бороться с белыми, но были

схвачены и зверски убиты. Жестокая расправа настигла родных и близких партизан, а также всех заподозренных в симпатии к власти Советов. Но их смерть и боль были не напрасными! Ингодинское восстание помогло прозреть бедному люду, и уже в 1920 г. вместе с частями Красной Армии односельчане погибших громили семеновцев на Хадактинском фронте, а 20 октября 1920 г. освобождали Читу – столицу Дальневосточной Республики. На сторону красного движения добровольно переходили казаки и воины из семеновских полков [4, с. 11–22].

В апреле 1920 г. в селе Доронинское были собраны по горам, полям наспех закопанные останки красных партизан и похоронены в Братской могиле церковной ограды. Красноармейцы 13 полка НРА ДВР дали салют, играла траурная музыка, развивался красный стяг, на котором были начертаны слова: «Вечная память борцам за рабоче-крестьянскую власть» [Там же, с. 22]. В каждом селе есть братские могилы отважных борцов за народное счастье. Всего в районе погибло около 250 человек. В ноябре 2019 г. в селе Доронинское собрались люди из Улетовского района и нашего края почтить память этих борцов на торжественном мероприятии «Дорогой отцов», посвященном 100-летию Ингодинского восстания.

Источники и литература

1. Борьба за советы в Забайкалье: сборник статей, материалов и документов / под ред. Г. Грунина. – Чита: Читинское областное изд-во, 1947. – 375 с. // Доронинский краеведческий музей. – Мс Д. – № 593. – ОФ.
2. Годы и люди: статьи и очерки об участниках борьбы за Советы в Забайкалье / ред. коллегия: Г. В. Грунин (отв. ред.) [и др.]. – Чита: Кн. изд-во, 1960. – 415 с. // Доронинский краеведческий музей. – Мс Д. – № 592. – ОФ.
3. Ушаков М. Г. По долинам и по взгорьям...: из воспоминаний забайкальского партизана. – Чита: Кн. изд-во, 1960. – 78 с. // Доронинский краеведческий музей. – Мс Д. – № 597. – ОФ.
4. Этим дней не смолкнет слава... – с. Улёты: Улетовская районная типография, 1989. – 32 с. // Доронинский краеведческий музей. – Мс Д. – № 1124. – НВФ.

Раздел 3. Культура, искусство, образование и наука в преддверии и в период Дальневосточной республики

УДК 304:93/94
ББК 63.3(2)61:71

*Екатерина Анатольевна Баранова,
Забайкальский краевой краеведческий музей
им. А. К. Кузнецова,
г. Чита, Россия*

Культура Читы в годы ДВР

Статья посвящена культурной жизни Читы с 1920 по 1922 г. Смена государственного строя, которая происходила в стране с 1917 г., противоречивость событий и тяжелые испытания привели к переоценке нравственных и культурных ценностей. Несмотря на неустойчивое экономическое, политическое и социальное положение в республике, Чита была одним из творческих центров России.

Ключевые слова: Дальневосточная республика, Чита, культура, литература, музыка

6 апреля 1920 г. на съезде Учредительного собрания в Верхнеудинске была провозглашена Дальневосточная республика – буржуазно-демократическое государство, целью которого было не допустить военного конфликта между Советской Россией и Японией. Столицей Дальневосточной республики в начале был Верхнеудинск (ныне г. Улан-Удэ), затем с октября 1920 г. – город Чита.

В период существования ДВР политическая и общественная ситуация в республике оказала влияние на культурную составляющую. Получив статус столицы республики, Чита стала центром, куда приезжали культурные силы со всей России. Согласно Конституции ДВР всем гражданам гарантировалась полная свобода собраний, слова и печати. Наказания за преступные деяния, совершенные путем устного или печатного слова, могли налагаться только по суду. Граждане не подлежали ответственности за свободное выражение своего мнения [1, с. 3].

Особой частью культуры является литература, которая откликнулась на кардинальные изменения в жизни страны и стала мощным инструментом для отображения действительности. Многообразие литературных направлений, появление новых

художественных приемов, массовость приводило к переоценке традиционных эстетических и духовных ориентиров.

Толчком к развитию литературного творчества послужило художественное авангардистское движение в итальянском и русском искусстве 1910-х – начала 1920-х гг. – футуризм. Стремясь создать искусство будущего, футуристы отрицали культуру со всеми её традициями, нравственными и художественными ценностями, а также «проповедовали разрушение форм и условностей искусства ради слияния его с ускоренным жизненным процессом 20 века» [2].

В 1919 г. Читю посещал один из основоположников футуризма, поэт и художник, Д. Д. Бурлюк. Им была организована художественная выставка, чтение лекций о футуризме, собственных стихов и произведений В. В. Маяковского, В. В. Хлебникова, И. В. Северянина. Но организованная им выставка в Чите успеха не имела.

Вскоре в Чите один за другим стали организовываться различные творческие союзы, привлекающие профессионалов печатного слова и любителей. Так, в ноябре 1920 г. было организовано Читинское литературно-художественное общество (ЧЛХО) – первое объединение более двух десятков худож-

ников, литераторов, журналистов и артистов Забайкалья. Председателем общества был назначен общественный деятель и скульптор И. Н. Жуков, участниками стали: поэт-футурист, театральный и литературный критик П. В. Лежанкин – известный под литературным псевдонимом Незнамов; поэт-лирик П. П. Дрягин, журналист и педагог П. Н. Дамбинов и многие другие. Среди участников ЧЛХО встречаются женские имена, например, Н. Малькова, А. Литвинцева, М. Соколова. Исследователями отмечается, что перечисленные женские имена вписываются в русло общего литературного процесса, проходившего в России в 1920-х гг., когда женское творчество становится обыденным, и появляется множество женских имен в литературе [3, с. 111]. Деятельность ЧЛХО сводилась к митингам об искусстве, футуризме и, главным образом, была нацелена на пропаганду творчества В. В. Маяковского. Об одном из таких митингов говорил П. В. Незнамов: «Один из вечеров-митингов, посвященных творчеству Маяковского, длился около шести часов, и, несмотря на это, только отдельные единицы ушли с вечера, не дождавшись его конца». Также участники объединения совершали поездки в губернии Забайкалья передвижных групп, ставили пьесы, например, «Цепи порваны», «Красная чайка» новгородского поэта Г. Я. Отрепьева [4, с. 18–57].

Немалый вклад в развитие литературной жизни Читы внесла литературно-художественная группа «Творчество», прибывшая в Читу из Владивостока в 1921 г. Ее участниками были: поэты и публицисты Н. Н. Асеев, С. М. Третьяков, Н. Ф. Насимович-Чужак, художники В. Н. Пальмов, М. Н. Аветов и другие. Во Владивостоке и Чите участники издавали футуристический журнал «Творчество», озаглавленный как «Журнал культуры, искусства и социального строительства». На страницах журнала печатались стихи, фельетоны, театральные и литературные рецензии и статьи, посвященные футуризму и творчеству В. В. Маяковского. Также участники публикуют произведения на страницах газет «Дальне-Восточный телеграф, Дальне-Восточный путь», в журналах «Театр и ис-

кусство, «Камены» и др.; среди рабочих коллективов Читы участники «Творчества» выступали с чтением поэм и стихотворений, проводили массовые лекции, театральные постановки и митинги об искусстве. Особое внимание уделяли художественному оформлению: проводимые мероприятия украшали плакатами, картинами, организовывали выставки. Исследователями отмечается, что участники «Творчества» воспринимали свое движение как «аналог социальной революции, перенесенной в область искусства, где они стали претендовать на эстетическую монополию в литературно-художественной жизни региона» [5, с. 472].

Большое внимание в Чите уделялось изобразительному искусству. По инициативе С. М. Третьякова и Н. Н. Асеева были созданы «мастерские нового искусства», состоящие из шести секций: словесной, дальневосточных культур, декламационной, зрелищной и изобразительного искусства, руководителем которой был М. Н. Аветов. Мастерские, сокращенно названные как «Искусстварь» (Дальневосточные мастерские искусствоведения), были организованы с целью подготовки специалистов для учреждений культуры, а также направлены на «целенаправленную повседневную работу по пропаганде нового искусства» [6, с. 152].

Активно в период Дальневосточной республики работала Читинская художественно-промышленная школа (ЧХПШ), которая готовила профессиональных художников. Среди учеников школы были талантливые братья Задорожные: Николай, Петр и Иван, которые с детства проявляли любовь к рисованию. Окончив в 1921 г. обучение, П. С. Задорожный принимал участие в росписи Иоанно-Предтеченской церкви в Чите, Николай преподавал изобразительное искусство в учебных заведениях города. Истинным призванием братьев стала иконопись. В 1924 г. братья эмигрировали в Маньчжурию, затем в Харбин, где строилось много церквей, и был большой спрос на иконописцев. Братья преподавали рисование и графическое искусство в высших учебных заведениях Харбина, выполняли роспись храмов и иконостасов. На развитие их таланта и стиля оказал влияние препода-

ватель Читинской художественно-промышленной школы Н. А. Вьюнов, который также занимал должность директора ЧХПШ с 1915 по 1921 гг. [7, с. 85].

Интересные сведения о художественной жизни Читы в период ДВР приводит искусствовед Е. Г. Иманакова в статье «Небольшой эпизод из красной жизни», посвященной первой творческой организации – отделу изобразительного искусства профессионального союза работников искусств. Это было молодое объединение, которое выступило организатором конкурса «эскизов для сдачи работ по росписи и декорированию помещения Учредительного Собрания» [8, с. 86]. В состав жюри вошли уже выше упомянутые известные художники: И. Н. Жуков, Н. А. Вьюнов, А. А. Арнольдов, И. П. Сверкунов. По решению жюри высшую премию получил Г. Р. Жизневский – художник, приглашенный в Читу в качестве педагога ЧХПШ за эскиз «Радостный, революционно-могучий энтузиазм коллективного творчества». Совместно с учащимися художественно-промышленной школы задуманный эскиз был исполнен в кратчайший срок.

Из этого следует, что художественная жизнь Читы в условиях становления общественно-политической системы продолжала развиваться. В Читу приезжали видные художественные деятели, делились опытом, совместно с читинскими художниками организовывали выставки, способствовали культурному развитию Читы.

Значительное место в культурной жизни республики занимала музыка. 1920 г. озаменовался для ДВР созданием Народной консерватории во Владивостоке, затем в 1921 г. первое государственное музыкальное учреждение было открыто в Чите. Инициатива открытия Читинской народной консерватории принадлежала выдающимся музыкантам – педагогам, супругам Л. А. и А. Ф. Крушельницким. А. Ф. Крушельницкая, окончив Московскую консерваторию по классу фортепиано, в течение 10 лет работала концертмейстером в Большом театре, ее супруг – выпускник Одесского музыкального училища Общества изящных искусств по классу скрипки. После прибы-

тия в Читу в 1915 г., дом Крушельницких стал центром музыкальной жизни Читы; они объединили вокруг себя любителей музыки, устраивали домашние концерты. Осознавая необходимость распространения музыкального образования, имеющего воспитательные и просветительские цели, Крушельницкие обратились в правительство ДВР с ходатайством об открытии учебного заведения. Первый урок в консерватории состоялся 21 марта 1921 г. в торжественной обстановке в присутствии заместителя министра просвещения ДВР. Обучение в консерватории было бесплатным для всех желающих, особо нуждающимся выплачивалась стипендия. Были открыты классы скрипки, фортепиано, народных инструментов, музыкальной грамоты; при консерватории создали хор, оркестр и балетную труппу [9]. Преподавателями в консерватории были люди, имеющие великолепное музыкальное образование: В. Н. Борман – выпускник Дрезденской консерватории, преподаватель сольного пения; З. Д. Шварева-Павлова – профессиональная оперная певица, получившая образование в Высших музыкальных классах; Б. В. Калмыков – выпускник Синодального училища церковного пения, преподаватель сольфеджио и теории музыки и многие другие. После занятий педагоги и учащиеся проводили репетиции, организовывали концерты; для читинской публики были исполнены сцены из опер «Русалка» А. М. Даргомыжского, «Кармен» Ж. Бизе, «Пиковая дама» П. И. Чайковского. В 1923 г. по решению Дальневосточного отдела народного образования Народная консерватория была преобразована в Музыкальный техникум.

Таким образом, культурная жизнь Читы в годы ДВР отличалась многообразием и интенсивностью. Несмотря на переломные моменты в истории, неоднозначность общественно-политического строя, Чита стала очагом творческих сил России. Помимо литературы, изобразительного искусства, музыки, уделялось внимание работе музеев, театрального искусства, издательской деятельности и т. д. Озвученные вопросы не утратили актуальности и остаются предметом для более глубокого изучения.

Источники и литература

1. Белоносова И. В. Музыкальная культура Читы. – Красноярск: Красноярская гос. академия музыки и театра, 2007. – 167 с.
2. Дальневосточная Республика. Конституция (1921). Основной закон (Конституция) Дальневосточной Республики: утвержден Учредительным собранием Дальнего Востока 27 апреля 1921 года. – Чита: Государственная типография, 1921. – 72 с. – URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/49244> (дата обращения: 29.10.2020). – Текст: электронный.
3. Дворниченко Н. Е. Вчера и сегодня забайкальской литературы: статьи, очерки, портреты. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1982. – 271 с.
4. Иманакова Е. Г. Небольшой эпизод из «красной жизни» // Хронограф: забайкальский исторический журнал. – 2013. – № 2. – 134 с.
5. История Дальнего Востока России / под общ. ред. Б. И. Мухачева. – Т. 3. Кн. 1: Дальний Восток России в период революций 1917 г. и Гражданской войны. – Владивосток: Дальнаука, 2013. – 634 с.
6. Константинов А. В, Константинова Н. Н. История Забайкалья (1917–1922 годы): учеб. пособие. – Чита: ЗабГУ, 2016. – 188 с.
7. Словарь иностранных слов / под общ. ред. В. В. Пчелкина. – М.: Русский язык, 1988. – 608 с.
8. Титарева Л. Д. Женская проза Забайкалья как социокультурный феномен // Ученые записки Забайкальского государственного университета. – 2015. – № 4.
9. Шильникова Т. Л., Клестова М. С. О читинских художниках-иконописцах – братьях Задорожных // Забайкальские рождественские образовательные чтения «Князь Владимир. Цивилизационный выбор Руси»: материалы науч.-практ. конф. (г. Чита, 11–12 декабря 2014 г.). – Чита: ЗабГУ. – С. 82–90.

УДК 7.03:93/94

ББК 63.3(2)61:85.14

Ирина Викторовна Бухоголова,
Забайкальский краевой краеведческий музей
им. А. К. Кузнецова,
г. Чита, Россия

Художник-футурист В. Пальмов: творчество в период ДВР

В статье рассматривается творчество художника-футуриста В. Пальмова в период существования ДВР, роль автора в культурной жизни Читы. Характеризуется направление в искусстве – футуризм, его появление и развитие на Дальнем Востоке, в том числе столице ДВР – Чите. Анализируются картины В. Пальмова, хранящиеся в фондах Забайкальского краевого краеведческого музея им. А. К. Кузнецова. Исследуемые произведения искусства впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: модернизм, футуризм, искусство ДВР, Чита, В. Пальмов, Д. Бурлюк

Искусство России XX в. характеризуется появлением новых направлений, ярчайшим из которых является футуризм. Мировая культура получила имена поэтов и художников, среди которых В. Маяковский, Д. Бурлюк, Н. Асеев, В. Хлебников, Б. Пастернак. Футуризм популяризировался на Дальнем Востоке, в том числе и в Чите. К примеру, литературно-художественное объединение «Творчество», клуб «Балаганчик», журнал «Творчество» являлись организациями

футуристического характера. Появление и развитие футуризма в культурной жизни Читы малоизученно, нуждается в культурологических и искусствоведческих исследованиях.

Цель данной статьи – исследовать творчество художника В. Пальмова, как наиболее яркого представителя русского футуризма. Проанализировать картины данного автора, хранящиеся в фондах Забайкальского краевого краеведческого музея им. А. К. Кузнецова.

К изучению развития футуризма в дальневосточном регионе, в том числе в Забайкалье, обращались такие исследователи, как В. Кандыба, В. Катеринич, Е. Турчинская, Н. Мизь, Л. Козлова, В. Марков, Н. Дворниченко. Творчество художника В. Пальмова изучалось Н. Тюменцевым, И. Сульдиным, Е. Сироид.

В России футуризм появился в начале XX в. как одно из течений модернизма. Так называемым «отцом» данного направления в нашей стране являлся Давид Бурлюк, считавший, что «футуризм – не школа, а новое мироощущение» [6, с. 7]. Исторические события, происходящие в России, отразились на культурной жизни Дальнего Востока. В 1919 г. во Владивостоке «собралась уже целая армия деятелей всех видов искусств и течений, которые со всех концов волею судеб причалили к берегам Великого Океана...» [5]. К 1920 г. приезжают художники Давид Бурлюк и Виктор Пальмов. Своим эпатажным видом, новаторскими стихами, модернистской живописью они привлекают внимание жителей. Футуристы принимают в свои ряды местных деятелей культуры и искусства. Достаточно быстро художники организуют свой творческий коллектив. Одним из наиболее значительных событий становится появление журнала «Творчество». В этом издании футуризм активно пропагандируется и подается как «искусство пролетариата» [1, с. 131]. В журнале Д. Бурлюк печатает «Мысли об искусстве», он говорит: «Футуризм – мотор прогресса. По сравнению с футуризмом, искусство XX века – это искусство ископаемых. Футуризм – единственное искусство всему народу» [4, с. 291]. В 1920 г. в конце сентября Д. Бурлюк эмигрирует в Японию, затем перебирается в США.

Художественная жизнь Читы периода существования ДВР разнообразна и насыщена. Футуристы организуют лекции об искусстве, читают новаторские стихи, проводят выставки. Их популярность настолько высока, что сразу же после возвращения В. Пальмова из Японии, Министерство просвещения ДВР предложило ему возглавить художественно-промышленную школу – единственное учебное

заведение, готовившее художников в Чите. В это время работает известный скульптор, И. Жуков. Из художников-реалистов наиболее активен И. Сверкунов.

Инициативная группа по созданию дальневосточных мастерских, в состав которой входят футуристы В. Асеев, В. Пальмов, Н. Насимович-Чужак, С. Третьяков, в 1921 г. публикуют свою «Декларацию». В ней говорится: «ДВР и Чита, в частности, переставая быть глухими задворками России, приобретают самостоятельное значение, находясь на месте стыка великих культур европейской и азиатской... Непрерывный художественно-творческий процесс должен стать всеобщим. Активность работника искусства должна раствориться в творческой восприимчивости массы» [3].

Виктор Никандрович Пальмов (1888–1929 гг.) считается одним из наиболее ярких представителей футуризма. Художник родился в Самаре, учился в Пензенском художественном училище. После его окончания поступил в училище живописи, ваяния и зодчества в Москве. Работал в учебной мастерской импрессиониста К. А. Коровина. Звание художника получил в 1915 г. за выпускную работу «Портрет друга».

В 1920 г. Д. Бурлюк и В. Пальмов с художественной выставкой попадают в Японию. Оттуда Д. Бурлюк отправляется в США, В. Пальмов возвращается в Россию. Он преподает в Читинской художественно-промышленной школе (1921–1922), будучи ее директором, одновременно является членом отделения ИЗО Наркомпроса ДВР. После окончания гражданской войны он уезжает на Украину. В 1925 г. Пальмов уже профессор и декан Киевского художественного института. Умер художник-футурист В. Пальмов в возрасте 41 года, в результате неудачной операции.

В 2006 г. в США, в Чикаго, а затем в Нью-Йорке проходила выставка «Модернизм на Украине». Чикагская газета «Reklama» написала тогда о В. Пальмове: «В его полотнах главное – это колористическое мастерство, выбор цветовой гаммы, определяющей и тематику, и эмоциональное настроение полотна. В каждой работе

читается колоссальной силы внутренний трагизм той жизни, далеко не счастливой, как уверяла советская пропаганда» [8].

В 2002 г. в художественных музеях Японии состоялась выставка «Модернизм русского Дальнего Востока и Японии 1918–1928 гг.». В экспозицию вошли работы художников различных направлений и течений искусства начала XX в. На выставке были представлены картины К. Малевича, В. Кандинского, Д. Бурлюка. Забайкальский краевой краеведческий музей отправил, помимо графики и печатных изданий, две картины В. Пальмова из собственных фондов: «Беременная женщина» и «Пальмы в Японии».

Художник В. Пальмов искал новые пути в искусстве, предпочитал работать в направлении «цветистости» – собственном изобретенном стиле. Лучшие работы В. Пальмова исполнены в футуристическом стиле с элементами примитивизма и кубизма. Художник экспериментировал с поверхностью, усложняя фактуру, вводя в красочные слои фольгу, ткань, бумагу. Так, например, работа «Беременная женщина» представляет собой живописное произведение, выполненное маслом на холсте и дополненное вставками из серебристой фольги, а так же лоскутами, вырезанными из дамских кожаных перчаток.

Придавая решающую роль цвету в композиции, художник руководствовался особенностями цветового восприятия. Ритм холодных и теплых оттенков создает ощущения приближения или отдаления предмета (теплый цвет приближает, холодный отдаляет). Каждый цвет так же имеет свою символику и ассоциацию. В связи с этим, анализируя картины В. Пальмова, прежде всего, необходимо выявить значение цветовых отношений в композиции. Работа «Пальмы в Японии» выполнена в статичном квадратном формате, построена на отношениях сине-зеленых и оранжево-красных оттенков. Известно, что эти цвета являются дополнительными по отношению друг к другу. Поэтому они способны подчеркивать яркость и контрастность, находясь рядом. К примеру, красный на зеленом фоне будет казаться намного ближе к спек-

тральному, чем тот же его оттенок на белом фоне. В наследии В. Пальмова есть полотно «Вариации на тему Гогена», очень схожее с картиной «Пальмы в Японии». В этих произведениях нет теней. Известно, что сам П. Гоген часто избегал изображения теней, называя их «обманом зрения, вызванным солнцем» [2]. Таким образом, руководствуясь гогеновским живописным принципом, без теней картина «Пальмы в Японии» становится репрезентацией реальности на холсте. Что касается особенностей цветового восприятия, то зеленый – цвет надежды, спокойствия. Оранжевый – цвет теплоты, радости. Можно сделать вывод, что «Пальмы в Японии» олицетворяют спокойную, размеренную счастливую жизнь, оставляют у зрителя только положительные эмоции.

В газете «Дальневосточный телеграф» за сентябрь 1921 г. говорится о выставке В. Пальмова в Читинском Мариинском театре: «Самые последние достижения Пальмова – ряд картин, созданных на тропическом острове Огасавара, реализующих впечатления от Японии. Их живописное богатство настолько значительно, а форма настолько нова и творчески оригинальна, что все это выдвигает Пальмова в первый ряд современных русских художников-изобретателей» [7]. На открытии выставки выступал С. Третьяков и группа «Творчество» в полном составе. Необходимо отметить, что весь сбор средств от продажи билетов на выставку отошел «в пользу голодающих Советской России» [Там же].

Таким образом, футуризм, как направление в искусстве, во многом определил развитие культуры России XX в., в частности Дальнего Востока и Читы. Проанализировав творчество В. Пальмова, можно сделать вывод, что данный художник являлся наиболее ярким представителем футуризма. В своем творчестве он сделал ставку на эмоции, вызываемые особенностями цветового восприятия, положив их в основу своего изобретения – живописного стиля «цветистость». В. Пальмов активно пропагандировал футуризм как искусство нового времени. Художник считал, что Чита может стать культурным центром в виду своего расположения на границе

европейской и азиатской культур. В период существования ДВР, В. Пальмов был хорошо известен читинцам как активно выставяющийся художник, директор художественно-промышленной школы, член объединения «Творчество» и отделения

ИЗО Наркомпроса ДВР. Друг и соратник художника Д. Бурлюк считал В. Пальмова художником мирового значения. Его новаторское творческое наследие заслуживает глубокого изучения культурологами и искусствоведами.

Источники и литература

1. Асеев Н. Проза 1916–1963 // Собрание сочинений: в 5 т. – М.: Художественная литература, 1964. – Т. 5. – 716 с.
2. Ванкарем Никифорович. Открытие и потрясение. О новой выставке в Чикагском культурном центре // ATTRIBUTION WORKS OF ART. – URL: <http://www.keytoart.org.ua/reklama.htm> (дата обращения: 04.10.2020). – Текст: электронный.
3. Гордеева М. Великие художники. Поль Гоген. – М.: Комсомольская правда: Директ-Медиа, 2009. – Т. 8. – 49 с.
4. Декларация инициативной группы по организации дальневосточных мастерских // Дальневосточный телеграф. – 1921. – № 9.
5. Катеринич В. Футуристы на Дальнем Востоке // Дальний Восток. – 2002. – № 5/6. – С. 287–296.
6. Марков В. М. Русский след в Японии, Давид Бурлюк – отец японского футуризма // Известия Восточного Института ДВГУ. – 2007. – № 14.
7. Русский футуризм и Д. Бурлюк, «отец русского футуризма» / авт.-сост. Е. Баснер. – СПб.: Palace Editions: Государственный Русский музей, 2000. – 239 с.
8. Тюменцев Н. «Еще о живописи Пальмова» // Дальневосточный телеграф. – 1922. – № 2. – С. 5.

УДК 77:93/94

ББК 63.3(2)61:85.16

*Анастасия Алексеевна Дубинина,
Забайкальский краевой краеведческий музей
им. А. К. Кузнецова,
г. Чита, Россия*

Коллекция фотографий ДВР из фондов ГУК «Забайкальский краевой краеведческий музей имени А. К. Кузнецова»

Статья описывает фотографическую коллекцию по теме «ДВР» 1920–1921 гг., хранящуюся в фонде Забайкальского краевого краеведческого музея имени А. К. Кузнецова. Фотографии в коллекции являются историческим источником, который представляет собой, прежде всего, авторское видение событий, происходившие в тот или иной момент жизни автора снимка с фиксацией реальной действительности в мельчайших деталях. Статья на основе фотоматериала описывает шесть событий из истории ДВР.

Ключевые слова: *фотография, коллекция, фонд, ДВР, народно-революционная армия*

Фотографические снимки, хранящиеся в фонде ГУК «Забайкальского краевого краеведческого музея имени А. К. Кузнецова» являются документами, и несут достоверную информацию, основанную на точной фиксации происходивших действий в определённый момент времени. Они, как исторический источник, представляют собой, прежде всего авторское видение событий, которые происходили в тот или иной момент жизни автора снимка. Особенность такого

источника заключается, прежде всего, в фиксации реальной действительности в мельчайших деталях происходившего процесса. Снимок даёт возможность образно представить проходившие события и в полной мере осмыслить действительность.

Источниковедческий анализ фотографий по теме «Дальневосточная республика» (далее – ДВР), проводился с изображениями, выполненных на пленке (негативы), которые составили 29,6% анализа и на бумаги

(позитивы), – 70,4% анализа. Исследования снимков как исторического источника включают в себя в первую очередь установление события, места и времени запечатленного кадра.

Актуальность выбранной темы заключается в том, что коллекция фотографий, хранящаяся в фотографическом фонде музея по теме ДВР, как исторический источник является малоизученной темой, которая не получила достаточного освещения в научной литературе. Поэтому целью нашей работы является раскрыть основные события в 1920–1921 гг. отраженные в фотографическом материале коллекции ДВР и вести в научный оборот комплекс неопубликованных фотографий.

Первые фотографии (в количестве 16 единиц хранения) по теме ДВР поступили в фонд музея в 1955–1956 гг. от директора «Читинского областного краеведческого музея» (1942–1948) Николая Сергеевича Тяжелова. Далее коллекция фотографий пополнялась единичными экземплярами снимков от И. В. Цыпалова, Е. Д. Кулькова, Н. Е. Широких, Пронина, А. А. Колобова [3].

В 60-х гг. XX в. коллекция фотографий дополнена 20 ед. хр. из фондов «Российского государственного архива кинофотодокументов» и фонда № 464 Музея Революции СССР (ныне Государственный центральный музей современной истории России) [4].

В 70–80-х гг. XX в. в ходе выездных экспедиций сотрудниками музея было собрано 23 фотографии, которые вошли в фонд музея. Так же единичные фотографические снимки в эти годы поступили от Кочергина, Фатькина, Г. И. Поломошнова, В. С. Крайнова, Ю. А. Матвеева, Жигалина, Е. В. Кузова [5; 6].

В 2002 г. от Н. С. Осипова в фонд музея поступила коллекция копий фотографий (в количестве 91 ед.), которые выполнены с подлинников, хранящиеся в архиве города Подольска.

Таким образом, на 2020 г. общее количество фотографий по теме ДВР составляет 310 ед. хранения (из них позитивы – 152 ед. хр., негативы – 48 ед. хр., фотокопии – 110 ед. хр.).

Тематически фотографии по теме ДВР можно разделить на 6 разделов, которые отражают следующие события 1920–1921 гг.:

Первый раздел фотографий «Становление ДВР. События апрель–май 1920 г.». Эта группа фотографий отражает события западной группы Дальневосточного бюро, происходившие в г. Верхнеудинске. На фотографиях запечатлен 1-й учредительный съезд трудящихся Прибайкалья, созданный Временным Верхнеудинским земским правительством, на котором 6 апреля 1920 г. провозгласили образование независимой Дальневосточной республики с избранием Временного Правительства ДВР. Вместе с организацией дальневосточной республики, создавалась Народно-революционная армия, командующий состав которой принял участие в съезде с проведением первой конференции. Основными вопросами конференции были перспективы создания и развития нового государства. В честь съезда трудящихся Прибайкалья Народно-революционной армией (далее – НРА) был организован парад.

Второй раздел фотографий «События первого и второго этапа ликвидации «Читинской пробки» апрель – октябрь 1920 г.». На фотографиях отражены пешие переходы частей НРА по территории Забайкальской области, которые наглядно иллюстрируют материальную и техническую обеспеченность армии. Необходимо отметить коллекцию фотографий из альбома командующего воздушным флотом НРА ДВР Н. М. Брагина, на которых запечатлены аэродромы на станциях Карымская, Тарбагатай и основные типы самолетов 1920-х гг.

Третий раздел фотографий «События, происходившие на станции Гонгота в 1920 г.». В основном это фотографии прибытия послов Японии и членов правительства ДВР на станцию Гонгота. Особо стоит отметить фотографии, на которых запечатлен процесс завершения первых несостоявшихся переговоров 24 мая 1920 г. На снимках отражен момент выхода из здания станции Гонгота члена правительства ДВР Ф. Н. Петрова и японского полковника Куросава в окружении солдат.

События второго этапа подписания соглашения 15 июля 1920 г. иллюстрируют групповые фотографии участников переговоров (со стороны ДВР – А. М. Краснощёков, главком НРА – Г. Эйхе, К. Я. Лукса и японское командование).

В результате подписания соглашения 25 июля 1920 г. «О нейтральной зоне от станции Гонгота до станции Сохондо», началась эвакуация японских войск из Забайкальской области, завершившаяся 15 октября 1920 г. [1].

Четвертый раздел фотографий «События по подготовке к третьей операции ликвидации «Читинской пробки»». Стоит отметить одну из редких фотографий в коллекции фонда, которая иллюстрирует данные события. Это фотография членов Таежной экспедиции во главе с Я. П. Жигалиным, которые 24 июня 1920 г. направляются на Амур от станции Могзон с целью поиска пути в обход города Читы для установления связи с армией Дальнего Востока.

Пятый раздел фотографий «История формирования и работа правительства ДВР со столицей города Чита, 1920–1921 гг.». По хронологии первые событийные снимки относятся к освобождению города Читы. На фотографиях представлена группа партизан, которые запечатлены на привале 24 октября 1920 г. и первыми с боями вошли в город Читы.

Вторые событийные снимки 1920 г. является прибытие членов правительства ДВР из г. Верхнеудинска в г. Читы 25 октября. По прибытию поезда на станцию Чита члены правительства ДВР организовали митинг. На снимках зафиксированы выступающие с вагонов поезда члены правительства А. М. Краснощёков, А. И. Блинников, Е. Н. Савельев.

28 октября 1920 г. в г. Чите проходила конференция представителей областных правительств, на которой была принята Декларация ДВР в новой редакции и избрана комиссия по выборам в Учредительное собрание во главе с К. С. Шрейбером. Для завершения оформления республики с 9 по 11 янва-

ря 1921 г. было выбрано Учредительное собрание, которое избрало правительство ДВР в составе: А. М. Краснощёков, И. П. Кларк, Н. М. Матвеев, М. М. Бородин, И. В. Слинкин, В. С. Бондаренко, Д. С. Шилов. Назначенный Совет министров под руководством П. М. Никифорова и Ф. Н. Петрова наделен полномочиями высшего исполнительного органа власти новой республики [2, с. 4–23].

Работу правительства Дальневосточной республики отражают фотографии президиума учредительного собрания ДВР 1921 г., групповые фотографии различных фракций учредительного собрания, а так же сюжетные снимки рабочих моментов членов правительства с министрами. В этой категории фотографий особый интерес представляют портретные фотографии членов правительства и политических деятелей ДВР (например: портрет председателя правительства А. М. Краснощёкова, председателя совета министров ДВР Кобызева, министра народного просвещения М. П. Малышева, Министра внутренних дел Е. М. Матвеева, министра по национальным делам К. Я. Лукс. и др.).

Шестой раздел фотографий «Ликвидация ДВР 1922 г.». Представлены самой малочисленной группой фотографий. На снимках отражены митинги, проходившие в разных районах города Читы под общим лозунгом «Ликвидация ДВР и присоединение к РСФСР».

Таким образом, фотографическая коллекция по теме ДВР 1920–1921 гг. хранящаяся в фонде ГУК «Забайкальского краевого краеведческого музея имени А. К. Кузнецова» является уникальным и достоверным историческим источником, который отражает 6 основных событий в 1920–1921 гг. Иные аспекты истории ДВР, отраженные на фотографиях автор статьи оставил не раскрытыми целенаправленно, так как в рамках одного исследования это сделать невозможно. Поэтому коллекция фотографий по теме ДВР остаётся слабо изученной и представляет огромный интерес для будущих исследователей.

Источники и литература

1. Баринов А. О. Гонготское мирное соглашение // Читинское обозрение. – 2019. – № 29(1565). – 17 июля. – URL: <http://obozrenie-chita.ru/article/gongotskoe-mirnoe-soglashenie> (дата обращения: 03.10.2020). – Текст: электронный.
2. Закаблуковская Н. Н. Дальневосточная республика // Хронограф: забайкальский исторический журнал. – Чита: Забайкальское общество любителей истории, 2013. – С. 4–23.
3. ЗККМ (Забайкальский краевой краеведческий музей имени А. К. Кузнецова). – Фотографический фонд. – Инвентарная книга № 1.
4. ЗККМ. – Фотографический фонд. – Инвентарная книга № 2.
5. ЗККМ. – Фотографический фонд. – Инвентарная книга № 3.
6. ЗККМ. – Фотографический фонд. – Инвентарная книга № 4.

УДК 37:93/94

ББК 63.3(2)61:74

*Юлия Евгеньевна Коваленок,
Забайкальский краевой краеведческий музей
имени А. К. Кузнецова,
Чита, Россия*

Деятельность учреждений образования в г. Чите в период Дальневосточной республики (1920–1922 гг.)

Статья посвящена характеристике деятельности некоторых учреждений образования города Читы, находившихся в ведомстве Министерства народного просвещения, в период существования Дальневосточной республики в 1920–1922 годах. Автор говорит о сложностях существования названных учреждений, отмечая, что именно в названные годы были заложены основы для формирования в дальнейшем системы образования г. Читы.

Ключевые слова: Дальневосточная республика, Конституция, образование, Министерство народного просвещения, техникум, школа, институт

Дальневосточная республика (ДВР), охватывавшая всю территорию бывшей Российской Империи к востоку от реки Селенга и озера Байкал до Тихого океана, учреждалась как республика демократическая. В период с 27 апреля 1921 по ноябрь 1922 гг. она управлялась Основным законом (Конституцией), которая определяла все сферы жизни граждан нового государства. Так, раздел VII Конституции ставил задачу предоставить всем, и в первую очередь трудящимся, всестороннее образование: обязательное, бесплатное, совместное для обоих полов и представляющее единую систему на основе трудовых принципов преподавания [9, с. 37–38].

Центральным органом управления образованием стало Министерство народного просвещения. В 1921 г. его отделы отвечали за работу учреждений профессионально-технического образования, дошкольного и внешкольного образования, школ. Позже создан подотдел высших учебных заведений [4].

Рассматриваемый период – период восстановления после Гражданской войны, тяжелого экономического положения, что отразилось на состоянии образования. Ощущалась острая нехватка квалифицированных педагогов. В апреле 1921 г. в Чите был создан Государственный институт народного образования – первое высшее учебное заведение Забайкалья – с физико-математическим и гуманитарным факультетами в составе. С 1922–1923 учебного года начали работу агрономический и рабочий факультеты. Для студентов дневного отделения рабочего факультета выделялись государственные стипендии, при наличии вакантных мест поступившие могли обучаться за свой счет [8].

Материальная база образовательных учреждений находилась в бедственном положении. Несмотря на провозглашенное бесплатное государственное образование, многие учреждения вынуждены были брать плату или изыскивать иные способы преодолеть

материальные затруднения. Пример тому Читинская художественно-промышленная школа – первое государственное профессиональное учебное заведение в Забайкалье по подготовке художественных кадров, открытое в 1913 г. Школа была единственным «рассадником художественных знаний» не только в крае, но и на всю Сибирь и Дальний Восток от Омска до Владивостока. В августе 1921 г. ее директором становится В. Н. Пальмов. Чтобы улучшить материальное положение учебного заведения, он предлагает придать ей производственный характер и переименовать в Читинский художественно-промышленный техникум. Теперь бесплатно поступающие ученики помимо учебы по 4 часа ежедневно обязаны работать в художественных или промышленных мастерских. Для нежелающих работать устанавливалась плата. Лица от 15 лет принимались на художественное отделение для обучения живописи, рисованию, скульптуре, лепке; или на промышленное отделение с преподаванием в живописной, столярной, ткацкой и рукодельной мастерских. В 1923 г. техникум был объединен с Читинским политехникумом [7, л. 11–13].

Внешкольный отдел Министерства просвещения состоял из пяти главных секций: искусств, школьно-курсовой, народных домов и клубов, библиотечной и музейно-экскурсионной. Все они также испытывали недостаток средств и недостаток участников. Секция искусств для развития театрального дела объединяла артистов различных трупп, для их усиления приглашала артистов и музыкантов из Советской России. Для поднятия жизнеспособности консерватории предполагалась постановка платных спектаклей и приглашение пианиста Померанцева из Омска. Школьно-курсовая секция в 1921 г. наметила раскинуть сеть школ грамоты для взрослых. Секция народных домов и клубов приступила к учету народных домов, клубов и изб-читален для снабжения их кадрами и материалами. Задачей библиотечной секции стала разработка сети библиотек. А музейно-экскурсионная секция с наступлением теплых дней заметно оживила деятельность по собиранию и охране памятников старины и культу-

ры и развитию экскурсионного дела в целях изучения края [2].

Конституцией ДВР школа отделялась от церкви, вводилось совместное обучение для обоих полов, устанавливалось обязательное и бесплатное обучение за счет государства для всех детей школьного возраста. Образование и воспитание должно было представлять единую систему, объединенную общностью целей, преемственностью содержания и основанную на трудовых принципах преподавания [9].

Для создания единой государственной сети школ, построенной на основе преемственной связи между начальным, средним и высшим образованием, все типы общеобразовательных школ, а также все частные школы перешли в ведение Министерства народного просвещения. Школа делилась на две ступени: с пятигодичным курсом обучения для детей 8–13 лет и четырехгодичным – для детей 13–17 лет [1].

В условиях экономической разрухи, последствий гражданской войны народное образование находилось в тяжелых условиях. Проведенная в Чите 1–15 января 1921 г. Первая Дальневосточная конференция по народному образованию позволила выявить основные трудности и наметить пути дальнейшего развития народной школы. По итогам докладов представителей образования всех областей ДВР основными проблемами являлись: недостаток учителей и слабая их подготовленность, недостаток школьных помещений учебных пособий и материалов, тяжелое материальное положение, как учителей, так и учащихся, слабое развитие профессионального образования, недостаток школьных, дошкольных и внешкольных инструкторов, зачаточное состояние дошкольного и внешкольного образования. Рекомендации: реформирование педагогических кадров; проведение для них краткосрочных курсов; преобразование педагогических заведений; устройство курсов подготовки инструкторов; демобилизация учителей с военной службы; заготовка учебных пособий и одежды для учащихся; издание и переиздание педагогической литературы; открытие высших учебных заведений и сосредоточение народного образо-

вания в ведении Министерства народного просвещения [3].

В период существования Дальневосточной республики проводилась серьезная работа по улучшению деятельности школ. Как видно из протоколов заседаний школ, хранящихся в Государственном архиве Забайкальского края, постепенно школы освобождают от организаций, не связанных с образованием, совершенствуют учебные планы, стабилизируют оплату труда учителей, развивают внешкольную деятельность. При этом сложное экономическое положение требует максимальной экономии. Например, в школе № 2 второй ступени переходят на занятия в одну смену для экономии электричества [5].

В школах первой ступени, по наблюдениям школьных инструкторов, к 1922 г. ситуация сложилась разная. Школа № 3 находится в некомфортных условиях существования. Учеба в две смены, переполненные классы (около 50 учеников в первом классе), теснота школьных коридоров, более 500 школьников, скудное количество учебных пособий, тяжелое материальное положение учащихся – все это плачевно сказывается на усилиях учителей, пытающихся приводить в жизнь идеи трудовой школы. Совершенно противоположная ситуация сложилась в первой частной школе. Чувствуется распорядок, деловой настрой, идет кипучая деятельность по созданию естественнонаучного кабинета, который является предметом глубокой заботы учеников. В школе есть столярная мастерская, оборудуется физико-химиче-

ский кабинет. В частной школе № 2 всего 45 чел., но одновременная работа одного учителя с двумя разными классами не приносит больших результатов. В школе № 5 созданы нормальные условия обучения. Отсутствие самоорганизации учащихся заведующий объясняет неудачным опытом предыдущего года, который заставляет с осторожностью подходить к этому вопросу. В школе № 21 создан уголок природы, оформленный результатами осенних экскурсий в природу, ведут тетрадь наблюдений. В школе № 25 хорошо проходят уроки пения. Чувствуется, что они служат для всей школы «истинным наслаждением и высоконравственным удовлетворением». Родители оплачивают дополнительные часы пения по собственной инициативе. Из бесед с учителями школы № 10 школьный инспектор выяснил, что они охотно и уверенно идут по пути усовершенствования своих методов преподавания. В школе чувствуется здоровое настроение. В школе № 16 в перемены учащие устраивают с детьми игры с пением, осенью проводят экскурсии в природу, в кабинетах стоят принесенные учениками цветы [6, л. 113–125].

В заключении необходимо отметить, что, несмотря на трудную экономическую и политическую обстановку, неустойчивое развитие народного просвещения и зачастую недостаток педагогических кадров, в период существования Дальневосточной республики (1920–1922) на территории Забайкалья были заложены основы для дальнейшего формирования системы образования.

Источники и литература

1. Белоглазова С. Б. Политика Дальневосточной республики в сфере образования. – Текст: электронный // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. – 2018. – № 19. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-dalnevostochnoy-respubliki-v-sfere-obrazovaniya> (дата обращения: 19.09.2020).
2. Внешкольное образование в ДВР // Дальневосточная Республика. – 1921. – № 91. – 12 февраля.
3. Государственная конференция по народному образованию. Общая резолюция по докладам с мест // Дальневосточная республика. – 1921. – № 12. – 19 января.
4. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). – Ф. Р-32. – Оп. 1. Историческая справка.
5. ГАЗК. – Ф Р-32. – Оп. 1. – Д. 9.
6. ГАЗК. – Ф Р-32. – Оп. 1. – Д. 16.
7. ГАЗК. – Ф Р-102. – Оп. 2. – Д. 190.

8. Государственный институт народного образования. – Текст: электронный // Энциклопедия Забайкалья. – URL: <http://encycl.chita.ru/encycl/concepts/?id=2113> (дата обращения: 19.09.2020).

9. Основной закон (Конституция) Дальневосточной Республики: утверждён Учредительным Собранием Дальнего Востока 27 апреля 1921 года. – Чита: Гос. типография, 1921. – 72 с.

УДК 7.03:93/94

ББК 63.3(2)61:85.14

*Александр Васильевич Константинов,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

«Альбом открытых песен» А. К. Кузнецова

Статья посвящена малоизвестной странице жизни известного общественного деятеля и революционера А. К. Кузнецова, связанной с пребыванием на каторге в Акатуе и занятиями фотографией. Выявлен пласт его фото наследия как важнейшего источника изучения революционного движения в России. Обосновывается положение, что А. К. Кузнецов был не только краеведом, музееведом, революционером, фотографом-путешественником, но и фотографом российского революционного движения.

Ключевые слова: *А. К. Кузнецов, Забайкалье, Чита, революция, Нерчинская каторга, Акатуй, Акатуевская тюрьма, Мальцевская тюрьма, тюремный режим, музей, фотография*

В день 175 лет со дня рождения Алексея Кирилловича Кузнецова (1845–1928) – 13 февраля 2020 г. в Забайкальском краевом краеведческом музее, который носит его имя, состоялось заседание научной общест-венности г. Чита. На нем была дана оценка деятельности этого известного революционера, краеведа, музееведа, фотографа, выдвинуто предложение о переиздании его трудов, подчеркнута актуальность изучения его наследия.

В данной статье коснемся той стороны его деятельности, которая связана с занятием фотографией в период 1906–1908 гг. – времени его пребывания в Акатуевской каторжной тюрьме. В целом о занятии А. К. Кузнецовым фотографией широко известно. Все годы при заполнении различных анкет в графе род деятельности он писал – фотограф. Находясь на поселении в Нерчинске в 1885 г., он организовал фотолабораторию [3, с. 276]. Занятия фотографией продолжились и в Чите, куда он переехал в 1889 г. В своей биографии, которую он изложил в Чите в феврале 1926 г., А. К. Кузнецов писал: «В Чите мной была открыта фотография-передвижка, с которой я ездил по Забайкалью, снимая все достойное внимания. За несколько лет мной было выпущено одиннадцать фотографических

альбомов (среди них драгоценнейший альбом снимков всего, что связано с пребыванием декабристов в Забайкалье). На средства, доставляемые мне фотографией, ежегодно предпринимал экскурсии в разные места для исследования Забайкальской области и собирания коллекций для музея» [8, с. 223–238]. По доходам от фотографии А. К. Кузнецов был принят в Читинское купеческое общество по 2-й гильдии. Как известно, альбомы А. К. Кузнецова хранятся в библиотеках, музеях и архивах Нерчинска и Читы. Заголовки названий альбомов выполнены тиснением по центру обложек, а ниже слова – «фотог. А. Кузнецов в Чите».

Среди 11 фотоальбомов А. К. Кузнецова есть альбом под названием «Виды и типы Нерчинской каторги». Отразив в нем тему каторги и ссылки, он продолжил дело, начатое в 1880-е гг. американским журналистом Дж. Кеннаном и художником Дж. Фростом. С ними, кстати, он встречался в Нерчинске в 1886 г. и Кеннан в своей знаменитой книге «Сибирь и ссылка» рассказал об этом [5]. В данном альбоме А. К. Кузнецов поместил фотографии с видами тюрем, портреты каторжан и их труд на рудниках, заводах, приисках. Снимки сделаны, в том числе и на Каре, где он ранее отбывал каторгу. Время его активных поездок по краю, со-

здание фотоальбомов и издание на основе фотографий открыток – конец XIX–начало XX вв. О его поздних занятиях фотографией известно мало, хотя фотография по-прежнему остается главным источником его заработков.

В 1953 г. в Москве в издательстве Географгиз вышла книга С. Морозова «Русские путешественники фотографы», где его фамилия рядом с именами И. Д. Черского, Г. Н. Потанина, В. И. Роборовского, Г. Ц. Цыбикова, Г. Е. и М. Е. Грумм-Гржимайло, В. А. Обручева и др. Из забайкальских фотографов помимо А. К. Кузнецова в книге названы С. Б. Туманов и Н. А. Чарушин [9, с. 35–37]. Снимки А. К. Кузнецова и в настоящее время широко используются при оформлении различных изданий.

Как известно А. К. Кузнецов принимал активное участие в революции 1905–1907 гг., за что был «лишен всех прав состояния и приговорен к смертной казни через повешение». В приговоре Временного военного суда значилось: «Политический ссыльный фотограф Кузнецов». Его жизнь была спасена благодаря ходатайству Академии наук и Императорского Русского географического общества: смертная казнь заменена десятилетней каторгой в Акатуе. В автобиографии 1926 г. об этом периоде жизни (март 1906 г. – 14 июня 1908 г.) сказано предельно коротко – «Каторгу отбывал в Акатуе. Принимал участие во всех партийных работах; был в организации побегов политссыльных, нес обязанности казначея, заведовал лавкой и проч.» [7, с. 132]. Там же достаточно подробно изложено о времени ссылки в Якутии и о работе в Якутском музее. Такие же сведения мы встречаем и в статье Н. Н. Жукова в сборнике «Памяти Алексея Кирилловича Кузнецова» (1929 г.) [12]. Предельно краткая информация об акатуевском каторжном периоде 1906–1908 гг. выглядит достаточно странной, в то время как два дня пути от Акута до Сретенска описаны подробно. К тому же, по словам Жукова, Кузнецов во время этого пути был совершенно больным и, «очевидно, поэтому так ярко запечатлелись все этапные прелести» [1, с. 41–43].

В разделе «Фотографии» сайта Иркутского государственного университета «Сибирь и ссылка: Siberia and the Exile. История пенитенциарной политики Российского государства и Сибирь XVIII–XXI веков» фотографии показаны тремя частями [13]. В первой и третьей авторские фотографии упомянутого Дж. Кеннана под рубрикой «Сибирь и ссылка» (заимствованы с сайта Библиотеки конгресса США) и А. К. Кузнецова взяты из его альбома, посвященного Нерчинской каторге. Во второй части под рубрикой «Акатуевская и Мальцевская тюрьмы Нерчинской каторги» демонстрируется 45 безымянных фотографий. Автор пояснений к фотографиям А. А. Иванов сообщает, что эта коллекция посвящена политическим каторжанам начала XX в., а авторы фото – скорее всего, сами ссыльные, более поздние снимки 1920-х гг. принадлежат Всесоюзному обществу политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Позволим себе не согласиться с мнением А. А. Иванова, что большинство фотографий сделано в Мальцевской тюрьме и лишь отдельные снимки в Акатуевской. Все как раз наоборот, что видно из подписей к фотографиям. Следует отметить, что истории Акатуевской тюрьмы, посвящена диссертация Д. А. Мясникова [10]. В ней в частности в приложении использованы несколько фотографий, на которых узники тюрьмы. При этом о происхождении фотографий ничего не сказано, и они остаются безымянными.

Интересующая нас информация об А. К. Кузнецове, на которую раньше не обращали внимания, содержится на сайте «Нерчинская каторга 1907–1917» [11], посвященном судьбе известной революционерки Ревекке Моисеевне Фиалке (1888–1975 гг.) [Там же]. В юном возрасте она была приговорена к 13 годам каторги, которую отбывала в Акатуевской и Мальцевской тюрьмах. На сайте помещен альбом фотографий, на обложке которого надпись тиснением: «Альбом открытых песен фотографа А. К. Кузнецова из Читы». На обратной стороне рукой А. К. Кузнецова написано: «Многоуважаемой Ревекке Моисеевне Фиалка на добрую память от старого товарища. А. К. Кузнецов. 1 января 1907 г.

Акатуй». Кузнецову тогда было 62 года, а Фиалке – 18.

В альбоме содержится 120 фотографий. Они отражают каторжную судьбу Р. М. Фиалки (45 фотографий повторяют коллекцию сайта «Сибирь и ссылка»). Около десятка фотографий запечатлели ее пребывание в Бутырской тюрьме, несколько – дорогу от Москвы до места заключения. На основной массе снимков – окрестности Акатуй, тюрьма, заключенные – мужчины и женщины в группах и поодиночке, бытовые сцены. Некоторые групповые фотографии посвящены пребыванию в Мальцевской тюрьме. Несколько фотографий послереволюционного времени. На каждой странице альбома от четырех до шести фотографий. В ряде случаев имеются подписи страниц – «Пугачевская башня в Бутырках», «Акатуй», «В Мальцевской тюрьме», иногда рядом с фотографиями фамилии.

Чаще всего в альбоме фотографии, где Р. Ф. Фиалка запечатлена вместе с другими девушками – А. А. Биценко, Л. П. Езерской, А. А. Измайлович, М. А. Спиридоновой, М. М. Школьник. Все они уже известные революционерки, принимавшие участие в террористических актах и вместе прибывшие в Акатуй 26 июля 1906 г. Они всегда сняты в группе – от трех до шести. Одна из фотографий оформлена в виде почтовой открытки. На ней – все шестеро девушек и надписи: «Вечная память умершим. Вечная слава живым», «Группа политкаторжанок Акатуевской тюрьмы». На одиночных портретах – Г. А. Гершуни, П. А. Куликовский, П. П. Прошьян, Е. С. Сазонов, И. А. Шинкман. Есть фото, где рядом Г. А. Гершуни и М. А. Спиридонова. На некоторых фото встречаем самого дарителя альбома – А. К. Кузнецова. На одной из фотографий он рядом с И. А. Шинкманом, на другой – с И. А. Шинкманом и П. А. Куликовским. Встречается А. К. Кузнецов и на других групповых снимках. Он узнаваем: с большой раздвоенной надвое бородой и, скорее всего, старший из заключенных. А рядом с ним весь цвет русской революции.

Почти все вышеперечисленные женщины написали воспоминания о пребывании на каторге, и упомянутые выше

фотографии – прекрасная иллюстрация к этим документальным свидетельствам. М. А. Спиридонова в своих воспоминаниях «Из жизни на Нерчинской каторге» напишет: «В Акатуе мы встретили ветерана революции, старика Алексея Кирилловича Кузнецова. Он был уже на каторге по делу Нечаева... Бесконечно грустно было видеть среди нас старого каторжанина. ... Всегда ровен, всегда в работе и занятиях, весел, необычайно со всеми любезен, обходителен, такой был чудесный, ясный старик» [14]. Заметим, что эти строки написаны в августе-сентябре 1920 г., в коротком перерыве между пребыванием М. А. Спиридоновой уже в советских тюрьмах.

В воспоминаниях А. А. Измайлович читаем: «Вот мы у ворот тюрьмы. Здесь нас подхватила шумная волна, оглушила громом революционных песен, осыпала цветами... Кругом флаги, гирлянды цветов, надписи: «Да здравствует социализм», «Да здравствует партия социалистов-революционеров». Мы стояли под звуки «Марсельезы» и под дождем цветов, растерянные. ... Какие-то дамы, жены каторжан, повели нас в баню, потом кормили обедом, фотографировали. Потом во дворике среди зелени пили чай» [4].

Подобную ситуацию с тюремным режимом проясняет Р. М. Фиалка: «Никто не чувствовал себя не только на каторге, но никто не чувствовал себя и в тюрьме. ... Мы застали тюрьму на «честном слове». Во главе тюрьмы фактически значился не начальник..., а выборная администрация из среды политической каторги. Когда мы приехали, во главе... был старик Кларк, Кузнецов, Куликовский. Они заменили собой администрацию. Мы все были совершенно свободны, из тюрьмы выходили в любой момент. Но было одно обязательство – возвращаться к вечерней поверке, но даже и это не особенно строго соблюдалось» [15]. Целый ряд фотографий иллюстрирует первый день пребывания в тюрьме, который оказался для «узников» настоящим праздником.

Итак, в своих воспоминаниях Измайлович упоминает о фотографировании. Обращают на себя фразы из воспоминаний

Фиалки: «Во дворе стоял Дмитриев со своим аппаратом», «Мы пели, потом снимались во всех видах». Исходя из альбома и судя по этим фразам, находясь на каторге, А. К. Кузнецов не оставил свои занятия фотографией, и его передвижка со всеми необходимым оборудованием и альбомами оказалась в Акатуе. Известно, что в Акатуе рядом с тюрьмой находилась метеорологическая станция, открытая еще в 1890-е гг. при содействии Читинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. Весьма вероятно, что лаборатория находилась в этом помещении. Скорее всего, кто-то помогал Кузнецову в этом непростом деле, возможно, Дмитриев. Каторжане охотно фотографировались, приобретали фотографии и открытки, а кто-то и альбомы. Возможно, сами их и оформляли, при этом А. К. Кузнецов мог написать «дарственную». Фотографии, открытки, а порой, и альбомы отправляли родителям, друзьям.

Подобный тюремный режим сохранялся на протяжении 1906 года, а затем последовало его ожесточение, вольности прекратились. Этот факт отражают немногочисленные фотографии, на которых все мужчины в тюремной одежде, в кандалах. На фото рядом с заключенными нет охранников, как было раньше, они с примкнутыми штыками у зарешеченных окон. Тогда пошли протесты заключенных – голодовки, самоубийства. Известно, что эти события в Акатуе и других тюрьмах Нерчинской каторги стали предметом обсуждения в Государственной Думе [10, с. 123]. В феврале 1907 г. женщин перевели в Мальцевскую тюрьму, а в июле 1908 г. А. К. Кузнецова отправили на поселение в Якутию. Известно, что Р. М. Фиалка из Мальцевской тюрьмы отправила упомянутый альбом родственникам, которые затем переехали в Америку. Альбом вернулся на родину в 1960-е гг. и вновь оказался у Р. М. Фиалки, которая дополнила его фотографиями 1920–1930-х гг.

После февральской революции 1917 г. первой из политических узников Нерчинской каторги личным распоряжением министра юстиции была освобождена «мучени-

ца царского режима» М. А. Спиридонова. Она прибыла в Читу и принимала участие в подготовке встречи освобожденных политзаключенных. В середине марта город торжественно встречал сотни освобожденных узников, которые прошли колонной по улицам города. Этот день запечатлен на фотографиях, которые хранятся в фондах Забайкальского краевого краеведческого музея им. А. К. Кузнецова. Часть из них опубликована в «Энциклопедии Забайкалья». На одной из них со знаменами в руках впереди колонны А. К. Кузнецов. Об этих днях Спиридонова вспоминала: «В 1917 году мы увиделись с ним (с Кузнецовым – авт.) в Чите, где он успел обрасти тысячью культурно-просветительных дел и вел для своего возраста совершенно неестественную по кипучей деятельности жизнь. Глубоко образованный человек, он участвовал, кажется, во всех ученых обществах и кружках города, подновил и обогатил свой историко-этнографический музей, произведение своих многолетних трудов и хлопот, участвовал в эсеровском комитете. Видно было всегда, что он ухитрился сберечь и полноту своего ума и жизненную бодрость» [14].

В серии фотографий из альбома Р. М. Фиалки снимок группы освобожденных с каторги женщин (среди них и Ф. Е. Каплан), сделанный, видимо, в доме Л. Б. Бронштейн (ул. Уссурийская, ныне им. Чкалова), где все они временно поселились. Дом А. К. Кузнецова располагался рядом. Вскоре освобожденные узники уехали, а М. А. Спиридонова оставалась в Чите до середины мая 1917 г. Она отправилась в столицу уже как представитель Читинского комитета партии левых эсеров. Спустя несколько месяцев американский журналист Джон Рид назовет ее «самой популярной и влиятельной женщиной России».

В автобиографии А. К. Кузнецова 1926 г., как сказано выше, о его пребывании в Акатуе лишь одно предложение, «потерянным» оказался и 1917 г. и последующие годы Гражданской войны. Такая же краткость в сборнике «Памяти Алексея Кирилловича Кузнецова» (1929 г.). Возможно, что эти факты биографии были

убраны редакторами. Вполне вероятно, что и сам А. К. Кузнецов сознательно не упоминал об этих годах своей жизни. Как раз в это время он руководил созданием Музея революции в составе краеведческого музея в Чите. Возникает вопрос, использовались ли описываемые нами фотографии в оформлении Музея революции? Об этом нам неизвестно. Более того, в это время сгущаются тучи над самим А. К. Кузнецовым. Еще в ноябре 1926 г. в Читинский окружном ВКП (б) поступило письмо из Читинского отдела ОГПУ, в котором в его адрес были выдвинуты обвинения в том, что он бывший народоволец, эсер, провокатор и т. д. [2, с. 184; 6, с. 176]. Нам представляется, что эти фотографии уже тогда не только не могли быть помещены в экспозицию, но и их хранение становилось опасным. Вполне вероятно, что многие снимки могли быть уничтожены еще самим А. К. Кузнецовым. «Дело А. К. Кузнецова» было прекращено по причине его смерти в 1928 г. В 1930-х гг.

вышеуказанные мемуары заключенных Акатуя попали в число запрещенных.

Вернемся к названию фотоальбома – «Альбом открытых песен». На первый взгляд оно кажется странным, и вполне поэтическое название не соответствует содержанию, посвященному теме тюремного заключения. Но на самом деле это так. В заголовке есть смысл, он, на наш взгляд, аллегоричен. Эти фотографии как своеобразная песнь. Фотографии для того чтобы в них всматриваться и увидеть, думать и понять... Может быть это какая-то поэтическая строка.

На наш взгляд существование указанного альбома доказывает авторство фотографий за А. К. Кузнецовым. Как видно он продолжал заниматься фотографией и в годы пребывания на каторге в Акатуе. Несомненно, А. К. Кузнецов фотограф революционной эпохи и его фотографии являются важнейшим источником знаний о российской революции.

Источники и литература

1. Жуков Н. Н. Жизнь и деятельность А. К. Кузнецова // Памяти Алексея Кирилловича Кузнецова. – Чита: Печатное дело, 1929. – С. 5–56.
2. Закаблуконская Н. Н. Музейное дело Восточного Забайкалья (конец XVIII в. – 1930 г.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Улан-Удэ, 2004. – 240 с.
3. Закаблуконская Н. Н., Иманаконва Е. Г., Лесковва В. М. Искусство фотографии // Энциклопедия Забайкалья: Читинская область: в 4 т. / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. – Новосибирск: Наука, 2000. – Т. 1. Общий очерк. – С. 276–278.
4. Измайлович А. А. Из прошлого // Каторга и ссылка. Историко-революционный вестник. – 1924. – № 1, кн. 8. – С. 143–174.
5. Кеннан Дж. Сибирь и ссылка: в 2 ч. – СПб.: Вл. Распопов, 1906. – 287 с.
6. Константиновва Н. Н. Краеведческий музей в Чите: история (1894–1970-е годы). – Чита: ЗабГУ; Улан-Удэ: Республиканская типография, 2020. – 208 с.
7. Кузнецов Алексей Кириллович // Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – С. 126–133.
8. Кузнецов Алексей Кириллович // Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. – М.: Русский библиографический институт Гранат, 1926. – 7 изд. – Т. 40. Приложение II. Автобиографии революционных деятелей русского революционного движения 70-х и перв. полов. 80-х гг. – С. 223–238.
9. Морозов С. А. Русские путешественники-фотографы. – М.: Географгиз, 1953. – 184 с.
10. Мясников Д. А. История Акатуйской тюрьмы Нерчинской каторги (1883–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Иркутск, 2007. – 257 с.
11. Нерчинская каторга 1907–1917. – Текст: электронный // Бабушкин альбом. – URL: <http://old.memo.ru/nerczinsk/pictures/albom.htm> (дата обращения: 23.09.2020).
12. Памяти Алексея Кирилловича Кузнецова. – Чита: Печатное дело, 1929. – 75 с.
13. Сибирь и ссылка: Siberia and the Exile. История пенитенциарной политики Российского государства и Сибирь XVIII–XXI веков. – URL: http://penpolit.ru/papers/detail2.php?ELEMENT_ID=1050 (дата обращения: 23.09.2020). – Текст: электронный.

14. Спиридонова М. А. Из жизни на Нерчинской каторге. – М.: Изд-во ВОПиС, 1926. – 88 с. – URL: <http://old.memo.ru/nerczinsk/spirid5.htm> (дата обращения: 23.09.2020). – Текст: электронный.

15. Фиалка Р. Воспоминания об Акатге. Из материалов литературной комиссии Нерчинского землячества 19/XII-1934 г. – Текст: электронный // Нерчинская каторга 1900–1917. Мемуары. Фото. Карта. Биографии. – URL: <http://old.memo.ru/nerczinsk/> (дата обращения: 23.09.2020).

УДК 93/94
ББК 63.3(2)61

Ирина Григорьевна Куренная,
Администрация городского округа «Город Чита»,
г. Чита, Россия

Историческое наследие Дальневосточной республики на территории города Читы

Статья посвящена малоизученным фактам истории города Читы как столицы ДВР. В ней характеризуются здания, сооружения, объекты инфраструктуры, предоставленные властями города в распоряжение правительства республики, ведомству Народно-революционной армии, просветительным, культурным и другим учреждениям и организациям. Тем самым было обеспечено их достойное функционирование и проживание людей, что позволило выполнить историческую роль буферной республики в прекращении братоубийственной войны, изгнании интервентов и установления мира в Сибири и Дальнем Востоке.

Ключевые слова: столица, архитектура, наследие, здание, памятник, стиль, правительство, войска, просвещение, культура

Административные, военные, учебные, торговые, лечебные здания, использовавшиеся организациями и учреждениями Дальневосточной республики, а также жилые помещения функционеров, гостиницы и съемные квартиры явились наследием градостроительной политики дореволюционной Читы. Подавляющее большинство зданий было национализировано с приходом власти большевиков. Как и во всей стране, процесс национализации здесь проходил в несколько этапов. В годы Белой государственности в Забайкалье он был прекращен, в Чите работала комиссия по возврату домовладельцам их недвижимости [2, с. 47]. Процесс был возобновлен с окончанием военных действий, выводом японских войск с территории бывшего областного центра, переводом столицы ДВР в Читу. Права собственности на домовладение жителей лишали приговором Народного политического суда.

В целом процесс национализации был завершен к 1923 г. Национализированная часть зданий, а также частные строения при содействии городских властей были распределены между ведомствами ДВР.

Практически все здания, связанные с историей республики сохранились до наших дней, и являются доминирующими элементами улиц краевого центра. Роль главного здания республики было суждено сыграть знаменитому в архитектурном плане на всю Сибирь торговому пассажи купца А. Ф. Второва, с начала XX в. величественно возвышающему в квартале улиц Шилкинской (ул. Коротковской) и Александровской (ул. Анохина, 63). Здание построено в стиле неоклассицизма в три этажа и облицовано белой глазурованной плиткой. С 9 по 11 января 1921 г. в нем прошло наиважнейшее, судьбоносное событие – выборы в Учредительное собрание ДВР с участием большевиков, меньшевиков, эсеров, кадетов и других партий, был сформирован депутатский корпус, через месяц избраны руководящие органы. В феврале этого же года здесь состоялась Дальневосточная краевая конференция РКП (б).

В 1921–1922 гг. в здании располагалось правительство ДВР – Совет министров (председатель П. М. Никифоров), Министерство промышленности и тор-

говли, Министерство народного хозяйства (министр С. Ф. Суховий), Министерство транспорта (министр А. Ф. Милеев). Проходили различные партийные и другие конференции, собрания. Здесь же состоялась вторая сессия Народного собрания ДВР, на которой присутствовала американская миссия с целью закрепиться на Дальнем Востоке. Здесь же 14 ноября 1922 г. Народное собрание приняло решение о ликвидации республики и передачи власти Советам. Характерно, что в эти годы Пассаж на первом этаже сохранял свой прежний функционал, работал при смене власти и далее дискретно служил городу как торговое здание, вплоть до 1990-х гг. В настоящее время памятник федерального значения «Второвский пассаж» остается одним из красивейших архитектурных объектов краевого центра. Необходимо отметить, что до изгнания японских воинских частей из Читы (октябрь 1920 г.) в здании располагался штаб Третьей японской дивизии [2, с. 84], которая платила аренду в пять раз больше обычной арендной платы, затем это помещение было занято штабом Пятой японской дивизии под командованием генерала Судзуки. Здесь же работал японский магазин «Эбихара», отделение «Чосен-банка», скупавшее золото у населения Читы и превращало золотой запас Госбанка в твердую валюту, вывезенную в Японию за месяц до ухода интервентов из Забайкалья. Второвский пассаж этого времени связан с именами военного министра и главкома НРА В. К. Блюхера, затем И. П. Уборевича, секретаря Дальбюро ЦК РКП(б) Н. А. Кубяка, П. П. Постышева и других государственных и военных деятелей Советской России.

Одним из главных функциональных зданий ДВР явился также ныне объект культурного наследия федерального значения уникальный «Дворец братьев Шумовых», выстроенный купцами Шумовыми на углу ул. Иркутской и Большой в 1914 г. (ул. Ленина, 84), построен в дворцовом стиле. Четыре этажа, купола, насыщенный лепной декор, пластика фасадов сделали его жемужиной сибирской архитектуры. Как только в октябре 1920 г. японцы под давлением вы-

вели свои войска из Читы и освободили помещения из под канцелярии японского консула Огаты, в здании расположилось правительство ДВР во главе с М. А. Краснощёковым, а также Министерство иностранных дел ДВР (министр Я. Д. Янсон). Именно из этого здания в августе 1921 г. состоялся телефонный разговор Янсона с председателем совнаркома В. И. Лениным. Затем сюда въехало Министерство культуры ДВР и Дальневосточная государственная публичная библиотека, которая была открыта 1 сентября 1921 г. Это был идеологический, научный и культурный центр республики. В основу ее фонда были положены 20 тыс. томов, присланных в Читу Наркомпросом. Здесь была основана Книжная палата Дальнего Востока. Цель ее работы сформулирована в уставе: стать «библиографическим бюро по вопросам познания края». Согласно «Закону о печати» от 29.09.1921 г. и постановлению Дальревкома от 20.12.1923 г. все типографии ДВР обязаны доставлять в Читу по три обязательных экземпляра [4]. Все ведомства находились здесь до 1923 г.

По ул. Софийской (ул. Бутина, 26) (ныне ОКН федерального уровня) в доме бывшего действительного статского советника И. В. Ореловича незадолго до этого национализированного, располагалось Дальбюро ЦК РКП(б). Илья Васильевич Орелович (будущий заместитель наркома финансов при Временном правительстве) в начале века был в Чите Уполномоченным Главного Управления Российского общества Красного Креста и отвечал за строительство лечебниц Красного креста в Забайкальской области. В 1900 г. он себе построил шикарный особняк, в то время как в Верхнеудинске больница Красного креста была очень скромной без всяких изысков [3]. Дальбюро ЦК РКП(б) создано по решению ЦК для координации партийной работы на территории ДВР. Оно решало все внутренние и внешние вопросы буферной республики. Состав Дальбюро периодически менялся. Летом 1924 г. здание было передано представительству Китайской республики в Чите (позже генеральное консульство).

Переходя к архитектурным объектам памятникам регионального статуса охраны, в первую очередь назовем Читинский железнодорожный вокзал, ул. Бутина, 2 (ул. Софийская). Это пространная композиционная постройка в стиле эклектики, сданная в эксплуатацию на стыке веков. Здесь в октябре 1920 г. встречали правительство республики, а на Атамановской площади состоялся митинг в честь перевода из Верхнеудинска в Читку столицы ДВР.

Министерство просвещения ДВР (министр, профессор А. А. Половинкин) въехало в красивейшее здание Читы, построенное в стиле позднего классицизма в 1909 г. – Первой Читинской женской гимназии по ул. Уссурийской – угол Софийской (ул. Чкалова, 140). В 1921 г. здесь был создан ГИНО (Государственный институт народного образования). Благодаря сильному профессорскому составу первого высшего заведения в Забайкалье, оказывающему сильное влияние на работу министерства просвещения и культуре в ДВР уделялось громадное внимание. Достаточно сказать о создании и развитии крупной сети библиотек, подготовке новых учебников.

Функционеры ДВР, высшие военные чины пользовались лучшими имеющимися строениями и апартаментами. Так, Министерство внутренних дел, расположившееся в бывшем доходном доме купца и мецената Д. В. Полутова по ул. Софийской (ул. Бутина, 39) сдавало помещение в аренду и использовало часть здания под квартиры своих сотрудников. Здание относится к стилю образца провинциального модерна, в то время здесь имелись великолепные каминные и изразцовые печи производства читинского завода Г. А. Юдовича. В Полутовском квартале были размещены Министерство юстиции, редакции газет и другие учреждения. Сотрудники других министерств (Иностранных дел, Народного хозяйства) жили в доме Г. Е. Кириллова по ул. Енисейской (ныне ул. Забайкальского Рабочего, 63). Здесь же были размещены сотрудники американского консульства. Здание построено в стиле эклектики и имеет редкий декор в виде мажоран.

Следующее строение, имеющее жилой функционал – двухэтажное, каменное, на цокольном полуэтаже с ризалитами и фронтоном здание, построенное в 1900 г. И. Р. Израилевым в стиле позднего периода эклектики с включением элементов модерна по ул. Пушкинской (ул. Пушкина, 3). И. Р. Израилев был крупным заводчиком-скотопромышленником, владел аптеками в Чите, торговал мануфактурой и галантереей [1, с. 106–107]. Однако здание было национализировано, владелец исчез из Читы как чуждый классовый элемент. В одной из квартир этого большого особняка в 1921–1922 гг. жил председатель Военного Совета главнокомандующий вооруженными силами Народно-революционной армии ДВР (военный министр), будущий маршал Советского Союза Василий Константинович Блюхер. Он был одним из тех, чьими усилиями была одержана победа НРА. В ноябре – декабре 1921 г. он принимал участие в русско-японской конференции в Дайрене по вопросу эвакуации японских войск с территории ДВР. 28 января 1922 г. он прибыл из Читы на станцию Ингода, где непосредственно руководил боевыми действиями по освобождению Читы. В конце февраля 1922 г. Блюхер вернулся в свою квартиру на Пушкинской улице, а уже в июле 1922 г. был отозван в Москву. Был награжден орденом Ленина, пятью орденами Красного Знамени и орденом Красной Звезды за № 1. Расстрелян после пыток в 1938 г. как враг народа.

Трехэтажное каменное здание по ул. Нерчинской, 17 (ул. Нерчинская, 17) входило в состав обширной каменной усадьбы читинского купца А. Е. Духая и было его Доходным домом. Построен в стиле эклектики с включением элементов модерна. Интересен факт, что австриец Андрей Егорович Духай не эмигрировал при ДВР, а продолжал торговать в магазине «Славянские товары». Второй этаж занял батальон ОГПУ и командиры частей НРА. В настоящее время от здания остались одни стены, это произошло после пожара в ноябре 2004 г. История связана с криминалом, тогда при пожаре погиб сотрудник милиции.

По ул. Новобульварной в бывшем Мариинском приюте (ул. Новобульварная, 20) министерством просвещения по инициативе и при содействии А. Н. Бек был создан приют беспризорников, организованных в скауты и юнисы (юные исследователи). Ныне памятник РГО, построенный в стиле модерн в начале XX в. пустует и погибает.

Культурная жизнь столицы ДВР была яркой и насыщенной. Чита явилась центром консолидации литературных сил Сибири и Дальнего Востока, сюда съехались художники, актеры, пропагандирующие левое искусство. В доме на углу Николаевской и Бульварной (ул. Горького, 28) снимали квартиры известные к этому времени в России поэты-футуристы группы «Творчество» Николай Асеев, Сергей Третьяков, скульптор Аветов, скульптор Иннокентий Жуков, художник Пальмов и другие. Их выступления проходили в гостинице «Даурское подворье», в Мариинском театре, Летнем городском саду и многих других местах.

Тяжелое наследство досталось столице ДВР от пребывания здесь войск Белой армии. В октябре 1918 г. после ухода советских войск из Читы в гостинице «Селект», построенной купцами братьями М.Л. и Д.Л. Самсоновичами в стиле модерн в 1916 г. расположились штабные конторы Маньчжурского отряда Г. М. Семенова. С весны 1919 г. здесь была открыта приемная, где прием граждан вел сам атаман. При отступлении белые войска гостиницу заминировали и взорвали. От здания остались только стены. Правительство ДВР не смогло организовать его восстановление, да ему и не представилось такой возможности. При вхождении буфера в состав РСФСР, оно спешно покинуло Читу. В сгоревшем виде здание простояло 10 лет, но затем Советская власть вложила в его ремонт полмиллиона рублей золотом и заняла его уже навсегда. Ныне здание администрации губернатора, ОКН регионального статуса охраны. Жилая квартира атамана находилась в доме читинского архитектора Г. В. Никитина (ул. Кастринская, 1). Здесь же был расположен и его штаб. Другое отделение с театром штаба-войск находился в торговом здании по ул. Сретенской (ныне ул. 9 Января, 22).

Японские интервенты как основная вооруженная сила США, Англии и Франции занимали лучшие апартаменты города. Когда они вошли в Читу городские власти во избежание конфликта расквартировали офицерский состав в 30 номерах гостиницы «Европа» – второе здание от угла улиц Амурская и Иркутская (ул. П. Осипенко, 9). По решению Читинской городской Думы управляющим гостиницей был назначен японский предприниматель Хамагучи Саторо. В годы ДВР гостиницу переименовали в «Российские номера», затем «Россия», с 1923 г. – «Новая Россия». Вплоть до вхождения в Читу войск НРА ДВР японцы также занимали номера в гостиницах «Даурское подворье» на углу улиц Амурской и Николаевской (ул. Профсоюзная, 17) и стоящей рядом гостиницы «Москва» в доме С. Г. Файнгольда на углу Николаевской (ныне ОКН федерального значения, ул. Профсоюзная, 19). После их ухода часть комнат на втором этаже заняло Военпур НРА. Японские военные рангом ниже занимали бывшие военные корпуса ЗКВ (Красные казармы, ул. Тимирязева, 25) или Городской бульвар, который находился сразу за улицей Лагерной (ныне ул. Шилова). Не менее тяжелое наследство получила столица республики от процветавшего здесь несколько лет бандитизма. Создание вооруженной банды – результат ликвидированной в 1917 г. Нерчинской каторги, деклассированные элементы, которой во множестве остались на жительство в Чите. После ареста костяка банды Константина Ленкова, а затем и рядовых ее членов, в крупной усадьбе купцов-бакалейщиков Назаровых, построенной в 1903 г. по ул. Амурской и имеющей каменные и деревянные дома была устроена тюрьма (ныне ОКН регионального значения). Отсюда бандитов увозили на судебный процесс, который несколько дней шел в конференц-зале на втором этаже Пассажа Второва. Сохранились исторические фотографии этого эпизода истории Читы. В 1922 г. одно из зданий усадьбы занимало Главное управление политохраны ДВР – главный карающий орган республики.

Таким образом, Чита тактически выполнила свою историческую роль. И хотя за годы буферной республики не было построено ни одного здания, город в тяжелых

условиях послевоенной разрухи, экономического саботажа обеспечил достойное функционирование всех ее систем и ведомств.

Источники и литература

1. Вязьмин Д. И. Вся Чита и Забайкалье с отделом Приамурья в районе постройки Амурской железной дороги: адресно-справочный торгово-промышленный ежегодник на 1910 год. – Чита: Тип. т-ва «Бергут и сын», 1910. – 237 с.
2. Лобанов В. Г. Старая Чита: документальный рассказ. – Чита: Степанов М. А., 2001. – 269 с.
3. Митыпов В. Тайна лазарета императрицы // Читинское обозрение. – 2016. – № 36. – 9 сентября.
4. Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока: в 5 т. / отв. ред. В. Н. Волкова. – Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2002. – Т. 3. 1917–1930 гг. – 435 с.

УДК 37:93/94

ББК 63.3(2)61:74

Людмила Сергеевна Малявина,

*Тихоокеанский государственный университет,
г. Хабаровск, Россия*

Читинский институт народного образования (1921–1923 гг.): уточненные страницы истории первого вуза Забайкалья

Рассматривается история становления и деятельности первого вуза Забайкалья – Института народного образования, образованного по инициативе правительства Дальневосточной республики в 1921 г. в г. Чите. На основе новых архивных документов раскрыты вопросы об изменениях организационной структуры института и динамике численности его преподавателей и студентов на протяжении двух лет существования, причинах преобразования в Читинский университет (весна 1923 г.) и перевода во Владивосток осенью 1923 г.

Ключевые слова: Дальневосточная республика, Чита, институты народного образования, подготовка педагогических кадров, дальневосточная высшая школа

Историю Государственного Читинского института народного образования (ИНО) – первого высшего учебного заведения Забайкалья, созданного по инициативе правительства Дальневосточной республики, нельзя отнести к малоизвестным страницам региональной истории. Информация о нем присутствует в энциклопедии Забайкалья [10], ряде исследовательских работах по истории развития народного образования в регионе [1, с. 117–118; 11; 12], где отражены основные вехи создания института и его деятельность в первый год работы (1921–1922). Вместе с тем обращает внимание недостаточное отражение вопроса о работе института во втором году существования (1922–1923 гг.) – после ликвидации Дальневосточной республики (ДВР), наличие разных точек зрения о причинах его пре-

образования в университет (весна 1923 г.) и последующего перевода во Владивосток (осень 1923 г.). Цель данной работы – на основе новых архивных документов восстановить недостающие страницы истории института, сделав ее более объективной и разносторонней.

«Отчет о состоянии и деятельности Государственного института народного образования в Чите за 1921–1922 академический год», составленный его первым ректором профессором В. И. Огородниковым (существует в двух вариантах: печатном [13] и машинописном [4]), позволяет достаточно детально осветить вопрос о предпосылках создания института, основных этапах его организации и начале работы. Опираясь на содержание отчета, исследователи сходятся во мнении, что создание

института являлось одной из образовательных инициатив правительства ДВР, поставившего задачу удовлетворения потребностей населения республики в своем высшем учебном заведении. Как аргумент приводится тезис В. И. Огородникова о недоступности (в силу событий Гражданской войны) для населения Забайкалья вузов ближайших городов (Иркутска и Владивостока) [13, с. 3; 4, л. 7]. Базой для открытия ИНО стал Читинский учительский институт (был открыт в марте 1920 г.), преобразованный правительством ДВР 15 апреля 1921 г. в Государственный институт народного образования. Министерство народного просвещения ДВР изначально позаботилось о размещении института, передав ему специальным постановлением (от 28 апреля 1921 г.) двухэтажное каменное здание, ранее принадлежащее 1-й женской гимназии, которое находилось на углу Уссурийской и Софийской улиц. Его состояние было охарактеризовано следующим образом: «это здание, занятое в 1920–1921 гг. разными военными учреждениями, нуждалось в весьма значительном ремонте, без производства которого открытие непосредственных занятий в институте делалось невозможным». Было разрушено центральное водяное отопление, испорчен водопровод, электропроводка здания. На 2/3 был поломан учебный инвентарь (парты, столы, стулья, кафедры и пр.) [13, с. 4–5]. Поэтому на первом (подготовительном) этапе организации института (май 1921 г.) основное внимание лиц, исполняющих обязанности организаторов до утверждения ректора (А. Н. Бек – врач и педагог и Н. П. Кожинов (лектор и директор учительского института)) было уделено ремонтным работам в здании, ремонту и инвентаризации учебного оборудования и библиотеки. Силами «студенческой дружины» (23 чел.), проводилась заготовка дров и угля для отопления зданий ИНО, квартир профессоров, лекторов и студенческого общежития [15, л. 3]. С июня 1921 г. (после завершения подготовительных работ) в организации института начался новый этап – формирования руководящих органов и его структуры. Важную роль в этом процессе сыграло образованное

при Министерстве народного просвещения ДВР Ученое совещание, в состав которого вошли приглашенные правительством профессора В. И. Огородников, П. П. Маслов, Н. И. Никифоров. В течение ряда заседаний оно приняло ряд документов, определяющих развитие высшей школы в республике. 25 июня 1921 г. был утвержден ректор института – профессор В. И. Огородников. На заседании 27 июня 1921 г. сформирован Комитет по созданию института (руководство осуществлял министр просвещения ДВР К. С. Шрейбер), которому были переданы функции проведения дальнейших организационных работ [6, л. 44].

За 3 месяца работы (июнь – август) члены Комитета смогли решить основные учебно-организационные и административно-хозяйственные вопросы: была организована канцелярия ректора и канцелярия по студенческим делам, хозяйственная часть, завершён ремонт помещения и оборудования, решены вопросы по формированию института преподавательскими кадрами, устройству учебно-вспомогательных учреждений, пополнению библиотеки. К концу августа 1921 г. работы по организации и оборудованию института были в основном закончены, Комитет по созданию института был упразднен. 3 сентября начали свою работу Совет, правление и собрания факультетов. Завершающим этапом стало утверждение правительством ДВР «Положения о Государственном институте народного образования в г. Чите» (15 сентября) и торжественное открытие института, состоявшееся 9 октября 1921 г. В соответствии с задачами аналогичных институтов, Читинский ИНО должен был готовить «новых учителей» для первой и второй ступеней Единой Трудовой школы. Начиная работу в составе двух факультетов: физико-математического (первый декан – профессор А. А. Половинкин) и гуманитарного (первый декан – М. М. Рубинштейн) [4, л. 15]. Был востребован среди населения. По данным В. И. Огородникова, включая вольнослушателей и студентов бывшего учительского института, численность обучающихся к началу первого учебного года составляла 1 226 человек (1064 студента и 162 вольно-

слушателя) [4, л. 36]. Обучение в институте было платным. Размер платы определялся Комиссией по определению платежеспособности студентов и варьировался от 1-го до 50-ти рублей золотом за учебный год [13, с. 49]. Первый учебный год институт начинал работать, имея в своем составе 28 преподавателей (5 профессоров, 7 постоянных преподавателей и 9 временных, 7 ассистентов). К концу года (на 1 июля 1922 г.) их численность (за счет избрания по конкурсам и персональных приглашений) увеличилась до 39-ти (10 профессоров, 12 постоянных и 9 временных преподавателей, 8 ассистентов) [Там же, с. 8, 18]. Многие преподаватели ИНО помимо учебной работы занимались общественной деятельностью, печатали научные труды, выполняли правительственные поручения. В институте работали студенческие научные кружки, спортивный и шахматный кружок, существовали земляческие и политические объединения. Однако условия гражданской войны, экономические проблемы населения играли неблагоприятную роль в развитии молодого вуза, влияя на изменение контингента студентов и преподавателей. Так, из первого набора обучающихся (1 226 чел.) (по данным представленным в отдел педагогического образования Главного управления профессионально-технического образования (Главпрофобр) Наркомата просвещения РСФСР) до конца учебного года «дотянули» только 436 студентов (41 %) и 85 вольнослушателей (52,5 %). Среди причин текучести на 1-е место было поставлено невнесение платы за обучение; на 2-е – неявка на обязательную контрольную студенческую регистрацию, проводившуюся в декабре 1921 г.; на 3-е – невыполнение обязательного учебного минимума [4, л. 36]. Мобильность педагогических кадров приводила к временной приостановке учебных занятий. В частности, в апреле 1922 г. из-за выбытия из штата ряда преподавателей (профессора Н. И. Никифоров и М. М. Рубинштейн, преподаватели Р. И. Аппель, В. Я. Толмачев и др.) были временно прекращены занятия на гуманитарном факультете. В мае 1922 г. было временно закрыто физико-химическое отделение физико-математического факуль-

тета [Там же, л. 19]. Тем не менее, начало работы института свидетельствовало о возможности формирования в Забайкалье нового вузовского и научного центра, в добавление к исторически сложившемуся центру во Владивостоке, которая не смогла реализоваться из-за последующих политических событий.

После упразднения Министерства просвещения ДВР ИНО, как и другие образовательные учреждения республики, был передан в ведение Дальневосточного революционного комитета (Дальревком) и Дальневосточного отдела народного образования (ДальОНО), став объектом серии реформ, направленных на приведение работы института в соответствие с декретом СНК РСФСР «О высших учебных заведениях РСФСР» [8, л. 105–108]. Накануне реформ, начавшихся с декабря 1922 г., институт имел 4 факультета: гуманитарный, физико-математический, агрономический и рабочий. В штате состояло 37 человек (6 профессоров, 19 преподавателей и 12 научных работников) [3, л. 3]. Не затрагивая деталей первого этапа реформ (декабрь 1922 г. – весна 1923 г.), отметим, что к весне 1923 г. был окончательно закрыт гуманитарный факультет [Там же, л. 1]. Физико-математический факультет распоряжением Наркомпроса РСФСР от 27 марта 1923 г. был переименован в педагогический факультет, а сам институт в марте 1923 г. Наркомпросом РСФСР преобразован в Читинский государственный университет (ЧитГУ) в составе педагогического, агрономического и рабочего факультетов [14, л. 409]. В отчете о работе института за 1922–1923 гг. это объяснялось наличием агрономического факультета, не вписывающегося в педагогический профиль вуза. Поменялось также его руководство. В связи с назначением профессора В. И. Огородникова ректором ГДУ новым ректором ИНО/ЧитГУ распоряжением Дальревкома от 21 февраля 1923 г. был назначен его заместитель, инженер-технолог, химик А. Л. Бродский [7, л. 213].

Результаты первого этапа реформы и вопрос об окончательной сети вузов на Дальнем Востоке были вынесены на утверждение Наркомпроса РСФСР. Рассматривались на заседаниях

Главпрофобра (26–29 июня 1923 г.) в присутствии ректоров двух дальневосточных университетов – В. И. Огородникова (от ГДУ) и А. Л. Бродского (от ЧитГУ).

Итогом стало решение Наркомпроса РСФСР о сохранении обоих вузов и включении их в общую сеть высших учебных заведений РСФСР с условием финансирования за счет местного бюджета [2, л. 68]. Однако финансовые проблемы региона не позволили обеспечить данное решение и подтолкнули к принятию на местном уровне (Дальневосточном областном партийном совещании (август 1923 г.)) иного варианта: в целях экономии местных средств объединить два университета с переводом преподавателей, имущества и финансов Читинского университета во Владивосток. Данное решение было поддержано Дальревкомом на заседании 7 сентября 1923 г. Согласно констатирующей части принятого им постановления во Владивосток (с преподавательским составом и имуществом) переводились агрономический и педагогический факультеты и дневное отделение рабочего факультета, а также передавались кредиты, выделенные Читинскому университету. Для 180-ти студентов, определенных Правлением университета, предоставлялось право бесплатного переезда [9, л. 410–411]. Итоги переезда подведены в справке, составленной А. Л. Бродским для Наркомпроса РСФСР. В ней отмечалось, что «средств для указанного мероприятия было отпущено недостаточно, что отразилось на пере-

броске имущества и научных работников». [5, л. 208–209]. Необходимость экономии вынудила руководство университета сократить часть преподавателей еще в Чите с выдачей 2-х недельного выходного пособия. Из преподавательского состава во Владивосток прибыли 29 чел. (7 профессоров, 13 преподавателей, 7 научных сотрудников и 2 преподавателя рабочего факультета). Из учебно-вспомогательных учреждений в полной комплектации были перевезены лаборатории неорганической, органической и аналитической химии, кабинеты ботанический, зоологический, минералогии, географии, анатомический и физиологии человека. Частично – физики, геодезии, сельского хозяйства, часть фундаментальной библиотеки. Студенты из-за материальных проблем поехали во Владивосток не в полном составе.

Подводя итоги, можно отметить, что, несмотря на непродолжительный период существования, институт смог оставить свой след в истории образования и науки региона. Его создание помогло сохранить научные кадры, сконцентрировавшиеся на Дальнем Востоке в период Гражданской войны, обеспечить их полноценной научной работой. Переезд во Владивосток преподавателей агрономического и педагогического факультетов способствовал организации в стенах ГДУ новых научных направлений и превращению его в крупный региональный научно-образовательный центр, успешно существовавший до 1930 г.

Источники и литература

1. Белоглазова С. Б. Политика Дальневосточной республики в сфере образования // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. – 2018. – Т. 19. – С. 111–123.
2. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). – Ф. А-1565. – Оп. 1. – Д. 65.
3. ГАРФ. – Ф. А-1565. – Оп. 3. – Д. 267.
4. ГАРФ. – Ф. А-1565. – Оп. 3. – Д. 319.
5. ГАРФ. – Ф. А-1565. – Оп. 6. – Д. 258.
6. ГАХК (Государственный архив Хабаровского края). – Ф. Р-18. – Оп. 5. – Д. 2.
7. ГАХК. – Ф. Р-58. – Оп. 1. – Д. 7.
8. ГАХК. – Ф. Р-58. – Оп. 1. – Д. 10.
9. ГАХК. – Ф. Р-58. – Оп. 1. – Д. 15.
10. Дроботушенко Н. Е. Государственный институт народного образования. – Текст: электронный // Энциклопедия Забайкалья. – URL: <http://encycl.chita.ru/encycl/person/?id=2113> (дата обращения: 20.08.2020).

11. Дроботушенко Н. Е. Из истории создания Читинского института народного образования // Народное образование Забайкалья: история и опыт: сб. материалов науч. конф. – Чита: Поиск: ЗабГПУ, 2000. – С. 101–105.

12. Иванов С. А., Фомина М. Н., Жуков А. В. Проблемы интеграции в сфере высшего образования на территории Забайкалья в 20-е гг. XX в. // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2012. – № 12. – С. 106–110.

13. Отчет о состоянии и деятельности Государственного Института Народного образования в Чите за 1921–1922 академический год (1-й год существования). – Чита: [б.и.], 1922. – 60 с.

14. РГИА ДВ (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока). – Ф. 289. – Оп. 1. – Д. 103.

15. РГИА ДВ. – Ф. 1467. – Оп 1. – Д. 115.

УДК 304:93/94

ББК 63.3(2)61:71

*Евгения Валерьевна Морозова,
Забайкальский краевой краеведческий музей
имени А. К. Кузнецова,
г. Чита, Россия*

Культурные ландшафты г. Читы в начале XX в. и в период ДВР

Статья посвящена истории появления в начале XX в. некоторых культурных ландшафтов г. Читы и стремлению их создателей повлиять на распространение садовой культуры среди жителей Забайкалья. Автор прослеживает развитие созданных ландшафтов, одни из которых не сохранились, а другие продолжают существовать в наши дни, а также приводит сведения о затратах на благоустройство музейного сада в период существования Дальневосточной республики.

Ключевые слова: *Дальневосточная республика, культурный ландшафт, благоустройство, сад, питомник, плодовые деревья, дендрологический музей*

В Чите, как и в Забайкалье в целом, создание культурных ландшафтов значительно задержалось в силу экономического состояния края, длительного процесса формирования собственной интеллигенции, удаленности от развитых центров садово-паркового искусства [5, с. 260]. Распространенные в Европейской России такие основные виды культурных ландшафтов как приусадебные сады и огороды, ботанические (казенные) сады, общественные сады для Забайкалья конца XIX в. были большой редкостью.

Культурный ландшафт – географический ландшафт, освоенный и преобразованный людьми в результате целенаправленной деятельности [9]. К такой деятельности приступил после переезда в Читу Алексей Кириллович Кузнецов, директор краевого музея, обладающий как профессиональными знаниями, так и опытом садоводческих работ в условиях Забайкалья.

«Во время посещения Его Высокопревосходительством С. М. Духовским г. Читы

летом 1897 им было выражено желание городскому голове, чтоб на Атамановской площади был устроен сад. В виду того, что категорическое заявление Его Высокопревосходительства должно быть выполнено, я позволяю по этому вопросу доложить Совету Читинского Отделения следующие соображения» [1, л. 2 об.]. Так начинается свой доклад, представленный 4 мая 1898 г. на рассмотрение Совета Читинского Отделения Приамурского Отдела Императорского Русского Географического Общества (ЧО ПО ИРГО) А. К. Кузнецов.

Он указывал на невозможность создать в данном месте обширный сад для гуляния из-за небольшого размера площади, которая необходима для проведения смотра войск, скачек и установки временных строений во время сельскохозяйственных и других выставок. Почва в этом месте песчаная и очень сухая, участок открыт вредному влиянию ветров.

Гораздо более пригодным для разведения сада он считает место, переданное городом Читинскому Отделению под постройку здания музея. Этот большой участок земли защищен от ветров постройками, окружающими его со всех сторон. Хорошо удобренная, плодородная почва позволит добиться хороших результатов в выращивании деревьев, кустарников и цветов, а для поливки сада может быть использована вода из протекающей речки Кайдаловки. Даже «проходящий вдоль участка ров, кажущийся теперь безобразным может лучше всего украсить сад, так как здесь можно устроить пруды, водопады, гроты, перекидные мостики и т. п.» [1, л. 3–3 об.]. Сад ослабит действие ветра, дующего весной со страшной силой с запада на восток, и помешает передвижению песков [Там же, л. 4].

Это участок, выделенный Читинской городской Думой для ЧО ПО ИРГО под устройство музея, зоологического питомника и ботанического сада [Там же, л. 84], послужил местом проведения 2-й сельскохозяйственной и промышленной выставки 1899 г. Ставший распорядителем этого грандиозного мероприятия, А. К. Кузнецов смог воплотить свою идею проведения водопровода. Созданные его усилиями четыре питомника растений демонстрировали посадку деревьев с целью предохранения рек от пересыхания, лесонасаждение на склонах гор. На опытном участке были высажены экземпляры кедра сибирского, сосны, ели, ели, пихты, осины, боярышника, тополя душистого и сирени. Плодовые деревья и кустарники были представлены облепихой, персиком, яблоней, крыжовником, малиной, земляникой [8, с. 41]. Всюду были разбиты цветники. Пруд, аллеи и беседки несомненно привлекали внимание горожан. После окончания выставки этот красивый уголок получил название сада имени В. А. Жуковского. Сейчас он известен как парк ОДОРА и по-прежнему является любимым местом отдыха жителей Читы.

В 1908 г. в г. Чите при Войсковом хозяйственном правлении Забайкальского казачьего войска был разбит сад. Кроме берез и сосен, росших на этом участке, были использованы выписанные из Саратовской

губернии саженцы декоративных и плодовых деревьев и кустарников, а так же ягодных культур. Работами руководил ученый лесовод, начальник лесного отделения Войскового хозяйственного правления Сергей Петрович Кузнецов.

Первоначально им преследуются исключительно эстетические цели при закладке сада. Но постепенно возникает идея распространить среди местного населения некоторые из декоративных и ягодных растений, которые могут иметь в хозяйстве практическое значение. Для этого предлагается проводить отбор видов растений, требующих при выращивании самого незначительного и простого ухода. Чтобы добиться лучших результатов, все желающие получить саженцы по минимальной цене будут снабжаться «кратким руководством к воспитанию этих растений» [7, с. 7].

Появляется мысль о создании дендрологического сада Забайкалья. Для получения данных, которые могут быть полезны при начале лесокультурных работ в Забайкальской области, ведется простое наблюдение жизни растений при разных способах ухода. Причем для этого используются не пересаженные молодые деревья, выросшие в естественных лесах, а специально выращенные из семян. Именно такой способ, по мнению С. П. Кузнецова, поможет определить наиболее подходящий метод выращивания этих же растений на больших площадях для создания насаждений, позволяющих сберегать влагу и укреплять «летучие пески» [Там же, с. 9].

В 1909–1911 гг. в саду проводятся опыты по черенкованию деревьев и кустарников, укрытию растений на зиму, изучается влияние вредителей и различных погодных условий. Большую часть выращенных саженцев покупает Переселенческое управление для отправки в окрестности г. Нерчинска [Там же, с. 24].

В докладе на 1-м Областном Сельскохозяйственном Съезде, прошедшем в марте 1912 г. в Чите, С. П. Кузнецов сообщает о результатах работы. Он говорит о возможности выращивания в Забайкалье растений из Европейской России, указывает на губительное влияние слишком ярких

солнечных лучей в весенний период и подчеркивает важность борьбы с песками [7, с. 3].

Еще одним примером создания культурного ландшафта служит заложенный весной 1916 г. центральный войсковой питомник, организованный для снабжения лесничества посадочным материалом при искусственном возобновлении леса на местах вырубок и гарей и при борьбе с песками. Для него выделили место на берегу р. Ингоды напротив Титовской станицы в районе войскового дачного поселка. Участок площадью 1 800 кв. саженей (8 194 м²) был раскорчеван и поделен аллеями на 9 кварталов.

Здесь С. П. Кузнецовым были продолжены работы по выращиванию выписанных сортов растений и представителей местной флоры. Возникли сложности с доставкой растений из сада при здании Войскового Хозяйственного управления в виду отсутствия переправы через р. Ингоду. Несмотря на неблагоприятные погодные условия, в питомнике было высажено «...черной смородины российской – 13 кустов, местной облагораживаемой – 7 кустов, малины «Казак» – 261 куст, земляники «Доктор» – 97 корней, яблони дикой местной – 336 двухлеток, одно и двухлеток акации желтой – 730 штук, сирени российской – 17 кустов, бальзамического тополя – 400 черенков и 14 материнских деревьев для резки черенков» [6, с. 3]. Часть видов было высажено семенами. Точных сведений о судьбе питомника после 1917 г. пока не найдено.

9 ноября 1914 г. состоялось торжественное открытие нового здания Музея. Еще до окончания отделочных работ Совет Читинского Отделения Географического Общества обратился в Читинскую Городскую Думу с ходатайством об устройстве прочной железной ограды вокруг музея, установка которой придаст прекрасному зданию законченный вид. Из-за отсутствия ограждения «не могут быть прежде всего осуществлены принятые Советом пожелания: устроить около здания сада, на площади против квартиры Директора гимназии разбить ботаническое отделение сада; устроить небольшую показательную пасеку; установить крупные каменные ар-

хеологические памятники, которые теперь валяются в нескольких местах; устроить перед фасадом здания фонтан, аквариум и террариум» [2, л. 46].

Одновременно Члены Совета указывали на необходимость перенести часть ограды соседнего училища, чтобы организовать проход и уберечь стекла нового здания от порчи детьми во время игр. Ограда перед фасадом музея, расположенная на Пушкинской улице, должна согласоваться с линией ограды сада Жуковского, так же как и ограда училища. Это позволило бы улучшить внешний вид улицы. Члены Городской Строительной комиссии, отправленные для осмотра участка, занятого зданием Географического Общества, признали целесообразным и необходимым сделать такое перемещение ограды училища [Там же, л. 46 об.].

Дальнейшее благоустройство требовало планировки всего выделенного участка земли, организацию освещения, устройство над входными дверями металлических зонтов. При отсыпки тротуаров следовало провести параллельно с ними, с трех сторон отводные каналы для защиты от затопления подвального помещения, в котором помещается котел парового отопления [Там же, л. 66 об.].

Но все эти намерения могли остаться только на бумаге, так как в феврале 1915 г. поступило отношение от Читинской Городской Управы об освобождении здания музея для размещения в нем военнопленных [10, с. 54]. Лишь спустя три месяца вопрос был решен и музей вернулся к прежней работе.

После неоднократных обращений Председателя Отделения ПО ИРГО, военного губернатора, генерал-лейтенанта А. И. Кияшко Читинская Городская Дума в мае 1916 г. поручила городскому архитектору О. Е. Пономареву составить смету на устройство ограды и планировку прилегающего к зданию участка [2, л. 45 об.].

По распоряжению Городского Головы к земляным работам на территории музея и библиотеки были привлечены военнопленные и в конце июля 1916 г. ограда вокруг здания была установлена [2, л. 43 об.]. Еще

предстояло привезти землю, дерн, деревья, кусты, разбить цветники, устроить систему полива сада. К организации этих работ приступил директор музея А. К. Кузнецов. Так на карте нашего города появляется еще один культурный ландшафт.

Постановлением Правительства Дальне-Восточной Республики все музеи, находящиеся на территории ДВР и бывшие в ведении Российского Географического Общества, объявлены общегосударственным достоянием и переданы в ведение Министерства Народного Просвещения с переименованием в краевые [10, с. 62]. Реорганизация музея, решения по вопросам кадров, связанных с разработкой музейных коллекций для внесения вклада в дело промышленного и сельско-хозяйственного образования, востребованного самой жизнью ДВР, занимают много времени у директора музея. Но, несмотря на большую загруженность в связи с утверждением нового Устава, вопросами ремонта отопления здания, Алексей Кириллович продолжает уде-

лять внимание саду. Так в феврале 1921 г. принимается решение о выделении средств на ремонт скамеек [3, л. 1].

В период с июля 1921 г. по июль 1922 г. был увеличен дендрологический питомник посадкой новых растений: абрикоса, облепихи, персика, культурной и дикой смородины, малины в количестве около 100 штук [4, л. 6 об. –7]. В июле 1922 г. изыскиваются средства в размере 5 руб. на устройство ограды для клумб [3, л. 78]. На фотографиях 1923 г. запечатлен А. К. Кузнецов в саду музея на фоне высоких молодых деревьев и пышных цветников. Впоследствии этот сад получил статус дендрария, а сейчас в нем идет работа по созданию экспозиций природно-климатических зон Забайкалья.

Таким образом, часть культурных ландшафтов, появившихся в начале XX в., продолжали существовать в годы Дальневосточной республики. Некоторые из них, созданные как место организации культурного досуга населения, существуют до сих пор.

Источники и литература

1. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). – Ф. 94. – Оп. 1. – Д. 394.
2. ГАЗК. – Ф. 94. – Оп. 1. – Д. 746.
3. ГАЗК. – Ф. Р-517. – Оп. 1. – Д. 3.
4. ГАЗК. – Ф. Р-517. – Оп. 1. – Д. 4.
5. Закаблуконская Н. Н. Из истории создания культурно-исторических ландшафтов в Забайкальском крае (XIX – первая треть XX в.) // Современное развитие регионов России: экономические, социальные и политические аспекты (к 350-летию вхождения Бурятии в состав России): материалы межрегиональной науч.-практ. конф. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. – С. 260–262.
6. Кузнецов С. П. Первый год существования центрального воинского питомника // Забайкальский хозяин. – 1917. – № 3–4. – С. 2–8.
7. Кузнецов С. П. Сад и питомник при Войсковом Хозяйственном Правлении Забайкальского казачьего войска. – Чита: Типография Н. П. Первуницкого, 1913. – 32 с.
8. Рыбкина В. Н., Таршис Л. Г. Ландшафтное искусство и региональные особенности фитодизайна в Забайкальском крае. – Чита: Банк культурной информации, 2011. – 208 с.
9. Стрелецкий В. Н., Чернов С. З. Культурный ландшафт в археологии. – Текст: электронный // Энциклопедия. Всемирная история. – URL: https://w.histrf.ru/articles/article/show/kulturnyi_landshaft (дата обращения: 04.10.2020).
10. Харчевников А. В. Забайкальский Отдел Русского Географического общества и Краевой музей имени А. К. Кузнецова за третье десятилетие – с 1914-го по 1924-й год // Обзор деятельности Забайкальского Отдела Русского Географического общества и Краевого музея имени А. К. Кузнецова за тридцать лет (1894–1924) под редакцией правителя дел Отдела и ученого секретаря А. В. Харчевникова. – Чита: Государственная типография, 1924. – С. 45–90.

Пропаганда и культурно-просветительская работа в народно-революционной армии ДВР

Народно-революционная армия Дальневосточной республики отстаивала интересы молодого государства не только на полях сражений, но и на культурном фронте. Военно-политическое управление армии занималось пропагандой, печатало газеты, листовки, организовало театры и творческие кружки, открывало клубы. Эта работа затрагивала не только военных, но и гражданских лиц в городах и селах. В статье на материалах печати показана культурно-массовая и пропагандистская работа управления.

Ключевые слова: Дальневосточная республика, армия, Военно-политическое управление, агитация, пропаганда, театры, пресса

В обеспечении независимости и безопасности любого государства огромную роль играет армия. Эту истину отлично понимали члены правительства молодой Дальневосточной республики, рожденной в боях кровопролитной гражданской войны и схватках с интервентами. Формирование Народно-Революционной армии ДВР началось весной 1920 г., тогда же ее бойцы дважды пытались выбить войска атамана Семенова и поддерживавших его японцев из Читы.

Руководство НРА стремилось воспитывать в солдатах патриотизм, любовь к идеалам революции, поддерживать их боевой дух и поэтому большое внимание уделяло пропаганде, организации досуга в воинских частях. Изначально эта работа находилась в ведении Политотдела НРА ДВР. Однако с декабря 1920 г. началось его преобразование в Военно-политическое управление, или Военпуре. К осени 1921 г. руководящий состав Военпура был полностью укомплектован. Возглавил новый орган коммунист Андрей Лукич Сноскарев. Военпур занимался политическим воспитанием бойцов, снабжал воинские формирования и население прифронтовой полосы газетами, книгами, фильмами, плакатами, вел разъяснительную и агитационную работу.

Рупором Военпура стало специальное издание «Боец и пахарь», созданное путем слияния двух газет «Боец» и «Пахарь». Первая из них была ориентирована в основном на солдат. Главными ее рубрика-

ми были «Оборона Дальне-Восточной республики», «Наша портретная галерея», «Последние сообщения», «Бюро жалоб», «Слово к семеновцам», «В нашей армии», «Почтовый ящик». Редакция газеты находилась в здании бывшей гостиницы «Даурия», где размещалось Военно-политическое управление. Здесь также работала редакция крестьянской газеты «Пахарь». Журналист и краевед Л. Е. Коптелов отмечал: «Газеты «Боец» и «Пахарь» смыкались в основном: они отражали интересы крестьянства, работающего плечом к плечу с рабочим классом, очищавшим родную землю от белогвардейцев и интервентов. В связи с этим и по ряду других причин обе эти газеты в дальнейшем сливались в единый орган» [4, с. 72]. Первый номер газеты «Боец и пахарь» вышел 8 декабря 1920 г.

В газете регулярно печатались сводки с фронта, новости политической жизни ДВР и других государств, рекомендации по боевой подготовке, заметки о жизни в деревне, спектаклях, концертах. Немаловажно, что газета представляла солдатам и крестьянам возможность попробовать себя в роли корреспондентов и даже писателей. На ее страницах выходили наивные, но искренние рассказы простых тружеников и воинов о жизни, их рассуждения о войне, политике, культуре. Сотрудники газеты так сформулировали свою задачу: «Наша газета «Боец и пахарь» служит, главным образом, бойцу и крестьянину для того, чтобы при помощи ее он мог слышать и знать обо всем том,

что делается вокруг него, в его области, в его государстве и во всех странах, углах и уголках мира. Помимо этого газета может, да и должна служить еще тому, чтобы при помощи ее бойцы и крестьяне могли обмениваться своими взглядами, могли, пользуясь ее страницами, проявить свои литературные способности» [3, с. 3]. По замыслу редакции издания и руководства Военпура, газета еще должна была служить своеобразным пособием для организации в деревнях и в армии литературных, драматических кружков, проведению конкурсов, концертов, постановке спектаклей. Поэтому она подробно освещала театральные и музыкальные события, публиковала рецензии.

Примечательно, что при Вонпуре действовала драматическая труппа, которая стала народоармейским театром. До освобождения Читы от семеновцев участники труппы постоянно разъезжали по частям, давали спектакли на фронте. Они побывали на станциях Могзон, Тайдут, Тарбагатай, Петровский Завод и завоевали признательность и любовь солдат. В их репертуаре были в основном классические произведения: «Ревизор», «Без вины виноватые», «Шут на троне», «Гибель надежды», «Горе от ума», «Борьба». Помимо театральных постановок труппа выступала с музыкальными номерами, давала большие концерты. В январе 1921 г. в Чите она организовала бесплатный музыкальный концерт, в программу которого входили произведения Чайковского, Рубинштейна, Даргомыжского, Архангельского, Шопена. Слушатели отмечали исполнительское мастерство музыкантов, хвалили хор, состоявший из 35 чел. К марту 1921 г., когда труппе исполнился ровно год, она дала 83 спектакля, 23 концерта, которые посетили 135 575 чел. [10, с. 4].

Летом 1921 г. в Чите был открыт студийный театр Военпура. Журналисты называли это событие «художественным приобретением города» [12, с. 2].

Подобные труппы и театральные кружки создавались при различных армейских формированиях и в отдельных населенных пунктах. Как правило, в них входили актеры-любители из числа солдат,

крестьян, местной интеллигенции, комсомольцев. Иногда актеры были безграмотны и учили свои роли на слух. Отсутствие образования и специальных навыков они стремились компенсировать природным талантом, энтузиазмом и верой в пользу новых начинаний.

По примеру театра Военпура появилась театральная труппа Забайкальской кавалерийской дивизии, которая совместно с духовым оркестром в 1921 г. совершила поездку по 20 забайкальским деревням, где дала представления, сборы от которых пошли на помощь голодающим Советской России [6, с. 2]. В Нерчинске был создан театр, актеры которого также ездили по окрестным деревням, ставили там спектакли, привозили для сельских кружков и клубов декорации и грим. Правда, как сообщал в 1921 г. культ-просвет работник В. Н. Кузнецов в самом Нерчинске не хватало столь нужных для театральных постановок предметов, что послужило причиной для создания художественно-декоративной мастерской. Завершая сообщение, он указал, что «хотя кругом по уезду имеются Народные Дома и редкий поселок не имеет культурно-просветительного кружка или союза молодежи, но только им еще нужен свет, как духовный, так и... керосин» [9, с. 4].

В репертуар многочисленных кружков и театров входила не только российская и мировая классика, но и новые агитационные произведения. В них изобличались пороки отжившего самодержавия, буржуазии, происки контрреволюции, воспевались подвиги рабочих, солдат и революционеров. К таковым относились пьесы «Террористы», «Красные питерцы», «Раненый народоармеец», «Красный генерал». Местные авторы, воодушевленные широко развернувшимся театральным движением, пробовали себя в роли авторов и постановщиков. К примеру, сотрудник Облжелдора гр. Грибков написал пьесу «Новый путь», которой критики дали краткую, но емкую характеристику: «хороша как агитационная» [8, с. 2].

Перед началом спектаклей агитработники нередко выступали с сообщениями о политической обстановке в ДВР и за рубежом, объясняли собравшимся курс прави-

тельства. Один из авторов заметки в газете «Боец и пахарь» выражал надежду на то, что «революционные спектакли заменят надоевшие митинги и с новой стороны откроют массам величие происходящего и красоту нового мира» [1, с. 2].

Спектакли на революционную тематику старались делать бесплатными. Так, 22 мая 1922 г. в Чите, в клубе имени Лазо шла пьеса «Последняя баррикада Парижской Коммуны». Перед началом представления военком военхозобоза Степанов прочитал доклад о Парижской коммуне. Солдаты и офицеры, выслушав докладчика и посмотрев спектакль, обсуждали гибель парижских коммунаров в 1871 г, задавали вопросы [2, с. 2].

Наряду с докладами на сцене устраивались политические суды, дискуссии на злободневные темы. Популярностью пользовались так называемые живые журналы, когда актеры со сцены озвучивали новости, разговаривали об экономике, политических проблемах.

Еще одной формой работы с населением были агитационные поезда. Огромное впечатление на бойцов Народно-Революционной армии и агитаторов произвел Сибирский областной агитационный поезд, прибывший в Читу в сентябре 1921 г. Его коллектив состоял из певческой капеллы в 70 чел., оркестра под управлением Устюжанинова в 50 чел., а также был укомплектован политпросвет работниками. Соответственно, представления агитпоезда состояли из музыкальной и лекционной частей. На концертах исполнялись революционные гимны и народные песни. Лекции были посвящены сифилису, проблемам материнства и детства.

Представления агитпоезда удостоились восторженных отзывов в прессе. Журналисты писали, как суровые бойцы НРА ДВР, затаив дыхание, наслаждались пением и музыкой, с интересом слушали лекции. Газета «Боец и пахарь» подытожила, что агитпоезд «показал всем, как ведется дело агитации и пропаганды в Советской России и какие формы оно приняло в период строительства рабочего государства» [11, с. 2].

Для многих неравнодушных граждан и местных агитаторов визит агитпоезда стал уроком, заставившим пересмотреть методы агитации, лучше работать с населением. Например, Н. Марков познакомившись с работой гостей, критически взглянул на работу творческих коллективов Военпура: «Работающий в Чите Сибирский агитпоезд, помимо художественных моментов (концерт оркестра и хора) принес еще одну существенную пользу: он воочию показал, насколько мы, авангардные отряды революции на Дальнем Востоке, отстаем в области агитации и пропаганды от своей матери – Советской России.

К чему сводится наша агитационно-пропагандистская работа? К ломанию старых устоев – ответим коротко. Наша работа отрицательна, наша работа – работа разрушения. Мы выводим на свежую воду социал-соглашательские партии, вскрываем язвы капиталистического строя. В горячке ломки мы упускаем из виду другую сторону медали: указывая на отрицательные стороны наших врагов, позабываем сказать, объяснить широким массам, какое мы имеем историческое право на ту колоссальную ломку, которая с 1917 г. ведется нами по всей матушке России.

Правда, наши экономические требования мы обосновываем, но ведь жизнь состоит не из одной экономики. И наша обязанность – показать, что мы имеем на место старого искусства, старого права и старой морали. Показываем ли мы это? Нет. Возьмем наши концерты, репертуар наших оркестров, в частности оркестра Военпура. Что он играет? Да те же старые пошлые вальсы, или же. В лучших случаях, попури из стареньких-стареньких опер.

Вот в этом-то отношении наш гость – агитпоезд и дает нам урок. Цель его концертов показать, что имеет в своем распоряжении сейчас русский народ, какова его культура, каково его искусство. Репертуар, составленный почти сплошь из народных песен, развертывает перед слушателем всю красоту, мощь народного творчества, создателем которого позавидуют буржуазные композиторы и музыканты.

Вот о чем нам напоминает агитпоезд, вот какие уроки мы должны использовать» [7, с. 2].

Прислушавшись к этой критике, сотрудники Военпура, сформировали свой агитпоезд, который весной 1922 г. отправился из Читы в Верхнеудинск. В его составе были духовой оркестр, кинотеатр, драматическая труппа, библиотека и лекционный зал с проекционным фонарем [5, с. 2]. Из Верхнеудинска коллектив агитпоезда планировал сразу же отправиться на фронт.

Ввиду безграмотности значительного числа крестьян и народоармейцев спектакли и концерты были самой эффективной и массовой формой агитации и культурно-просветительской работы. Тем не менее,

Военпур не отказывался и от других способов просвещения населения. Во многих селах при его поддержке создавались библиотеки, организовывались кружки ликвидации безграмотности. К занятиям в этих кружках привлекали учителей из гражданского населения. Кроме того, Военпур открывал кружки лепки, хорового пения, изобразительного искусства.

Таким образом, армейское руководство стремилось использовать все имевшиеся в его распоряжении средства пропаганды и культурно-массовой работы. В деятельность кружков и театров в качестве актеров и зрителей были вовлечены не только военнослужащие, но и жители городов и сел, что способствовало формированию положительного образа армии.

Источники и литература

1. Васильев Г. Революционный спектакль // Боец и пахарь. – 1921. – № 108. – С. 2.
2. Военком В борьбе с темнотой // Боец и пахарь. – 1922. – № 117. – С. 2.
3. Клубник Литературные кружки // Боец и пахарь. – 1921. – № 48. – С. 3.
4. Коптелов Л. Е. Газета и время: Родословная забайкальской периодики. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1978. – 135 с.
5. Красный поезд // Боец и пахарь. – 1922. – № 106. – С. 2.
6. Кунц В. Артисты в помощь голодающим // Боец и пахарь. – 1921. – № 232. – С. 2.
7. Марков Н. Урок для нас // Боец и пахарь. – 1921. – № 194. – С. 2.
8. М. С. Спектакль // Боец и пахарь. – 1921. – № 156. – С. 2.
9. Нерчинский уезд // Боец и пахарь. – 1921. – № 25. – С. 4.
10. Н. М. Праздник народоармейского театра // Боец и пахарь. – 1921. – № 79. – С. 4.
11. Н. М. Как работает агитпоезд (концерт 12 сентября) // Боец и пахарь. – 1921. – № 191. – С. 2.
12. Энэс Театр народоармейца (студия Военпура, бывшее кино «Русь») // Боец и пахарь. – 1921. – № 167. – С. 2.

*Анна Ивановна Перфильева,
Забайкальский краевой краеведческий музей
им. А. К. Кузнецова,
г. Чита, Россия*

Деятельность А. В. Харчевникова в Читинском музее в годы ДВР и Гражданской войны

В статье рассматривается музейная и общественная деятельность одного из сотрудников Читинского краеведческого музея А. В. Харчевникова. Прослеживается его научная и исследовательская работа. Теме «Декабристы» А. В. Харчевников отводил особое место, он занимался ей на протяжении нескольких лет. Особое внимание было уделено сборнику «Декабристы в Забайкалье: неизданные материалы», где наряду с другими исследователями, опубликованы и материалы автора. Данная работа являлась одной из приоритетных для исследователя и выделяет его среди декабристоведов.

Ключевые слова: А. В. Харчевников, Читинский музей, ДВР, Забайкальский отдел РГО, декабристы, научно-исследовательская деятельность

Становление и деятельность ДВР отразилась во всех сферах общественной жизни. Не обошло стороной и работу Читинского музея, где происходили значительные перемены. Правительство республики объявило все музеи общегосударственным достоянием, и передало их в ведение Министерства Народного Просвещения [4, с. 262]. Читинский краевой музей был национализирован и получил имя А. К. Кузнецова, краеведа, общественного деятеля и основателя музея.

Единомышленником А. К. Кузнецов а в решении многих музейных вопросов был А. В. Харчевников, который занимал должность ученого секретаря, помощника директора и заведующего отделом истории края. Его работа на благо музея была плодотворной, а научная и исследовательская работа внесла большой вклад в развитие музейного дела.

Родился А. В. Харчевников в Чите, учился в мужской гимназии, а после поступил на историко-филологический факультет императорского Харьковского института. После окончания, которого вернулся в Читу и преподавал историю во второй женской гимназии. В Гражданскую войну служил в армии А. В. Колчака, но в военных действиях участия не принимал, а был старшим музыкантом и трубачом второго Восточно-Сибирского легкого артиллерийского дивизиона, а затем младшим писа-

рем в управлении начальника артиллерии Д. И. Окрипина.

Музейная «жизнь» всегда привлекала внимание А. В. Харчевникова. В Читинский музей он пришел работать в феврале 1916 г., где началась его активная деятельность. После приобретения музеем нового статуса в 1920 г. увеличилось его штатное расписание и началось финансирование со стороны Министерства народного просвещения ДВР. В это время была сформирована комиссия по реконструкции музея, куда вошел и А. В. Харчевников. Он проделал большую научную, исследовательскую, административную работу, а также работу по пополнению и перерегистрации музейных коллекций. Благодаря его деятельным командировкам в разные уголки страны и края музейные фонды пополнялись ценными экспонатами. Так, из Москвы и Санкт-Петербурга им были привезены разные книги, относящиеся к декабристам. В музее г. Нерчинска были приобретены восемнадцать хорошо сохранившихся фотографий Читы конца XIX в, а также рисунки и художественные полотна местного художника П. Н. Рязанцева. Среди рисунков и полотен были такие как: «Потоп», «Благословение ширетуя», «Буряты у юрты», «Старый город Нерчинск» и т. д.

Кроме музейной работы А. В. Харчевникова привлекала и общественная деятельность. В марте 1921 г. он был из-

бран правителем дел Забайкальского отдела Русского Географического общества. Выступал на собраниях с различными темами исследований, рассматривал и поднимал важные вопросы исторической направленности. Активное участие принимал в работе по разработке программы инструкторских курсов для учителей и учащихся, где исследовал темы по истории края, архивоведению, а также читал лекции в институте народного образования. Был одним из разработчиков положения об архивном комитете, на долю которого приходилась «работа по охране архивов и памятников старины, научная обработка важнейших источников, разработка мероприятий по пропаганде исторических знаний» [6, с. 40–41]. С его помощью происходили изменения и в структурном аппарате общества, который работал по старому Уставу, и только в июле 1923 г., А. В. Харчевниковым был привезен из командировки новый Устав в соответствие с современными требованиями, по которому Читинское отделение Приамурского отдела преобразовалось в Забайкальский отдел Русского Географического общества [3].

В 1924 г. под редакцией А. В. Харчевникова удалось после длительного, десятилетнего перерыва, связанного с гражданской войной и иными трудностями издать очередной, XV, выпуск «Записок Забайкальского отдела Русского географического общества», который состоял из двух частей: материалов по методике краеведения и материалов по краеведению. В одной из частей сборника дается описание А. В. Харчевниковым состояния музея: «...В настоящее время Географическое Общество и музей помещаются в собственном, прекрасном, обширном каменном здании, где восстановлен полуразрушенный музей. Теперь в музее идет непрерывная, напряженная культурно-просветительская работа; фундаментальная библиотека приведена также в полный порядок.

Только Географическое общество, как таковое, долго было парализовано в своей научной деятельности, но это не по нашей вине. Теперь и оно начинает оживать. С величайшей радостью нужно отметить, что к Институту Народного Образования стяну-

то такое большое количество крупных научных сил, какого никогда не видела наша заброшенная окраина.

Я уверен, что никто не будет спорить против того, что только при всестороннем научном исследовании специалистами богатств нашего Забайкалья можно создать счастье народа.

Заявляю, что для всех желающих пользоваться материалами, хранящимися в музее и библиотеке, будут широко открыты двери и оказано возможное содействие.

Участие профессоров Института в работах местного Географического Общества обогатит науку, принесет огромную пользу населению Дальневосточной Республики и послужит к славе и процветанию Института Народного образования, чего я от души желаю» [5, с. 90]. Помощь в издании выпуска оказал бывший Министр народного просвещения ДВР, и заведующий Дальневосточным отделом народного образования М. П. Малышев [Там же].

Одной из тем в изучении этого музееведа была тема «Декабристы». По ней он кропотливо изучал и собирал материалы, провел огромную организационную, научную работу, посвященную 100-летию юбилею восстания. С экспедициями исследователь объездил все Западное Забайкалье. Побывал в Акше, Акатуе, Петровск-Забайкальске, Селенгинске, где он зафиксировал различные воспоминания, собирал вещи связанные с их пребыванием в Сибири, фотографировал дома, могилы, тюрьму, где они содержались, а некоторые из вещей принадлежащих изгнанникам А. В. Харчевникову удалось приобрести даже для читинского музея. А. В. Харчевников провел исследования и реставрационные работы на декабристском некрополе в г. Петровск-Забайкальском. После чего пришел к выводу о том, что памятники находятся в запущенном состоянии, и им может, грозит гибель. Проводимые им исследования позволили в будущем музейщикам составить описания их жизни в Сибири.

Важной работой исследователя стал выпуск сборника «Декабристы в Забайкалье: неизданные материалы» [1], где представлены ценные материалы о жизни и куль-

турном наследии декабристов. Данные работы были исследованы и опубликованы на основе документов и материалов, хранящихся в музейных фондах. Выпуск сборника был приурочен к юбилею восстания, и был опубликован в 1925 г. В него вошли статьи разных исследователей, в том числе и две статьи А. В. Харчевникова. Первая статья «Высылка декабриста Завалишина из г. Читы в 1863 г. по архивным данным Читинского музея», которая содержит сведения о личности и деятельности декабриста, а также дело о его высылке. Вторая это «Книжное наследие декабристов в коллекциях Читинского музея», где автор рассматривает книги на русском и иностранных языках, в том числе упоминает и о двух рукописных книгах, одна из которых это повременная книга, переписанная декабристами и их женами. Также в сборник вошли фотографии мест связанные с пребыванием декабристов, сделанные А. В. Харчевниковым.

Таким образом, А. В. Харчевникову удалось стать настоящим профессионалом

своего дела. Один из забайкальских краеведов Е. Д. Петряев выделяет его среди других исследователей и относит к молодому поколению сибиреведов, отличившихся и развернувших разнообразную культурную работу в Сибири [7, с. 202].

В период разгрома краеведческого движения в Забайкалье А. В. Харчевников был уволен из музея, переехал в Минусинск, где стал директором Минусинского музея им. Н. М. Мартыанова. Деятельность А. В. Харчевникова в Минусинском музее была не долгой, но плодотворной и активной. В своей работе он всячески способствовал развитию музейного дела, проводил организационные мероприятия, способствующие его развитию, а также продолжил исследования по теме «Декабристы».

В августе 1937 г. А. В. Харчевникова арестовали органы НКВД, в связи с тем, что в годы Гражданской войны он проходил службу на стороне белой армии. Его расстреляли в ноябре 1937 г. и в 1957 г. реабилитировали [3].

Источники и литература

1. Декабристы в Забайкалье: неизданные материалы / под ред. А. В. Харчевникова. – Чита: Печатное дело, 1925. – 116 с.
2. Жеребцов Г. А. «Без краеведения мы бессильны...» // Новое Забайкалье. – 1998. – № 23. – С. 12.
3. Жеребцов Г. Александр Васильевич Харчевников. – Текст: электронный // ПРОЗА.ру. – URL: <https://proza.ru/2013/11/26/1180> (дата обращения: 21.10.2020).
4. Закаблукская Н. Н. Музейное дело // Энциклопедия Забайкалья. Читинская область: в 4 т. / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. – Новосибирск: Наука, 2000. – Т. 1. Общий очерк. – С. 260–266.
5. Записки Забайкальского филиала Русского географического общества. Юбилейный выпуск: в 4 ч. – Чита: Поиск, 1996. – № 130. – Ч. 2. Отчеты о деятельности Забайкальского отделения (отдела) Русского географического общества со времени его возникновения (1894–1924). – 480 с.
6. Константинова Н. Н. Краеведческий музей в Чите: история (1894–1970-е годы). – Чита: ЗабГУ; Улан-Удэ: Республиканская типография, 2020. – 208 с.
7. Рыженко В. Г. Забытые имена в истории сибирского краеведения и музейного дела: Александр Васильевич Харчевников // Известия омского государственного историко-краеведческого музея. – 2013. – № 18. – С. 195–203.

*Амир Александрович Хисамутдинов,
Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток, Россия,
Чи Юйчао,
Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток, Россия*

Начало юридического образования на Дальнем Востоке (1919–1922 гг.)

В статье рассматриваются начальные этапы юридического образования на Дальнем Востоке, где почти одновременно, с разницей в год, началась подготовка юристов во Владивостоке (1919) и Харбине (1920). Особенностью этого процесса была большая роль общественной инициативы, когда учебные заведения юридического профиля, Юридический факультет во Владивостоке и Высшие экономико-юридические курсы в Харбине, были созданы не в результате государственных решений, а благодаря усилиям энтузиастов. Отмечены региональные особенности юридического образования, в частности: более позднее и неполное реформирование содержания обучения, а также наличие востоковедческого компонента (чтение лекций по экономике, географии и политики стран Азиатско-Тихоокеанского региона, в первую очередь Китая и Японии, а также изучение восточных языков). Исследование основано на материалах из зарубежных архивов и библиотек.

Ключевые слова: дальневосточные юристы, Юридический факультет в Харбине, факультет общественных наук ГДУ, юридическое образование на Дальнем Востоке, русские юристы в Китае

История юридического образования на Дальнем Востоке, зародившегося сто лет назад и отмечающего ныне юбилей, описана довольно полно, найдя отражение в большом количестве работ. Первыми анализировать этот процесс стали его непосредственные участники А. П. Георгиевский [2, с. 349–360] и Н. П. Автономов [1, с. 3–84], описавшие условия, при которых начиналась подготовка юристов во Владивостоке и Харбине. Тема нашла продолжение и в дальнейшем. Сведения о юридическом образовании либо вошли в исследования по истории высшей школы региона [7; 13; 15], либо составили отдельные работы [9; 10; 12]. Для некоторых авторов характерен персонифицированный подход, в частности, биографии ряда юристов, занимавшихся преподаванием, имеются в работах Н. В. Кочешкова и Г. П. Турмова [6] и Н. В. Хисамутдиновой [14]. Биографические сведения о дальневосточных юристах периода Гражданской войны, ставших преподавателями новых учебных заведений, сообщает и справочник, подписанный «И-ч» [5].

Особенностью начального этапа юридического образования на Дальнем Востоке следует считать большую роль обществен-

ной инициативы: Юридические факультеты и во Владивостоке, и в Харбине были созданы не в результате государственных решений, а благодаря усилиям энтузиастов из числа беженцев Гражданской войны. Попытка же владивостокских властей основать в городе университет с юридическим факультетом (1910 г.) [2, с. 349] и предложение ректора Восточного института А. В. Рудакова усилить юридический аспект подготовки востоковедов (1916 г.) [11, с. 2] не увенчались успехом.

Условия для развития высшей школы региона создались в ходе Гражданской войны. Вызвав повышенную миграцию россиян, она привела к появлению во Владивостоке и Харбине большого числа преподавателей высшей школы и юристов, заинтересованных в трудоустройстве. С другой стороны, потребность в высших учебных заведениях наблюдалась и со стороны молодых людей, как беженцев, вынужденно прервавших обучение, так и местного населения, не имевших возможности продолжить образование в центральной России.

Об актуальности этой проблемы говорит хроника открытия учебных заведений: Историко-филологический факультет

(сентябрь 1918 г.), Высший политехникум (ноябрь 1918 г.), Юридический факультет (октябрь 1919 г.), Высшие экономико-юридические курсы (затем Юридический факультет) в Харбине (1920 г.). Юрист Н. И. Дмитраш писал, что создание отдельных факультетов было «заранее обдуманном решением составить законные части будущего университета» [3, с. 109], что и произошло в апреле 1920 г. с основанием во Владивостоке по решению Временного правительства – Приморской областной земской управы (пришло к власти в январе 1920 г.) Государственного Дальневосточного университета (ГДУ). Историко-филологический и юридический факультеты, работавшие как частные, с этого времени стали структурными подразделениями государственного вуза.

На Юридическом факультете ГДУ существовало два отделения – юридическое и экономическое. На первом, помимо нового набора, продолжили обучение студенты, принятые в 1919 г., поэтому отделение начало работу сразу с двумя курсами. На нем студенты изучали общие дисциплины юриспруденции: государственное право, русское государственное право, историю русского права, уголовное право, гражданское и уголовное судопроизводство, международное право и т. д. На экономическом отделении помимо общих юридических дисциплин велось преподавание специальных отраслей права (финансового, вексельного, торгового, полицейского) [9, с. 95].

С ГДУ координировали свою деятельность и Харбинские юридические курсы, большая часть профессорско-преподавательского состава которых приехала из Владивостока. Курсы оставались частным учебным заведением до 1922 г., пока в 1922 г. не получили официальную аккредитацию от ГДУ, что позволило изменить название на Юридический факультет. На нем, как писала пресса, «осуществляется программа юридического факультета российских университетов. Преподавателями состоят профессора и преподаватели, которые имеют преподавательский стаж в высших учебных заведениях» [17, с. 155].

Формируя программу для обучения юристов в ГДУ, декан С. П. Никонов и другие преподаватели принимали во внимание тот факт, что выпускники будут работать на Дальнем Востоке, а потому включили в учебный план регионоведческие дисциплины и иностранные языки. Усиление дисциплин по регионоведению было характерно и для Харбина, где первым деканом Курсов стал известный юрист Н. В. Устрялов (в конце 1920 г. его сменил Н. И. Миролюбов). Так, харбинские студенты слушали лекции по таким предметам китайского права, как государственное и административное право; гражданское право и процесс; уголовное право и процесс; торговое право [8].

Весной 1919 г. российские вузы претерпели реформу содержания образования, которая коснулась и подготовки юристов: было сокращено время, отводимое на изучение ряда дисциплин (в частности, римское право), а некоторые дисциплины убрали из учебных планов. Вместо них вводились новые курсы: история политических знаний, учения социализма, рабочий вопрос и законодательство, конституционное движение в России и др. Реформа затронула и организацию обучения: юридические факультеты университетов были преобразованы в факультеты общественных наук (ФОН).

В отличие от вузов центральной России реорганизация подготовки юристов в ГДУ произошла гораздо позже и не в полном объеме. Юридический и экономический факультеты были объединены в факультет общественных наук только осенью 1920 г., а содержание обучения изменилось мало. У студентов юридического отделения ФОН в полном объеме сохранилось изучение римского права, истории русского права и уголовного процесса. Новые дисциплины были введены в программу в качестве факультативных [9, с. 98].

План-записка о преподавании дисциплин в 1920–1921 учебном году сообщала, что по объему научных знаний и правам выпускники юридического или экономического отделений соответствуют дипломированным специалистам аналогичных факультетов бывших российских универси-

тетов, а сотрудниками ФОНа «проводится научная разработка юридических и экономических дисциплин, а также сообщение учащимся высшего юридического и экономического образования, необходимого для научной, государственной, общественной или частной деятельности в соответствующих отраслях» [2, с. 358].

Первый выпуск юристов ГДУ был недоволен тем обстоятельством, что диплом об окончании университета им выдавался от имени факультета общественных наук, что, по их мнению, принижало значимость полученного образования. Они обратились в совет ГДУ с просьбой выдать им решение юридической испытательной комиссии и документ об окончании университета без указания на ФОН [4, с. 157]. В целом же первая сессия прошла успешно и оставила у экзаменаторов хорошее впечатление. Журнал сообщал: «Все экзаменовавшиеся серьезно готовились. В результате мы имеем 6 новых юристов. Через год – полтора, когда начнутся выпуски юристов местного университета, количество проходящих через юридическую испытательную комиссию, конечно, возрастет. Но важен первый почин. Мы с удовольствием и отмечаем этот почин» [16, с. 227].

В Харбине первые выпускные экзамены прошли с 26 апреля по 7 июня 1923 г. На них допускались студенты, получившие зачет за восемь семестров. Из шести человек, записавшихся на экзамены перед Юридической испытательной комиссией, сдать их смог только один. Более успешной стала осенняя сессия (19 октября – начало декабря 1923 г.), на которой сдали экзамены пять студентов из шести.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что особенностью высшего юридического образования на Дальнем Востоке было не только наличие двух вузов, готовивших юристов – во Владивостоке и Харбине, но и большая роль общественной инициативы, как при открытии учебных заведений, так и при формировании учебных программ. Условия Гражданской войны и беженской жизни не дали возможности преподавателям обоих юридических факультетов реализовать свои замыслы полностью, но анализ их деятельности дает нам пример рационального подхода к образованию. При современных тенденциях к интернационализации особенно актуальным представляется опыт по организации подготовки юристов в Китае.

Источники и литература

1. Автономов Н. П. Юридический факультет в Харбине, 1920–1937: (ист. очерк) // Право и культура: сборник в ознаменование восемнадцатилетия существования Юридического факультета в г. Харбине. – Харбин: [б. и.], 1938. – С. 3–84.
2. Георгиевский А. П. Государственный Дальневосточный университет в прошлом и настоящем // Приморье, его природа и хозяйство: сборник статей. – Владивосток: [б. и.], 1923. – С. 349–360.
3. Дмитраш Н. Краевой государственный университет во Владивостоке // Великий океан. – 1919. – № 2–3. – С. 109–111.
4. Заявление окончивших университет // Юридическое обозрение. – 1922. – № 4. – С. 157.
5. Ивашкевич Б. А. Писатели, ученые и журналисты на Дальнем Востоке за 1918–1922 гг. – Владивосток: [б. и.], 1922. – 72 с.
6. Кочешков Н. В., Турмов Г. П. Дальневосточные профессора // Труды профессорского клуба. – 1998. – № 4. – С. 3–76.
7. Макаренко В. Г. Новые возможности высшего образования на Дальнем Востоке России: от Восточного института к Дальневосточному Федеральному университету // Известия Восточного ин-та. – 2014. – № 1. – С. 9–15.
8. Миролюбов Н. И. Юридический факультет в Харбине // Высшая школа в Харбине. – № 2, вып. 1. (1922–1923). – Харбин: Тип. КВЖД, 1923. – С. XXXVII–XL.
9. Орнацкая Т. А. Реформирование высшего юридического образования в России в 1917 – начале 1920-х гг. (на примере Дальнего Востока) // Ойкумена. – 2017. – № 2. – С. 91–102.
10. Павловская М. А. Из истории юридического факультета в г. Харбине // Высшее образование на Дальнем Востоке: история, современность, будущее: материалы науч. конф. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1998. – С. 15–17.

11. Рудаков А. В. Докладная записка о назревших нуждах Восточного института в связи с вопросом о его реорганизации: задачи и деятельность. – Владивосток: Изд-во Восточного ун-та, 1916. – 23 с.
12. Сонин В. В. Становление юридического образования на Дальнем Востоке // Высшее образование на Дальнем Востоке: история, современность, будущее: материалы науч. конф. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1998. – С. 12–14.
13. Хисамутдинова Н. В. Высшее образование Дальнего Востока в годы Гражданской войны // Вопросы истории. – 2010. – № 9. – С. 132–138.
14. Хисамутдинова Н. В. Из Владивостока – в эмиграцию: судьбы дальневосточных профессоров // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 2–6. – С. 309–312.
15. Хисамутдинова Н. В. Русская инженерная школа в Китае // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2016. – № 4. – С. 204–212.
16. Юридическая государственная испытательная комиссия // Юридическое обозрение. – 1922. – № 6. – С. 227–228.
17. Юридические курсы в г. Харбине // Юридическое обозрение. – 1922. – № 4 (март). – С. 150–155.

УДК 003:304.4

ББК ШЗ:83.3(2)6:84(2)6

*Людмила Васильевна Камедина,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

«Буфер» как семиотический знак забайкальского текста в русской культуре

В статье через семиотический подход рассматривается знак «буфера» в Забайкальском тексте русской культуры. Использование семиотического метода обусловлено исследовательскими задачами показать реалистическую и метафизическую сущность знака «буфер» и его интерпретацию в истории. Смысл знака раскрыт на региональных текстах, которые аккумулируют духовные смыслы и формируют культурную модель Забайкальского текста.

***Ключевые слова:** семиотика, семиотический знак, буфер, Забайкальский текст, семиотика истории*

Семиотика изучает знаки, которые сохраняют и перерабатывают информацию в обществе, природе, культуре. Любая информация имеет знаковую природу, и передаётся она с помощью знаков. Объектами исследования семиотики являются разного рода коммуникативные процессы. Данное исследование посвящено коммуникациям знака «буфер» в текстах забайкальской литературы. Семиотика как наука видит семиотическое единство всех информационных процессов на разных пространствах и в разных временах. В хронотопах семиотики можно сравнивать, сопоставлять, обобщать результаты изучения знаков в разных знаковых системах. Ю. М. Лотман вводит понятие «семиосферы» для литературы и культурологии [14]. Он рассматривает семиосферу как «присущее данной культуре семиотическое, знаковое пространство, структурно

организованное естественным языком» [Там же, с. 114]. Лотман подчёркивает два разнонаправленных качества семиосферы: замкнутость и открытость. «Замкнутость» семиосферы заключается в отторжении иносемиотических знаков, потому что они требуют «перевода» этих знаков на внутренний язык семиосферы. Этот процесс Лотман называет «семиотизацией фактов» [Там же]. С другой стороны, семиосфера может выходить на контакт с внешним миром, который являет собой внесемиотическое пространство. В таком случае внешние знаки семиотизируются и включаются в семиотическое пространство культурного текста. Так, знак «буфера», организованный хронотопом Забайкальского текста, появился вначале во внесемиотическом пространстве, а потом в закодированном виде вошёл в метафизический смысл текстов культуры забайкальских

авторов. Понятие «Забайкальский текст» введено автором статьи и рассматривается как структурно-семантическое образование с особым хронотопом и смыслами, составляющими часть культурного текста России [9].

Лотман обозначает два подхода к знаку: рациональный и иррациональный. Иррационально, знак – это накопитель памяти культуры. Он пронизывает всю культуру, переходит из одной эпохи в другую, накапливая новые смыслы, при этом, не утрачивая старых. Знак, символ являются механизмами памяти культуры. Знак соединяет реальные и ирреальные миры, эпохи, культуры. Знак высвечивает метафизическую сущность реальностей. Так, знак «буфер» имеет историческую основу, он связан с организацией в 1920 г. «буферной республики», которая была создана на территории между Байкалом и Тихим океаном в 1920–1922 гг.

Словарное значение слова «буфер», по словарю В. И. Даля, имеет прямой и переносный смысл [4]. В переносном значении «буфер» – это то, что (кто) ослабляет конфликт или столкновение между двумя сторонами, т. е. служит буфером для кого-то или чего-то, например, ослабляет столкновение борющихся, враждебных сторон [Там же]. Буферное государство ДВР оказалось территорией, разделяющей враждебные страны Россию и Японию для предотвращения конфликта. Так, знак «буфер», который появился во внешнем пространстве Дальневосточной республики в 1920 г., семиотизировался, вошёл в культурное пространство Забайкальского текста, закодировался как вневременной знак с метафизическим смыслом.

Знак может быть ядром текста, а может сдвигаться на периферию. В хронотопе ДВР знак «буфера» стал ядром Забайкальского текста. При смещении хронотопа знак ушёл на периферию, но не исчез совсем. Он появлялся в советское время в одной интонации, а в постсоветское – зазвучал в многоголосии писательского хора забайкальской литературы в разных регистрах. Книги В. Балябина, К. Седых, Н. Яценко, рассказывающие революционную историю начала XX в. в Забайкальском крае, уже не устраи-

вают современного читателя. Молодое поколение, выросшее в условиях государственного капитализма, уже не понимает, зачем надо было отбирать частную собственность у хороших людей. Временное буферное государство, по их мнению, это «правильное государство». Опрос, проведённый среди студентов-филологов после прослушанной ими лекции о буферной республике ДВР и прочтённых текстах забайкальских писателей, показывает, что они позитивно оценивают создание ДВР в знаках «буфера». Во-первых, это «мирное государство»; во-вторых, – «богатое», «экономика ДВР была капиталистической, а НЭП позволял сотрудничать с Америкой в области торговли»; в-третьих, – культурно насыщенное. Студенты отмечают культурные имена ДВР: будущего маршала Блюхера; «экзотического барона» Унгерна; революционера Лазо, чьим именем до сих пор названа улица в Чите; генерала Дитерихса, связанного с царской семьёй; писателя А. Фадеева, поэтов группы «Творчество» Н. Асеева, С. Третьякова, С. Алымова, Д. Бурлюка, П. Незнамова, Н. Насимовича-Чужака, музыканта О. Лундстрема и будущего голливудского актёра Юла Бриннера.

Лингвист и семиотик В. В. Иванов в своей статье «Семиосфера и история», в предисловии к книге Лотмана «Внутри мыслящих миров», акцентирует внимание на взаимосвязи семиосферы с подходом Лотмана к изучению истории [8]. В. В. Иванов пишет о том, что история не отказывается от достоверности исторического знания, и Лотман это подтверждает, однако, с точки зрения, семиотики истории исторический факт превращается в семиотический знак и подлежит интерпретации [Там же]. Разные авторы будут давать свою эпохальную трактовку историческому событию. Так, знак «буфера» в текстах культуры выходит из-под влияния историков и превращается в знак регионального текста, который может воспроизводиться каждой эпохой и трактоваться по-разному.

Региональная территория представляется теперь уже не физической землёй, а структурированным образом со своими характерными только для неё знаками, превращаясь

в социокультурный бренд. С помощью забайкальской литературы формируется социокультурный код региона. История буферного государства интересовала не только советских писателей с их идеологическими коммунистическими установками, но продолжает интересовать и современных забайкальских литераторов. Совсем иначе представляют буферную республику Ю. Ф. Курц, О. А. Димов. Курц пишет о том, что новая экономическая политика ДВР «вполне устраивала население» [12, с. 214]. В романе «Русский крест» Курц детально на художественном материале описывает 1920-е гг. в Забайкалье [13]. Иной взгляд на «белых» и «красных» выскажет в своём романе «Из жизни в жизнь» О. А. Димов. Он оправдывает забайкальских казаков, которые жили небедно, им было что защищать от революционных разорений, поэтому большинство казачьих семей в романе Димова либо воевало с советской властью, либо эмигрировало в китайское Трёхречье, которое осмысливается забайкальскими авторами в знаке «буфера» между Китаем и родным Забайкальем. Трёхречье было мирным до 1960-х годов, пока китайцы не вытеснили русских с обустроенных станиц.

Забайкалье в творчестве писателей рассматривается как особая земля между Россией и Востоком, которая не раз «спасала» Русскую землю от варварских нападений. В знаке «буфера» предстаёт Даурия в рассказах протопопа Аввакума [7]. Даурская земля с мирной миссией русских казаков и немирным «мунгальским царством» становится пространством договоров между Россией и Востоком. В XIII в. в Кара-Коруме князь Александр Невский договаривается с монгольской ордой, в XVII в. подписывается Нерчинский договор о границах между Россией и Китаем, в 1920 г. в Ганготе, возле Читы, появляется договор о создании буферного государства. В 1939 г. Забайкалье стало на Халхин-Голе буфером, преграждающим путь к агрессивным японским завоеваниям. В знаке буфера представляет Забайкальскую землю Ю. Курц в повестях о Халхин-Гольской войне [11]. Для писателя – это территория геополитического разлома, граница между

западной Русью и азиатским востоком, пограничная, буферная земля России.

В знаке буферного пространства видит Забайкалье М. Е. Вишняков. Он мифопоэтическим языком наделяет Забайкальский текст смысловыми кодами, встроенными в структуру русскую текста. Забайкалье в поэтическом проекте Вишнякова – это буфер между Россией и «глубинной Азией». В поэмах «Даурское лето» и «Даурский трилистник» поэт подчёркивает связь русской, азиатской и европейской культур в Забайкалье: «Быть может, уживчивый русский характер/ один и сумел цементировать здесь/ все эти народы и все племена» [1, с. 121].

Семиотика констатирует, что духовные смыслы и знаковая сущность русской жизни не изменились с веками. Меняется исторический антураж, сменяют друг друга цивилизации, трансформируются идеи, но духовные смыслы бытия народа транслируются по каналам русской мысли, освоенной по словесным кодам русской культуры. Исторические тексты вторгаются в настоящее, трансформируют смыслы культуры, и «прошлое меняет свой облик» [14, с. 385]. По мнению Лотмана, достоверного знания не существует. Историческое событие попадает к историку уже в деформированном виде, т. к. исторический процесс разворачивается из прошлого в будущее, а историк «смотрит на изучаемые тексты из настоящего в прошлое» [Там же, с. 318]. Историю, по мысли Лотмана, можно уподобить киноплёнке, которая, будучи запущенной в обратном направлении, не приведёт к исходному, первоначальному кадру. И. В. Дёмин пишет: «Уже реализованная в истории возможность начинает казаться потомкам единственно возможной и безальтернативной... Однако для историка важно помнить, что... реализованные пути всегда предстают не иначе, как «в окружении пучков нереализованных возможностей» [5].

Забайкальский писатель О. А. Димов отмечает смешение в Забайкалье природы, истории, обычаев, вероисповеданий, культур казаков, эвенков, бурят, старообрядцев. Он пишет: «В отличие от западных россиян, в нас, забайкальских славянах, потомках

русских казаков, переселенцев и ссыльных, есть кровь народов, исторические пути движения которых лежали мимо Байкала, а перекрёстки их – от гобийских песков до северных тундр, от Енисея до Амура, поэтому своими мы чувствуем себя на исконной Руси, в монгольской юрте, в бурятском седле, на оленьей тропе и в эвенкийском чуме» [10, с. 395–396]. В культурном мире О. Димова Забайкалье – тоже буфер между славянской Россией и восточноазиатским пространством. Димов видит «дрейфующее» Забайкалье как остров, который постоянно смещается то в сторону Азии, то в сторону западной России, как собственно и сама Россия одной орлиной головой смотрит на запад, а другой – на восток в знаке национального герба.

Забайкальский поэт В. А. Вьюнов «пристёгивает» всю Россию к Забайкальскому тексту русской культуры. Он задаётся вопросами: как соединить русские просторы с байкальской Азией; как сделать Сибирь русской родиной? [2, с. 10]. Новая Россия, по мнению Вьюнова, колеблется под влиянием разнообразных импульсов своей наследственности: будет ли она вместе с народами Запада возрождать христианскую цивилизацию или вернётся в Азию? Он пишет: «Её евразийцы уже решительно отмежевываются от упадочной культуры Западной Европы с её «воинствующим экономизмом» и поворачиваются лицом к Востоку, к его религиозным культурам с их «подчинённой экономикой», чтобы обосновать пути зарождения новой эпохи самобытной культуры – Евразии, наследницы Монгольской империи XIII–XIV вв.» [Там же, с. 60]. И в этом случае Забайкалье становится буферным пространством, через которое будет осуществляться связь между Западом и Востоком.

Научные основы семиотики пространства, разработанные Юрием Лотманом, предусматривают принятие любого пространства (территории) как определенной знаковой системы со своими смыслами, которую возможно прочесть как текст [3]. И. В. Дёмин, анализируя семиотику «исторического факта» и «исторического события» в работах Лотмана, пи-

шет: «Историописание рассматривается Лотманом в качестве одной из модификаций культурной коммуникации. Исходной предпосылкой, делающей историописание возможным, является, с одной стороны, различие языков (культурных кодов) прошлого и настоящего, а, с другой стороны, их (частичная) взаимопереводимость» [5]. Текст обладает памятью и возможностью интерпретаций. Он вплетён в ткань исторической памяти культуры и порождает поток смыслов.

По мнению Лотмана, факт является результатом интерпретации текстов. Автор текста мог не быть свидетелем или участником события, но «он всё равно превращает в уме свои наблюдения в словесный текст, поскольку он передаёт не то, что увидел, а свою рефлекссию над тем, что увидел, пересказывая виденное» [14, с. 307]. С точки зрения семиотики, по мысли Лотмана, «все виды сообщений являются текстами, разделяя все последствия, вытекающие из пользования текстом как посредником» [Там же, с. 307]. Лотман отождествляет историческое понимание знака с переводом его с языка прошлого на язык настоящего [Там же, с. 383]. С семиотической точки зрения, историк и изучаемое им прошлое «находятся внутри единого пространства человеческой культуры, но они в принципе говорят на разных языках и отношения их асимметричны» [Там же, с. 384].

Таким образом, в контексте семиотики истории Лотмана радикальному переосмыслению подвергается статус исторического факта и понятие исторического процесса. Он предлагает оперировать метафорой «память культуры», которая свяжет язык семиотического кода прошлого с современным языком культуры. История, с его точки зрения, должна отказаться от претензий на абсолютную точку зрения, от последних суждений об исторических событиях и фактах. Лотман считает объяснение истории по преимуществу эстетической деятельностью. Так, региональный текст представляет собой уже не узко местную точку зрения, а попытку концептуального выговаривания себя для всей России. Он может быть понят при условии прочте-

ния локального геокультурного контекста. Геопозэтика забайкальских писателей «упаковывает» Забайкалье в мифопоэтические образы, одним из которых является образ

«буфера», делая локальный текст общерусским текстом, определяя его место, мировые точки, его границы и наращивая в нём культурные смыслы.

Источники и литература

1. Вишняков М. Е. Стихи и поэмы: в 2 т. – М.: Русь, 2005. – Т. 2. – 350 с.
2. Вьюнов В. А. «Я, видимо, очень русский...»: литературные очерки. – Чита: Поиск, 2017. – 120 с.
3. Гришанин Н. В. Текст, символ, миф в семиотическом анализе городской культуры: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. – СПб.: СПбГУКиИ, 2007. – 160 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: ТЕРРА, 1995. – Т. 4. – 688 с.
5. Дёмин И. В. Семиотическая интерпретация исторического познания в концепции Ю. М. Лотмана // *Философия и культура*. – 2017. – № 11. – С. 85–96.
6. Димов О. А. Из жизни в жизнь. – Чита: Поиск, 2013. – 536 с.
7. Житие Аввакума и другие его сочинения. – М.: Советская Россия, 1991. – 368 с.
8. Иванов В. В. Семиосфера и история // Лотман Ю. М. *Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история*. – М.: Языки русской культуры, 1996. – С. VII–XIV.
9. Камедина Л. В. Забайкальский текст в русской культуре // *Учёные записки Забайкальского государственного университета*. – 2014. – № 4. – С. 139–145.
10. Книга встреч с Олегом Димовым. – Чита: Поиск, 2015. – 584 с.
11. Курц Ю. Ф. Красные ковыли Халхин-Гола. – Чита: Экспресс-издательство, 2015. – 276 с.
12. Курц Ю. Ф. На арчаке казачьего седла: очерки истории казачества Забайкальского края. – Чита: Поиск, 2011. – 528 с.
13. Курц Ю. Ф. Русский крест. – Чита: Экспресс-издательство, 2019. – 464 с.
14. Лотман Ю. М. *Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история*. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.

Сведения об авторах

Актямова Н. Н. – заведующая сектором природы, главный научный сотрудник, Забайкальский краевой краеведческий музей им. А. К. Кузнецова, г. Чита, Россия.

Арефьева М. И. – заведующая музейным отделом, Межпоселенческий культурно-досуговый центр, с. Красный Чикой, Россия.

Баранова Е. А. – младший научный сотрудник отдела «Музей декабристов», Забайкальский краевой краеведческий музей им. А. К. Кузнецова, г. Чита, Россия.

Баринов А. О. – канд. ист. наук, г. Чита, Россия.

Беляева Н. А. – д-р ист. наук, профессор, Департамент истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

Беспалько Д. Н. – канд. ист. наук, доцент кафедры истории историко-филологического факультета, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Бухоголова И. В. – художник-реставратор, Забайкальский краевой краеведческий музей им. А. К. Кузнецова, г. Чита, Россия.

Волочаева А. В. – канд. ист. наук, доцент кафедры истории историко-филологического факультета, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Дроботушенко Е. В. – канд. ист. наук, доцент, декан историко-филологического факультета, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Дубинина А. А. – младший научный сотрудник, Забайкальский краевой краеведческий музей им. А. К. Кузнецова, г. Чита, Россия.

Землянский В. Л. – старший научный сотрудник, Информационный историко-научный центр – Военная историческая библиотека Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия.

Камедина Л. В. – д-р культурологии, доцент, профессор кафедры литературы историко-филологического факультета, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Кириллов З. Д. – магистрант 2-го года обучения историко-филологического факультета, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Коваленок Ю. Е. – главный научный сотрудник сектора методической работы, Забайкальский краевой краеведческий музей им. А. К. Кузнецова, г. Чита, Россия.

Константинов А. В. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории историко-филологического факультета, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Косых В. И. – канд. ист. наук, доцент кафедры истории историко-филологического факультета, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Крушевская О. П. – научный сотрудник сектора истории, Забайкальский краевой краеведческий музей им. А. К. Кузнецова, г. Чита, Россия.

Кузнецов О. В. – канд. ист. наук, заместитель директора по научно-просветительской работе, Забайкальский краевой краеведческий музей им. А. К. Кузнецова, г. Чита, Россия.

Кургузов П. В. – независимый исследователь, г. Улан-Удэ, Россия.

Куренная И. Г. – ведущий специалист, комитет культуры по историко-культурному наследию администрации городского округа «Город Чита», г. Чита, Россия.

Ланцова Ю. Н. – канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры истории историко-филологического факультета, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Летяева И. В. – директор, Музей природы, ГО «Поселок Агинское», пгт Агинское, Россия.

Ляхов Д. А. – директор центра научно-методической работы и развития информационных технологий, Государственный архив Хабаровского края, г. Хабаровск, Россия.

Малявина Л. С. – канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории факультета востоковедения и истории, Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск, Россия.

Морозова Е. В. – заведующая отделом проектной работы, Забайкальский краевой краеведческий музей им. А. К. Кузнецова, г. Чита, Россия.

Мясникова Г. В. – старший преподаватель кафедры истории историко-филологического факультета, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Орнацкая Т. А. – канд. ист. наук, доцент, Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия, г. Хабаровск, Россия.

Перфильева А. И. – старший научный сотрудник отдела «Музей декабристов», Забайкальский краевой краеведческий музей им. А. К. Кузнецова, г. Чита, Россия.

Радченко Н. Н. – канд. ист. наук, доцент, и. о. декана исторического факультета, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова, г. Якутск, Россия.

Сергеев О. И. – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДО РАН, г. Владивосток, Россия.

Серебренникова Л. Д. – г. Чита, Россия.

Скажутин Д. В. – старший научный сотрудник сектора истории, Забайкальский краевой краеведческий музей им. А. К. Кузнецова, г. Чита, Россия.

Стрельников В. Г. – канд. геогр. наук, пгт Агинское, Россия.

Хисамутдинов А. А. – д-р ист. наук, профессор, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

Черепанова М. О. – научный сотрудник отдела фондов ГУК, Забайкальский краевой краеведческий музей им. А. К. Кузнецова, г. Чита, Россия.

Чи Юйчао – аспирант, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

Шабельникова Н. А. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных дисциплин, Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД РФ, г. Владивосток, Россия.

Шемякина Н. А. – заведующая, Доронинский краеведческий музей, с. Доронинское, Россия.

Научное издание

ДВР и завершающий этап гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке

Материалы публикуются в авторской редакции
при участии издательства

Вёрстка С. Я. Непомнящих

Подписано в печать 01.02.2021.
Форм. бум. 60×84/8. Бумага ксерографическая.
Печать цифровая. Гарнитура Times New Roman.
Уч.-изд. л. 12,4. Усл. печ. л. 16,7.
Тираж 64 экз. Заказ № 20217.

ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
672039, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30

